

7
17-75

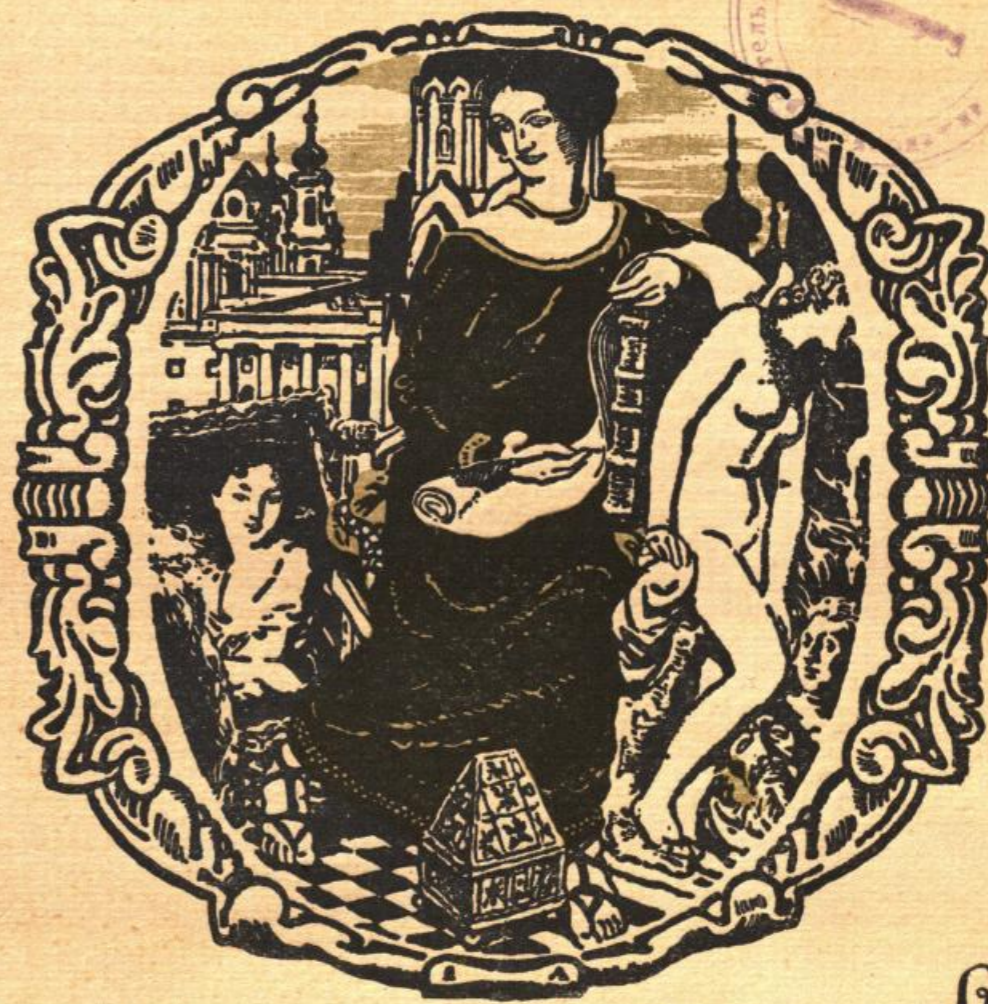
15922

Читальный зал

н.о. №99

Б.Д.

ИГОРЬ ГРАБАРЬ
ИСТОРИЯ
РУССКАГО
ИСКУССТВА

Выпуск
23

Издание Г. Кнебель. — Москва

БАРОНЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ВРАНГЕЛЬ.

(Род. 2 июля 1880 г. † 15 июля 1915 г. в Варшавѣ).

ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГОРНОСТАЕВЪ.

(Род. 5 сент. 1867 г. † 8 июля 1915 г. в Москвѣ).

Судьба угодно было, чтобы лето 1915 года, столь тяжелое для всей России, оказалось исключительно тяжелым и для «Истории Русского Искусства»: один за другим сошли в могилу два главных сотрудника издания—баронъ Н. Н. Врангель и Ф. Ф. Горностаевъ.

Баронъ Николай Николаевичъ Врангель—авторъ всего пятого тома настоящего издания, посвященного истории русской скульптуры (выпуски 9, 10, 11, 12). По истории русской живописи и древнерусского зодчества въ специальной литературѣ накопилось не мало монографического материала, который могъ лечь въ основу Истории Русскаго Искусства большого масштаба, между тѣмъ история скульптуры оставалась все время въ тѣни и никто изъ изслѣдователей, казалось, ею не интересовался. Если не считать бѣлаго очерка П. Н. Петрова въ «Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ» 1890 года, область эта оставалась совершенно незатронутой и приходилось начинать съ азова, обратиться къ первоисточникамъ и зарыться въ архивы. Однако, прежде чѣмъ приняться за изученіе вопроса и его обработку, надлежало выяснить, что осталось до нашихъ дней изъ сокровищъ русской скульптуры 18-го вѣка,—эпохи ея пышнаго расцвѣта. И вотъ начались поиски по всѣмъ дворцамъ, по кладовымъ музеямъ, по кладбищамъ и по многочисленнымъ частнымъ собраниямъ. Живо встаютъ въ памяти совѣстные долги скитанія въ 1906 и 1907 годахъ, когда случалось совершенно неожиданно находить подлинныя жемчужины русскаго искусства гдѣ-нибудь въ пыльномъ амбарѣ, въ складѣ всякой рухляди, среди обломковъ садовыхъ скамеекъ, фонарей и лопатъ. Сколько безконечной художественной радости довелось пережить въ эти незабываемые дни и сколько творческихъ силъ будили эти исканія. Врангель весь ушелъ въ открывшуюся передъ нимъ историческую даль и съ увлеченіемъ приступилъ къ собиранію материаловъ. Въ началѣ 1907 года рукопись была набрана и весною сверстанъ весь томъ, который, по первоначальному плану, имѣлось въ виду выпустить первымъ. Редакціонныя и техническія соображенія отсрочили его появленіе на дѣльхъ два года, что подало автору мысль тогда же сдѣлать изъ своего труда краткій экстрактъ, помѣщенный имъ въ журналъ «Старые Годы» подъ названіемъ «Скульптура XVIII вѣка въ Россіи» (июль-сентябрь 1907 г.). Со времени выхода въ свѣтъ V тома «Истории» было сдѣлано не мало новыхъ открытій и Николай Николаевичъ не разъ говорилъ, что «хотѣлъ бы дожить до второго изданія своего труда, чтобы переработать его заново». Увы,—этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться, и молодого, энергичнаго, живого изслѣдователя не стало. Съ его кончиною оборвалась кипучая, сверкавшая талантомъ жизнь, и трудно примириться съ мыслью, что никогда уже не появятся его легкіе, изящные очерки, безукоризненные стилистически, всегда содержательные, интересные и увлекательные.

Если въ лицѣ барона Врангеля Россія потеряла даровитѣйшаго популяризатора русскаго искусства, одного изъ тѣхъ, кто больше всего содѣйствовалъ недавнему пробужденію въ русскомъ обществѣ интереса къ искусству, то въ лицѣ Федора Федоровича Горностаева сошелъ въ могилу писатель иного склада. Онъ не былъ ни блестящимъ стилистомъ, ни увлекательнымъ рассказчикомъ, совсѣмъ не отличался разносторонностью и меньше всего былъ пригоденъ для популяризаціи искусства. Врангель любилъ все значительное въ искусствѣ, Горностаевъ—не многое, но то, что однажды полюбилъ, онъ любилъ беззаветно, до самозабвенія, и своей любви ни разу не измѣнилъ. Любилъ же онъ прежде всего и больше всего древнюю Русь и ея искусство. Происходя изъ старообрядческой семьи, онъ просто и естественно унаследовалъ то, что многимъ изъ его сверстниковъ давалось лишь путемъ долгихъ исканій и блужданій: онъ обладалъ рѣдчайшимъ даромъ—особымъ «верхнимъ чутьемъ» изслѣдователя, позволявшимъ ему разбираться въ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ стилистическихъ вопросахъ и рѣшать съ завидной легкостью и свободой подлинныя историческія загадки. Задачей современной книги, посвященной истории искусства, не можетъ быть собраніе анекдотовъ изъ жизни художниковъ и легкіхъ историко-бытовыхъ повѣствованій, а должно быть только раскрытіе и уясненіе эволюціи художественныхъ формъ—процесса ихъ зарожденія, развитія, взаимовліянія и вымирания. Въ своихъ историческихъ изысканіяхъ Горностаевъ былъ рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ поборникомъ такого именно взгляда, и едва ли среди русскихъ изслѣдователей, работавшихъ въ области «проблемы формъ», былъ кто-нибудь, кто видѣлъ бы яснѣе и вдумывался глубже. Вспоминаются долгіе зимніе вечера и ночи, проведенные въ безконечныхъ бесѣдахъ и выясненіяхъ наиболее волнующихъ вопросовъ эволюціи архитектурныхъ формъ древней Руси. Пока готовились къ печати «Горностаевскіе выпуски», особенно 5-й, 6-й и 7-й, по его настоянію въ редакціонныхъ бесѣдахъ приходилось взвѣшивать чуть ли не каждую фразу и отдѣльныя выраженія, казавшіяся ему либо недостаточно убѣдительными, либо многословными. Въ совершенно готовый, уже сверстаный и дважды пересмотрѣнный очередной выпускъ онъ вновь и вновь вносилъ поправки, пополненія, поясненія и сокращенія. Не придавая значенія мелочамъ литературнаго стиля, онъ горячо отстаивалъ самую основу своихъ логическихъ построеній, добиваясь лишь краткости и выразительности изложенія. И много такихъ чудесныхъ, увлекательныхъ вечеровъ предстояло еще пережить впереди, ибо Федоръ Федоровичъ взялъ на себя обработку истории русскаго орнамента, а также отдѣлъ древне-русскаго декоративнаго и бытоваго искусства, но тяжелый недугъ, давно уже подтачивавшій его силы, внезапно оборвалъ эту драгоценную и безконечно нужную жизнь.

Пусть эти немногія строки будутъ скорбнымъ вѣнкомъ отъ редакціи «Истории Русскаго Искусства» на раннія могилы двухъ главныхъ сотрудниковъ изданія.

Игорь Грабарь.

Н. Л. Львов

Меншиковская башня
(1765-1767)

Москва

ИГОРЬ ГРАБАРЬ
ИСТОРИЯ РУССКАГО ИСКУССТВА

Въ обработкѣ отдѣльныхъ частей изданія приняли участие:

Алекс. Бенуа, И. Я. Билибинъ, Ал. М. Васнецовъ, бар. Н. Н.
Вранель, архит. О. О. Горностаевъ, С. П. Дятлевъ,
академикъ П. П. Кондаковъ, С. К. Маковский, проф. Г. Г.
Павлуцкий, архит. В. А. Покровский, Н. К. Рерихъ,
прив.-доц. Н. И. Романовъ, проф. М. И. Ростовцевъ,
прив.-доц. А. А. Спицынъ, свящ. Н. А. Сквор-
цовъ, проф. архит. В. В. Сусловъ, В. К.
Трутовскій, проф. А. И. Успенскій,
проф. Б. В. Фармаковский,
архит. И. А. Фоминъ,
архит. А. В. Шу-
севъ и др.

Томъ
IV

АРХИТЕКТУРА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ Г. КНЕБЕЛЬ

ИСТОРИЯ
АРХИТЕКТУРЫ

Томъ
IV

МОСКОВСКОЕ ЗОДЧЕСТВО
ВЪ ЭПОХУ БАРОККО
И КЛАССИЦИЗМА

—
РУССКОЕ ЗОД-
ЧЕСТВО ПОСЛѢ
КЛАССИЦИЗМА

ИЗДАНИЕ
Г. КНЕБЕЛЬ

55024
58463
15922

7(09)
Г 75
IV

51
72(09)

т. IV

**МОСКОВСКОЕ ЗОДЧЕСТВО
ВЪ ЭПОХУ БАРОККО
И КЛАССИЦИЗМА**

(47 + 57) „ 90 1917 ” + 72 (47 + 57) „ 90 1917 ”

Эпоха барокко

I.

СУДЬБА МОСКОВСКАГО БАРОККО.

Блестящимъ архитектурнымъ стилемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Московскаго барокко, завершилась исторія древне-русскаго, до-Петровскаго зодчества. Несмотря на то, что лучшіе образцы новаго искусства появились въ царствованіе государей Іоанна и Петра, и даже въ началѣ единичнаго правленія юнаго Петра, основы этого чудеснаго стиля были заложены значительно раньше и весьма выразительныя памятники его созданы уже при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Поэтому стиль Московскаго барокко или, какъ его иногда именуютъ, — «Нарышкинскій стиль» никоимъ образомъ не можетъ быть названъ «Петровскимъ». Формы Петровскаго барокко, этого типичнаго дѣтища «новаго столичнаго града Санктъ Питеръ Бурха», были, правда, вскорѣ занесены отсюда и въ Москву, но москвичи упорно тяготѣли къ своему собственному барокко, освященному уже преданіемъ и выросшему въ устойчивую, стройную и законченную архитектурную систему. Оба вида барокко мирно уживались рядомъ и развивались параллельно, — особенность, которой не знала новая русская столица. Въ началѣ 18-го вѣка старое теченіе явно преобладало, и въ Москвѣ строились храмы почти ничѣмъ не отличавшіеся отъ выстроенныхъ въ 1690-хъ годахъ. Постепенно, съ появленіемъ сооружений чисто западнаго характера, кое какія черты этихъ послѣднихъ бросили свой отбѣтъ и на формы Московскаго стиля, значительно видоизмѣнивъ его первоначальный обликъ. Это совмѣстное существованіе двухъ вариантовъ одного и того же стиля должно было неизбѣжно отразиться на дальнѣйшихъ судьбахъ Московскаго зодчества, придавъ послѣднему нѣкій особый, мѣстный отпечатокъ.

Наибольше совершенными памятниками Московского барокко надо признать церкви Покрова Богородицы на Филяхъ, *томъ II, приложение къ стр. 440*, и Николы «Большой Крестъ». *Тамъ же, стр. 423*. Первая изъ нихъ, построенная въ 1693 году — завершенный образецъ помѣщичьяго, «вотчиннаго» храма, вторая, оконченная въ 1697 году, является какъ бы осуществленіе идеала торжественнаго «приходскаго» храма. Еще черезъ два года Москва увидѣла храмъ, въ которомъ завезенныя съ юга новшества причудливо сочетались съ старозавѣтными Московскими формами, это — знаменитая церковь Успенія на Покровкѣ. *Стр. 11*. Полюбившаяся всѣмъ «ярусность» вотчинныхъ церквей необыкновенно удачно скомбинирована здѣсь съ «четвериковой» формой городскихъ приходскихъ церквей и съ древлеосвященнымъ пятиглавіемъ. Созданіемъ этихъ замѣчательныхъ храмовъ, казалось, замыкался кругъ эволюціи стили, и послѣдующіе строители были обречены лишь на повтореніе и варіированіе тѣхъ же формъ. Однако, Московскіе зодчіе не отказывались отъ мысли развивать найденные принципы дальше, и мы знаемъ не мало образцовъ церковнаго зодчества первой половины 18-го вѣка, въ которыхъ идеи Московскаго барокко нашли свое дальнѣйшее выраженіе. Сравненіе этихъ памятниковъ съ ихъ предшественниками даетъ указанія на то, въ какомъ направленіи намѣчались исканія Московскихъ мастеровъ и какъ пошло бы развитіе стили, если бы основаніе новой столицы и рядъ энергичныхъ указовъ Петра Великаго не остановили на время каменнаго строительства Москвы¹.

Всѣ главные элементы этого стили были уже намѣчены въ первомъ дошедшемъ до насъ памятникѣ Московскаго барокко, — въ церкви Іоасафа Царевича въ Измайловѣ, построенной въ 1678 г. и являющейся прообразомъ всѣхъ вотчинныхъ церквей. *Стр. 9*. Какъ основная архитектурная идея храма — сочетаніе восьмериковъ съ четверикомъ, дающее столь излюбленную ярусность, такъ и тѣ декоративные приемы, которые мы впервые здѣсь встрѣчаемъ, оказали на дальнѣйшее русское искусство огромное вліяніе². Новшество коснулось даже главокъ, получив-

¹ Для привлеченія каменщиковъ въ повостроившуюся столицу Петръ I издалъ 9 сент. 1714 г. извѣстный указъ о воспрещеніи возводить каменные постройки во всей остальной Россіи. 21 апр. 1722 г. указомъ Синода повелѣвалось «обретающіяся въ Москвѣ у знатныхъ персонъ въ домахъ церкви весьма упразднить». Указомъ 11 марта 1723 г. запрещалось сооруженіе какихъ бы то ни было вотчинныхъ храмовъ. Начиная съ 1714 г. каменное строительство въ Москвѣ надолго прекратилось. Лишь въ видѣ особой милости было разрѣшено достроить нѣсколько храмовъ, начатыхъ до указа и ко дню его опубликованія не вполне законченныхъ, но и эти разрѣшенія стоили долготѣныхъ хлопотъ и вслѣдствіе ихъ строителямъ. Такимъ именно образомъ въ 1717 г. братія Московскаго Крестовоздвиженскаго монастыря добились разрѣшенія достроить свой храмъ, начатый еще въ 1709 г. и заброшенный въ 1714 г. (И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы», ч. II, М. 1891, стр. 735—738). Такимъ же образомъ съ трудомъ удалось добиться разрѣшенія на достройку церкви Петра и Павла въ Басманной, начатой по приказанію самого царя въ 1705 г. (Тамъ же, ч. I, М. 1884, стр. 781). ² Первоначально, благодаря вліянію южно-русскаго духовенства, нахлынувшего въ Москву, усердно проводилась въ жизнь плановая особенность украинскіхъ церквей, — трехсоставность и трехглавіе, расположенное съ востока на западъ, но вскорѣ къ этой сторонѣ новаго храмоваго зодчества охладѣли, направивъ всю изобрѣтательность на развитіе идеи ярусности и разработку соблазнительныхъ своей повизной декоративныхъ

Церковь Іоасафа Царевича въ селѣ Измайловѣ
подъ Москвой.—1678 г.

шихъ грани, соответствующія сторонамъ восьмериковъ. Эти гранныя главки, пришедшія съ юга на смѣну старомосковскимъ, круглымъ, открываютъ новую эпоху и становятся вскорѣ типичнѣйшей особенностью храмоваго зодчества. Еще болѣе посчастливилось другому нововведенію, внесенному въ декорацію Іоасафовскаго храма, — украшенію угловъ наружныхъ стѣнъ полуколоннами. Приемъ этотъ настолько всѣмъ полюбился, что его начали примѣнять при всѣхъ послѣдующихъ храмовыхъ постройкахъ, и безъ такихъ угловыхъ полуколоннъ нельзя представить себѣ церкви, мотивовъ. Специфически украинскій признакъ трехсоставности и трехглавія, отразившійся на дѣломъ рядѣ вотчинныхъ церквей, постепенно отпалъ, уступивъ мѣсто центральному плану при одноглавіи и пятиглавіи.

построенной въ стилѣ Московскаго барокко. Особенно типична въ этомъ отношеніи обработка главнаго восьмерика, полуколонны котораго опираются на изогнутые кронштейны. Этотъ простѣйшій приѣмъ, заимствованный изъ мотивовъ нѣмецко-голландской рѣзьбы, былъ сразу подхваченъ Московскими зодчими, всячески изошрявшимися надъ его дальнѣйшимъ развитіемъ¹. Въ сверкающей убранствомъ церкви Успенія на Покровкѣ стр. 11, 13 колонки съ изогнутыми кронштейнами являются главнымъ мотивомъ всей наружной декораціи, при чемъ на граняхъ восьмерика главы эти кронштейны выросли въ массивныя волюты, своими внушительными размѣрами совершенно убивающія самыя колонки и низводящія ихъ до степени простого декоративнаго придатка волютъ. Въ дальнѣйшемъ этой архитектурной формѣ суждено было играть весьма важную роль среди декоративныхъ приѣмовъ Московскаго зодчества. Колонны постепенно отходятъ на второй планъ, уступая главное мѣсто волютамъ; онѣ становятся все тоньше, превратившись въ родъ жгутовъ², а позже замѣняются пилястрами.

Чрезвычайно типичной для эпохи перелома и новыхъ исканій является церковь Панкратія близъ Сухаревой башни, построенная, какъ свидѣтельствуется настѣнная надпись, въ 1700 году. Стр. 15. Этотъ небольшой, изящный храмъ ясно показываетъ, въ какую сторону были направлены исканія Московскихъ зодчихъ на рубежѣ двухъ столѣтій. Обликъ храма какъ бы предугадываетъ надвигающіяся формы зодчества, ибо весь его силуэтъ дышитъ уже 18-мъ вѣкомъ, и только при внимательномъ разборѣ обнаруживаешь здѣсь элементы русскаго 17-го вѣка. Церковь состоитъ изъ четверика, покрытаго сомкнутымъ сводомъ, на которомъ водружены два восьмерика — нижній, свѣтовой, болѣе массивный, и верхній, глухой, — служащій шейкой главки. Верхній восьмеричекъ украшенъ по угламъ подобіемъ зачаточныхъ, какъ бы атрофированныхъ пилястръ, завершающихся внизу волютами съ перехватомъ. Стороны гранника украшены полукруглыми нишами, замыкающимися архивольтами и дающими впечатлѣніе забранныхъ оконъ³. Осо-

¹ Этотъ приѣмъ изобличаетъ руку иностраннаго мастера, объ участіи котораго въ Измайловскихъ сооруженіяхъ свидѣлствуютъ и современные документы, сохранившіе намъ имя завѣдывавшаго всѣми постройками голландскаго инженера — *Густава ванъ Кампена* (Фанкампънъ, Фамкапенъ и даже Декенпинъ, очевидно искаженное де Кампенъ или де Кемпенъ). (И. Е. Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царей». М. 1905, стр. 482). Само собою разумѣется, что роль ванъ Кампена сводилась главнымъ образомъ къ убранству церкви на новый «нѣмецкій» ладъ, ибо весь ея общій обликъ опредѣленно и ясно указываетъ на ея генетическую связь съ архитектурой Украйны. Несмотря на эти яркія декоративныя новшества, храмъ сохранилъ подлинно русское лицо. Ванъ Кампенъ былъ, по всей вѣроятности, однимъ изъ членовъ многочисленной голландской художественной семьи, наиболѣе извѣстнымъ представителемъ которой является архитекторъ Яковъ ванъ Кампенъ, умершій въ 1657 г. (Ulrich Thieme. Allgemeines Lexicon der bildenden Kuenstler. B. V, Leipzig 1911, S. 460). ² Церкви Ризъ положенія въ Донской (1701 г.) и Воздвиженія на Воздвиженкѣ (1709 г.). Тамъ же, стр. 436. ³ Эта декорація по существу не нова, ибо она представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ нишъ, которыя мы встрѣчаемъ въ верхнихъ восьмеричкахъ церквей Покрова т. II, стр. 419 и Преображенія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ тамъ же, стр. 421, Николы «Большой Крестъ» тамъ же, стр. 423, Николы въ Жолчицѣ тамъ же, стр. 442, Троицы въ Лыковѣ тамъ же, стр. 443 и др. Въ Панкратьевской церкви этотъ старый приѣмъ нишъ освѣженъ лишь новой обработкой, болѣе соответствовавшей духу времени, и получилъ классическій обликъ.

Церковь Успенія Божіей Матери на Покровкѣ. 1696—1699 г.

бенно характерна главка, — сложная, вычурная, кокетливая, всецѣло проникнутая духомъ 18-го вѣка¹.

¹ Въ сущности и эта главка, столь типичная для 18-го вѣка, не является новостью, такъ какъ она цѣлкомъ выросла изъ главокъ Преображенской церкви Новодѣвичьяго монастыря тамъ же, стр. 421, въ свою очередь повторяющихъ формы украинской «бани». Только вмѣсто одного перехвата она имѣетъ два, да сверхъ того грани ея украшены чеканкой, что придаетъ имъ большую нарядность.

Очень неожиданна своей новизной и свѣжестью обработка оконъ нижняго восьмерика, наличники которыхъ завершаются подобіемъ полукруглыхъ фронтонокъ, а вершины арокъ украшены головками ангеловъ и крылышками,—приѣмъ, перенесенный на наружную стѣну храма изъ иконостаса, гдѣ онъ уже давно пріобрѣлъ право гражданства¹. Но самымъ значительнымъ новшествомъ Панкратьевской церкви надо признать тѣ полукруглыя завершения-фронтоны, которые мы здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ на храмовой стѣнѣ. Эти фронтоныя полукружія, завершающія четыре стороны храмоваго куба, являются отдаленнымъ отголоскомъ Новгородской формы фронтоныхъ церквей, какъ бы переведенной на языкъ барокко. Барочный пересказъ забытой древне-русской формы пришелся москвичамъ особенно по душѣ, ибо въ теченіе всей первой половины 18-го вѣка Московскіе зодчіе на всевозможные лады повторяютъ тотъ же мотивъ. Мы видимъ его въ церквахъ Никиты мученика на Вишней горкѣ, Козьмы и Даміана въ Таганкѣ и Покрова въ Кудринѣ, построенныхъ въ самомъ началѣ 18-го вѣка. Его же встрѣчаемъ и въ любопытной церкви Троицы на Капелькахъ *стр. 14*, представляющей, несмотря на свою болѣе позднюю дату, какъ бы недоразвившійся примѣръ новаго храмоваго типа,—переходную ступень между сооружениями 1690-хъ годовъ и Панкратьевской церковью². Рядомъ съ послѣдней, изящной, отточенной до мелочей, Капельская церковь кажется какимъ то топорнымъ обрубкомъ. Особенно бросается въ глаза примитивность обработки главнаго восьмерика, имѣющаго и ниши, и пилястры по угламъ, и намекъ на волюты, но все это въ грубоватомъ пересказѣ. Декоративныя щиты надъ алтарными полукружіями относятся къ позднѣйшему времени.

Годомъ позже церкви Троицы на Капелькахъ строится храмъ, въ которомъ всѣ предшествовавшія художественныя исканія нашли свое яркое выраженіе,—храмъ Іоанна Воинственника, или по народному Івана Воина на Якиманкѣ, одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ, причудливыхъ и замѣчательныхъ, какіе создала Москва. *Стр. 17*. Всѣ тѣ архитектурныя мысли, которыя зодчіе перваго десятилѣтія 18-го вѣка упорно нащупывали въ своихъ постройкахъ, приведены здѣсь въ стройную логическую и законченную систему.

Сохранилось преданіе, что храмъ построенъ по желанію самого Петра Великаго, приславшаго даже утвержденный имъ чертежъ на постройку. Весною 1709 г., во

¹ Если только эти головки не появились впоследствии, при одномъ изъ ремонтовъ храма. ² Ближе всего верхняя часть Троицы на Капелькахъ напоминаетъ двѣ чудесныя Московскія колокольни, въ которыхъ поверхъ сомкнутаго свода, покрывающаго «звонъ», водруженъ еще восьмеричекъ съ шатрикомъ, несущимъ главку. Это—колокольни церкви Георгія въ Лучникахъ близъ Лубянской площади (1693 г.) и Успенія въ Печатникахъ у Срѣтенскихъ воротъ (1695 г.). Церковь Троицы на Капелькахъ начата постройкой въ 1708 г. и закончена въ 1712 г. (В. С. Соколовъ. «Храмъ Живоначальной Троицы на Капелькахъ». М. 1906, стр. 18—30).

Церковь Успенія Божіей Матери. Деталь.

1696—1699 г.

*Церковь Св. Троицы на Капелькахъ.
1708—1712 г.*

время яростнаго наводненія, царь, проѣзжая по большой Якиманкѣ, увидѣлъ церковь, окруженную со всѣхъ сторонъ водою, и спросилъ, какъ она называется. Узнавъ, что она освящена во имя Ивана Воина, онъ сказалъ: «это нашъ патронъ; скажите священнику, что я желалъ бы видѣть новый каменный храмъ на возвышеніи, у самой улицы; дамъ вкладу и пришлю планъ». И дѣйствительно, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, Петръ будто бы прислалъ планъ и вкладъ. Было ку-

*Церковь Панкратія Мученика близъ Сухаревой башни.
1700 г.*

плено новое мѣсто, на горкѣ, и въ томъ же году начата постройка нынѣ существующей церкви, законченная въ 1713 году¹.

¹ А. Мартыновъ. «Русскія достопамятности», т. IV, М. 1883, статья архимандрита Григорія «Церковь св. Иоанна Воина въ Москвѣ», стр. 9—10. Впервые объ этомъ преданіи сообщилъ Н. Д. Горчаковъ, секретарь Моск. Библейскаго общества, напечатавшій о церкви Иоанна Воина статьи въ «Моск. Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1841 г. № 10 и 1846 г. № 25, а также въ «Москвитяинѣ» 1844 г. № 9. Горчаковъ говоритъ, что свои свѣдѣнія заимствовалъ изъ записки стараго священника этой церкви Иллариона Николаева, скончавшагося въ глубокой старости въ 1790 г. и передававшего то, что онъ слышалъ отъ своего предшественника. Записка погибла въ 1812 г. О страшномъ наводненіи 1709 г. свидѣтельствуетъ и Желябужскій въ своихъ запискахъ: «Вода была

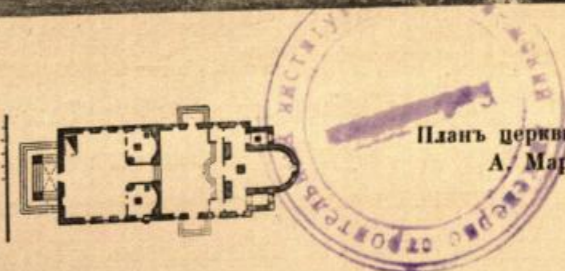
Если даже допустить, что въ этомъ преданіи все, до послѣдняго слова вѣрно, ничего не искажено и не округлено, то и въ такомъ случаѣ совершенно очевидно, что въ храмѣ не воплощено никакой новой, немосковской, извиѣ навязанной архитектурной воли. При первомъ взглядѣ на этотъ памятникъ становится ясно, что легшая въ его основу мысль родилась въ головѣ русскаго зодчаго, а не иноземнаго, и если Петръ поручилъ кому нибудь постройку новой церкви, то конечно какому нибудь Потапову, строителю Успенія на Покровкѣ, или Бухвостову, строителю церкви въ Уборахъ и, вѣроятно, на Филяхъ. Почти всѣ выписанные изъ-за моря мастера были уже поглощены работами на берегахъ Невы, а изъ москвичей царь, словно намѣренно, не взялъ туда никого.

Ни планъ, ни основныя массы храма не представляютъ никакихъ уклоненій отъ того храмоваго типа, который выработанъ мастерами Московскаго барокко. Планъ—продолговатый, съ алтарнымъ полукружіемъ на востокѣ и трапезой на западѣ *стр. 17*, совершенно тотъ же, что и въ церкви Владимірской Божіей Матери въ Китай-Городѣ *томъ II, стр. 432*, а общій его обликъ относится всецѣло къ твердо установившемуся уже типу «восьмерикъ на четверикѣ». Всѣ формы его можно указать въ предшествующихъ храмахъ, но здѣсь онѣ получили дальнѣйшее развитіе и какъ бы иное, болѣе логическое, красивое рѣшеніе. Въ четверикѣ мы снова видимъ полукруглыя завершения средней части стѣнъ, имѣющія здѣсь строгій конструктивный смыслъ выигрыша мѣста въ центрѣ стѣны для помѣщенія большаго окна. Таково значеніе этихъ фронтонныхъ выкружекъ съ сѣверной и южной стороны. На востокѣ подобное завершеніе даетъ возможность удобно приладить къ четверику алтарное полукружіе съ его высокой кровлей, а на западѣ оно предпочтается по идеѣ центральнымъ сооруженіемъ, примыкаетъ трапеза, едва ли входившая первоначально въ расчеты зодчаго и составляющая единственное слабое мѣсто постройки¹. Поднимающійся надъ главнымъ четверикомъ низкій, словно при-

великая на Москвѣ, подѣ Каменный мостъ подѣ окошки подходила и съ береговъ дворы сносила, и съ хоромами, и съ людьми, и многихъ людей потопила, также и церкви многія потопила, и у Ивана Воинственника за Москвою рѣкою церковь Божію потопила, вновь святити». («Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 іюля 1709». Спб. 1840, стр. 245). ¹ Эта трапеза имѣетъ совершенно другое архитектурное «лицо»: не говоря уже о томъ, что ея примитивный «избяной», «кѣвскій» типъ не вается съ кудрявой нарядностью и изобрѣтательнымъ богатствомъ формъ главнаго храма, она кажется съ своими чужими, значительно большаго размѣра окнами, какимъ то постороннимъ, случайно втиснутымъ сюда зданіемъ, досадливо закрывшимъ весь западный фасадъ и главный входъ церкви. Между тѣмъ сохранившіеся документы свидѣлствуютъ, что стройка началась именно съ этой трапезы и ея праваго прилѣза исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авива. Прилѣзъ этотъ былъ освещенъ уже въ 1711 г., за два года до окончанія чернѣ, спаружи настоящей церкви, освященной только въ 1717 г. (А. Мартыновъ. «Русскія достопамятности», т. IV, стр. 15, М. 1883). Возможно, что первоначально существовалъ иной проектъ, по которому и начали строить, а нѣсколько позже рѣшено было остановиться на новомъ, болѣе пышномъ проектѣ. Хотя цѣльности послѣдняго и мѣшало присутствіе уже готовой трапезы, перестраивать и приспособлять ее къ новому зданію не сочли, конечно, пужнымъ. Вотъ единственное объясненіе этой странной несвязности обихъ

Церковь св. Іоанна Воинна
на Якиманкѣ. 1709—1713 г.

Планъ церкви по обмерамъ
А. Мартынова.

давленный восьмерикъ, покрытъ высокимъ сводомъ съ люкарнами, дающими массу свѣта. Здѣсь тотъ же приѣмъ, что и въ церкви Успенія на Покровкѣ, измѣнены лишь пропорціи восьмерика и его покрытія,—особенность, придающая храму необыкновенную стройность и соразмѣрность, благодаря тонко угаданнымъ соотношеніямъ двухъ верхнихъ восьмериковъ. Каждая сторона средняго восьмерика имѣетъ съ боковъ по пилястрѣ, что даетъ впечатлѣніе парныхъ пилястръ, украшающихъ постройку, ихъ органической несаянности, столь непонятной у такого мастера, какимъ былъ авторъ этого замѣчательнаго храма.

углы. Такими же пилястрами убраны и люкарны, декорированныя по сторонамъ волютами. Низъ храма и колокольня также украшены пилястрами, но болѣе грузнаго, дорического типа, что вмѣстѣ съ карнизами и фризами указываетъ на нѣкоторую освѣдомленность строителя въ области классическихъ формъ. О томъ же говорятъ и балюстрады, дающія нарядное архитектурное завершеніе двумъ первымъ ярусамъ. Особенно изящно вплетена въ формы храма верхняя балюстрада, обѣгающая вокругъ средняго восьмерика, захватывающая люкарны и дающая чудесную кружевную площадку. Зодчій Ивана Воина заимствовалъ идею балюстрады съ колокольни церкви Николы въ Мясникахъ, построенной уже въ 1705 г. *Стр. 41.* Онъ только развилъ и разработалъ мотивъ, лишь слегка намѣченный тѣмъ явно иностраннымъ мастеромъ, который строилъ колокольню. Этотъ эпизодъ наглядно показываетъ, какимъ образомъ происходилъ процессъ взаимодѣйствія формъ двухъ видовъ барокко. Перила украшены вазочками, а по угламъ нижней площадки водружены пирамидки. Такія же, только меньшихъ размѣровъ, пирамидки поставлены на волютахъ верхняго восьмерика. Эти послѣднія являются дальнѣйшимъ развитіемъ волютъ Успенія на Покровкѣ *стр. 13* и Панкратія близъ Сухаревой башни *стр. 15*: окончательно атрофированныя пилястры обозначаютъ только мѣсто спайки волюты съ тѣломъ стѣны,—приемъ, отдаленно напоминающій гигантскія волюты знаменитой Венеціанской церкви S. Maria della salute, оконченной за полстолѣтія до Ивана Воина ¹.

Прекраснѣ всего рѣшена декорация боковыхъ фасадовъ церкви. *Стр. 19.* Здѣсь отлично разработанъ порталъ, украшенный увѣренно нарисованной рѣзной картушью—кіотомъ и пилястрами съ рѣзными же композитными капителями, связанными въ одно неразрывное декоративное пятно со всей этой орнаментальной композиціей. Хорошо найденныя пропорціи нижнихъ — прямоугольныхъ и верхнихъ — овальныхъ оконъ, и удачное распредѣленіе на стѣнѣ всѣхъ пятенъ и формъ говорятъ о блестящемъ архитектурномъ чутьѣ и большомъ мастерствѣ зодчаго. Приемъ обработки овального окна жгутомъ съ четырьмя перехватами былъ вскорѣ подхваченъ другими зодчими и мы встрѣтимъ его позднѣе въ цѣломъ рядѣ храмовъ. Колокольня не прибавляетъ ничего новаго въ смыслѣ формъ, повторяя и закрѣпляя уже существовавшіе приемы. Этотъ замѣчательный храмъ высоко цѣнилъ знаменитый Баженовъ, упомянувшій о немъ въ своей рѣчи въ день торжественной закладки Кремлевскаго дворца въ присутствіи императрицы Екатерины II ². Недаромъ онъ соорудилъ здѣсь въ 1791 г. по своему проекту новый великолѣпный иконостасъ, замѣнившій старый, поломанный, нѣкогда наспѣхъ и временно сколоченный ³.

¹ Кстати, на сквозной шейкѣ главы Венеціанской церкви повторенъ видоизмѣненный мотивъ такихъ же волютъ въ миниатюрѣ; здѣсь онѣ, такъ же какъ и у Ивана Воина, несутъ пирамидки. Мотивъ пирамидокъ былъ въ большомъ ходу и въ сѣверной Германіи, и въ Голландіи, откуда его ввѣроятнѣе всего и завезли въ Москву.
² Государств. Арх., разр. XIV, № 51, ч. 2, стр. 390. ³ А. Мартыновъ. «Русскія достопамятности», т. IV, стр. 29.

Церковь св. Іоанна Воина на Якиманкѣ. Деталь.
1709—1713 г.

Въ 1713 году, когда церковь Ивана Воина еще не была закончена и вчернѣ, на сѣверной сторонѣ ограды Донского монастыря началась постройка другого замѣчательнаго памятника Московскаго барокко Петровской эпохи,—надвратнаго храма Тихвинской Божіей Матери ¹. Стр. 21. Въ немъ мы также видимъ приемы хорошо извѣстные его непосредственнымъ предшественникамъ: массивный низъ, съ тремя арками воротъ—почти сколокъ съ нижней части Преображенской церкви Новодѣвичьяго монастыря *тамъ же*, стр. 421, а ярусность самаго храма—прямое развитіе общеизвѣстнаго яруснаго типа. Правда, грани восьмериковъ здѣсь какъ бы стерлись, образовавъ цилиндры, но мы знаемъ въ прошломъ такія же закругленные формы. Достаточно вспомнить извѣстные храмы въ Дубровицахъ *тамъ же*, стр. 425 и на Филяхъ. *Тамъ же*, приложение къ стр. 440. Низъ церкви Тихвинской Божіей Матери, поднимающійся надъ воротами, по плану очень напоминаетъ Дубровицкій храмъ, въ свою очередь несомнѣнно вызвавшій округлыя формы церкви на Филяхъ. Возможно также, что стоявшій тутъ же рядомъ, въ оградѣ, весьма своеобразный, новый, незадолго до того построенный соборъ Донской Божіей Матери закругленными концами своего крестообразнаго плана продиктовалъ и зодчему надвратнаго храма эти округленные формы взаменъ гранныхъ ². Въ изящной, чеканной отдѣлкѣ церкви мы встрѣчаемъ все тѣ же знакомые мотивы—колонки, волюты, главку съ нѣсколькими перехватами, и почти неизбѣжныя отнынѣ фронтоныя полукружія. Новостью являются только модульоны на карнизѣ нижняго яруса. Роль вазочки и пирамидки замѣняетъ нѣчто среднее между той и другой, какая то декоративная нашлепка, напоминающая крошечную главку. Слишкомъ очевидная генетическая связь этого храма со всѣми предыдущими исключаетъ всякую возможность приписывать его постройку иностранцу, но, конечно, отдѣльные мелочи могли быть высмотрѣны въ сооруженіи мастера нерусскаго.

Однимъ изъ яркихъ образцовъ того же архитектурнаго направленія является соборная церковь Заиконоспасскаго монастыря. Стр. 23. Годъ ея постройки въ точности неизвѣстенъ, но, судя по ряду стилистическихъ признаковъ, едва ли будетъ ошибочнымъ приурочить ея сооруженіе ко второму десятилѣтію 18-го вѣка. Подобно нѣсколькимъ другимъ Московскимъ храмамъ, соборъ могъ быть начатъ незадолго до роковаго указа 1714 года, воспрещавшаго возведеніе каменныхъстроекъ,—быть можетъ въ 1712—1713 годахъ, и оконченъ, съ особаго разрѣшенія царя, около 1717—1720 года ³. Это все тотъ же знакомый намъ типъ надвратной ярусной

¹ Храмъ заложенъ 1 іюня 1713 г. и освященъ 9 дек. 1714 г. (И. Е. Забѣлинъ. «Историческія описанія Моск. ставропигіальнаго Донскаго монастыря». М. 1893, стр. 67). ² Переходнымъ типомъ между строго гранными и круглыми церквами можетъ служить церковь Троицы на Хохловкѣ, построенная еще въ 1696 г. Въ ней есть еще грани, но, благодаря круглымъ перекрытіямъ ярусовъ, она издала производить впечатлѣніе круглой. ³ Обычно соборъ считается постройкой эпохи царя Алексѣя Михайловича. (А. Ковалевъ. «Историч. описаніе ставропигіальнаго второкласнаго Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ». М. 1887). Однако, этому противорѣчитъ весь его архитектурный стиль. Послѣдній не могъ быть приданъ храму и въ 1742 г., когда онъ

Надвратная церковь Тихвинской Божіей Матери
въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ. 1713—1714 г.

церкви, блестящій образецъ котораго мы видимъ въ храмѣ Тихвинской Божіей Матери Донского монастыря. Снова встрѣчаемся здѣсь съ полукруглыми фронтонными завершеніями стѣнъ четверика, при чемъ обработка круглаго окна въ тимпанѣ этого фронтона цѣлкомъ повторяетъ овалныя окна Ивана Воина. Стр. 19. Какъ и тамъ, мы видимъ здѣсь пилястры съ композитными капителями, модульоны, консоли. Новостью являются колонны галереи, идущей вокругъ четверика и колонки, несущія главку. Эти мотивы, конечно, не могли быть созданы воображеніемъ родиться въ головѣ русскаго мастера, и были имъ заимствованы.

Новыя идеи, привезенныя въ Москву иностранцами, а также вернувшимися изъ за границы пенсіонерами Петра Великаго и учениками Канцеляріи строеній, сначала лишь слегка отражавшіяся на формахъ Московскаго барокко, постепенно забирали силу и стали медленно, но упорно вытѣснять ихъ изъ жизни, хотя заглушить окончательно все же долго не могли. То тутъ, то тамъ появлялись храмы, въ которыхъ чувствовалось стойкое тяготѣніе къ той же ярусности и тѣмъ же декоративнымъ приемамъ. Не говоря уже о цѣломъ рядѣ небольшихъ церквей, цѣлкомъ повторявшихъ въ самомъ примитивномъ видѣ комбинацію четверика съ восьмерикомъ, очень долго, вплоть до второй половины 18-го вѣка, продолжались попытки дальнѣйшей разработки тѣхъ началъ, которыя вылились въ архитектурѣ Ивана Воина, надвратной церкви Тихвинской Божіей Матери и собора Заиконоспасскаго монастыря ¹.

Прошедшіе европейскую школу, Московскіе зодчіе Аннинской, Елисаветинской, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже Екатерининской эпохи не могли отдѣлаться отъ власти могучаго Московскаго стиля, то и дѣло возвращаясь къ приемамъ начала 18-го вѣка.

Очень убѣдительнымъ примѣромъ живучести Московскаго барокко можетъ служить прелестный храмъ Вознесенія въ Варсонофьевскомъ переулкѣ,—бывшій соборъ упраздненнаго Варсонофьевскаго монастыря. Стр. 25. Начатый постройкой въ 1709 году, онъ въ 1714 г. раздѣлил судьбу всѣхъ каменныхъ сооружений Москвы и долгое время оставался недостроеннымъ. Законченъ соборъ только въ 1730 году, когда онъ получилъ, по всей вѣроятности, кое какія детали, не предполагавшіяся по первоначальному проекту ². Здѣсь нѣтъ ничего, чего бы мы не нашли въ

возобновлялся Мичуринимъ послѣ стихійнаго Московскаго пожара 1737 года. Сохранилось свѣдѣніе, что онъ выгорѣлъ только внутри, гдѣ были настланы новыя полы, устроены новыя иконостасы и произведены штукатурныя работы. (Прот. Н. А. Скворцовъ. «Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII вѣкъ», вып. 1, М. 1911, стр. 27). ¹ Кромѣ раннихъ церквей упрощеннаго яруснаго типа, такихъ, какъ церкви Спаса Нерукотвореннаго Образа (1694 г.), Трехъ Святителей у Красныхъ воротъ (1699 г.), Петра и Павла у Яузскихъ воротъ (1700 г.), Спаса въ Чигасахъ (1700 г.), Ризъ Положенія въ Донской (1701 г.), Троицы въ Троицкой (1708 г.), подобныя церкви появлялись и значительно позже, напримѣръ, Благовѣщеніе на Тверской построено въ 1722 г. и въ томъ же году Спась Преображеніе на Болвановкѣ. ² На алтарной стѣнѣ снаружи помѣщена слѣдующая запись о построеніи храма, изсѣченная на каменной плитѣ: «1709 года начатъ сей святыи храмъ соиздаться при державѣ благочестивѣйшаго государя нашего Петра Великаго императора и самодержца всероссійскаго, а совер-

Соборная церковь въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.
Первая четверть 18-го вѣка.

Церковь Вознесения въ Варсофьевскомъ переулкѣ.
1709—1730 г. Акварель середины 19-го вѣка.

разсмотрѣнныхъ выше памятникахъ, а общій обликъ храма, съ его «подклѣтомъ» и великолѣпной, живописной лѣстницей, возвращаетъ насъ къ стариннымъ деревяннымъ церквямъ. Эта лѣстница въ настоящее время сильно испорчена недавними пристройками, но случайно дошедшая до насъ акварель середины 19-го вѣка даетъ намъ возможность судить о прежнемъ видѣ храма. *Стр. 24.*

шесть при державѣ ея величества государыни нашей Анны Иоанновны самодержицы всероссійскія, нынѣшняго 1730 года». (Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города». Изд. А. Мартынова, текстъ И. М. Спегирева. Т. I, М. 1875, стр. 76).

Церковь Вознесения въ Варсофьевскомъ переулкѣ
близъ Срѣтенки. (Бывшій Варсофьевскій монастырь). 1709—1730 г.

Девять лѣтъ спустя послѣ его освященія, въ Москвѣ былъ заложенъ храмъ, строитель котораго подхватилъ нѣкоторые мотивы Варсофьевскаго собора и надвратной церкви Донскаго монастыря, это—церковь Параскевы Пятницы на Пятницкой, построенная въ 1739—1744 годахъ. *Стр. 71.* Ея четверикъ, какъ и въ Варсофьевскомъ соборѣ, имѣетъ полукруглыя завершения, а грани восьмерика заканчиваются такими же, какъ тамъ, медальонами. Любопытно отмѣтить вазочки-

главки, совершенно повторяющія налѣпки Тихвинской церкви Донского монастыря. Стоящая рядомъ эффектная колокольня, заложенная въ 1746 г., является знаменательнымъ контрастомъ съ церковью: въ противоположность ей чисто Московскому облику, колокольня выдержана въ совершенно иныхъ, западныхъ формахъ, что сильно подчеркиваетъ глубокое различіе двухъ архитектурныхъ міровъ.

Наконецъ, къ этой же группѣ позднихъ памятниковъ Московскаго барокко слѣдуетъ причислить надвратную церковь Златоустовскаго монастыря, построенную въ 1742 году¹. Стр. 67. Ея тройныя пилястры на углахъ главнаго восьмерика взяты съ Варсонофьевской церкви, а обработка верхняго восьмерика даетъ любопытный вариантъ уже извѣстнаго приѣма волютъ, украшающихъ основаніе шейки. Этотъ храмъ построенъ уже Мичуринимъ, архитекторомъ, проходившимъ на школьной скамьѣ ордера Виньолы, и тѣмъ не менѣе весь архитектурный стиль памятника заставляетъ его, подобно Пятницкой церкви, отнести къ послѣднимъ отзвукамъ Московскаго барокко, какимъ то чудомъ попавшимъ въ Елисаветинскую эпоху. На всѣхъ этихъ позднихъ церквяхъ несомнѣнно отразились мотивы западнаго барокко, все больше наводнявшіе Москву, но въ свою очередь и Москва накладывала на образцы западнаго барокко свою печать.

Отдаленные отголоски Московскаго барокко можно найти еще въ цѣломъ рядѣ другихъ церквей, восходящихъ до дней Екатерины II, но эти запоздалыя попытки вдохнуть жизнь въ формы, обреченныя на вырожденіе всей совокупностью надвигавшихся событій, не могли, конечно, увѣнчаться успѣхомъ². Кое какіе элементы этого стиля не умерли, перейдя органически въ творчество большихъ Московскихъ зодчихъ второй половины 18-го вѣка и давши ему печать мѣстнаго, Московскаго пошиба, но послѣдовательное развитіе стиля прекратилось вмѣстѣ съ окончаніемъ Варсонофьевскаго собора и Пятницкой церкви, этихъ послѣднихъ вспышекъ угасавшаго великаго искусства.

¹ А. Мартыновъ. «Русскія Достопамятности», т. III, М. 1880, статья архимандрита Григорія «Московскій Златоустовскій монастырь», стр. 32. ² Определенную связь съ архитектурной системой Московскаго барокко обнаруживаютъ церкви Десяти мучениковъ близъ Новинскаго вала (1735—1738 г.), Вознесенія за Серпуховскими воротами (1762), Алексѣя Митрополита въ Малой Алексѣевской (1748—1751) стр. 77, Архидіакона Евлпа на Мясницкой (1750 г.) стр. 79. Введенія въ Семеновскомъ (1731 г.) и даже Троицы въ Лужникахъ (1778—1789 г.) и Троицы въ Сыромятникахъ (1782—1786 г.), несмотря на всю Екатерининскую видимость этихъ послѣднихъ. Къ сожалѣнію, до нашихъ дней не сохранилось гражданскихъ построекъ, которыя можно было бы стилистически причислить къ группѣ памятниковъ поздняго Московскаго барокко, тѣ же немногія зданія, какія все же удѣлились, какъ увидимъ далѣе, свидѣтельствуютъ объ иныхъ стремленіяхъ и исканіяхъ.

II.

ЗАПАДНЫЯ ТЕЧЕНІЯ.

Наряду съ чисто русскимъ, мѣстнымъ теченіемъ барокко, какъ было указано выше, въ Москвѣ все время пробивалась и струя опредѣленно западная, международная. Уже съ давнихъ поръ, задолго до основанія новой столицы, въ Москвѣ возводились зданія, не имѣвшія ничего общаго со всѣмъ старорусскимъ обликомъ города, точно цѣликомъ выхваченныя изъ сѣверной Италіи. Таковъ, не существующій нынѣ, домъ Посольскаго приказа, построенный въ 1591 г. и сохранный намъ въ рисункѣ шведскаго инженера Пальмквиста, бывшаго въ Москвѣ въ 1674 г. Толь II, стр. 274. Его открытыя аркады, обработка наличниковъ второго этажа и особенно богатый скульптурный фризъ, столь близко напоминающій ранне-барочные декоративныя приемы великаго Венеціанскаго зодчаго Сансовино,—все это до такой степени подлинно западная архитектура, что въ сравненіи съ нею Трезиніевскія постройки кажутся лишь далекимъ провинціальнымъ отголоскомъ могучаго мірового стиля. Такой же подлинностью западной культуры вѣетъ отъ другого дома, стоящаго противъ Посольскаго приказа. Тамъ же. Чисто инженерная дѣловитость рисунка Пальмквиста исключаетъ всякую мысль о какомъ нибудь фантазированіи, «отсебятинѣ», или соотвѣтствующихъ поправкахъ и округленіяхъ автора.

Нѣтъ никакихъ основаній думать, что эти два дома были единственными исключеніями въ городѣ. Если ихъ немного было въ началѣ 17-го вѣка, то послѣ Смуты, вмѣстѣ съ ростомъ нѣмецкой слободы, упрочивалось и заморское строительство. Понемногу съ нимъ свыклись, и значительная часть этихъ чуждыхъ еще недавно формъ получила вскорѣ всѣ права гражданства. «Сперва увеличеніе числа иностранцевъ въ Москвѣ возбудило сильный ропотъ, жалобы священниковъ»,—говоритъ С. М. Соловьевъ. «Иноземцевъ выдѣлили, переселили въ особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась отъ «нѣмцевъ», но это могло только казаться такъ. Русь трогалась съ востока на западъ, и западъ выставилъ ей на пути, какъ свою представительницу, Нѣмецкую слободу, и скоро старая Москва преклонится

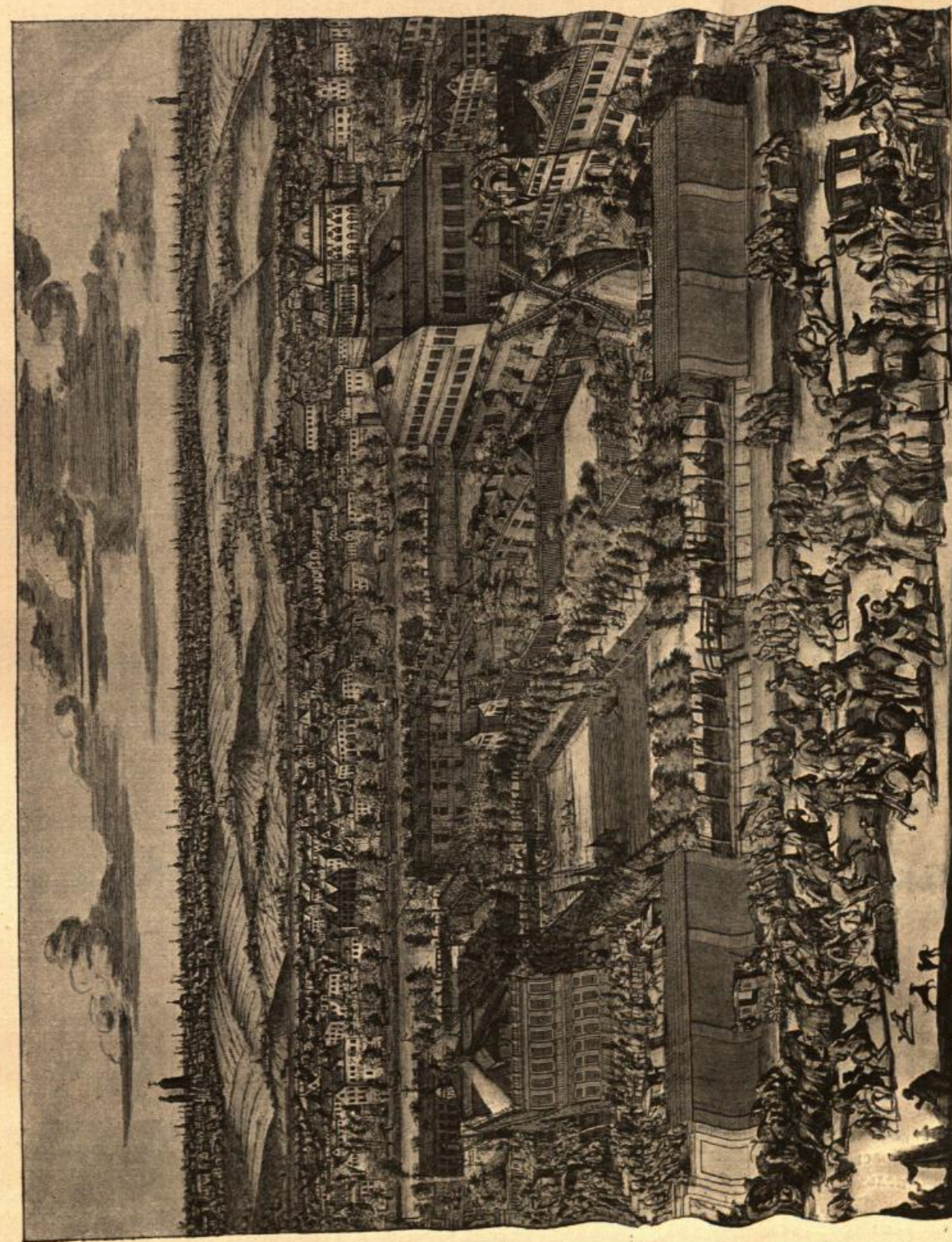
передъ этой слободою своею, какъ нѣкогда старый Ростовъ преклонился передъ пригородомъ своимъ Владиміромъ; скоро Нѣмецкая слобода перетянетъ царя и Дворъ его изъ кремля, обзаведется своими дворцами. Нѣмецкая слобода—ступень къ Петербургу, какъ Владиміръ былъ ступенью къ Москвѣ»¹.

Къ концу 17-го вѣка эта слобода занимала уже пространство, равное одной пятой части всей Москвы. То былъ настоящій иностранный городъ, прильпившійся какимъ то чудомъ къ столицѣ Московскаго государства. Глядя на гравюру начала 18-го вѣка, изображающую Нѣмецкую слободу съ домомъ Лефортова *стр. 29*, получаешь полную иллюзію какого то средневропейскаго городка, и только безчисленные, хорошо знакомыя главки церквей видяющагося вдали города говорятъ о Россіи.

Въ 1692 г. Петръ выстроилъ здѣсь своему любимцу Лефорту великолѣпный домъ, о внѣшности котораго мы можемъ составить себѣ представленіе по нѣсколькимъ современнымъ гравюрамъ. *Стр. 29, 31*. При сооруженіи этого дома Петръ имѣлъ, по словамъ Голикова, «и то намѣреніе, дабы таковымъ строеніемъ и внутреннимъ расположеніемъ и украшеніемъ оного внушить боярамъ лучшей вкусъ въ архитектурѣ и заставить ихъ тѣмъ самымъ споспѣшествовать къ украшенію своей столицы»². Лефортъ вырылъ передъ своимъ домомъ большой прудъ, на которомъ пустилъ нѣсколько игрушечныхъ морскихъ судовъ для потѣхи царя. У пруда стояли пушки для салютовъ при его посѣщеніяхъ Лефортова дома³. Архитектура этого дома, насколько объ этомъ можно судить по гравюрамъ, не отличалась большой затѣйливостію, и вся декорация стѣнъ состояла изъ дорическихъ полуколоннъ или, быть можетъ, пилястръ—трудно разобрать—съ дорическимъ фризомъ въ нижнемъ этажѣ и гладкимъ полемъ въ верхнемъ. Первый этажъ былъ значительнѣе второго и нижнія залы имѣли два свѣта, какъ это видно и на гравюрахъ Шхонебѣка, изображающихъ свадьбу шута Теофилакта Шанскаго въ большомъ залѣ этого дома.

Годъ спустя послѣ постройки Лефортова дома, въ Москвѣ выстроили особую «торжественную залу» для встрѣчи царя, возвращавшагося изъ поѣздки въ Архангельскъ. «Самые искуснѣйшіе художники, которые стремились въ Москву со всѣхъ сторонъ Европы, истощили тамъ все свое искусство»,—говоритъ тотъ же Голиковъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ документы, нынѣ утерянные⁴.

Изъ другихъ Московскихъ домовъ того времени особенной славой пользовался домъ кн. В. В. Голицына, построенный также на иностранный ладъ и убранный всякими диковинками. Домъ этотъ не сохранился и мы можемъ судить о немъ

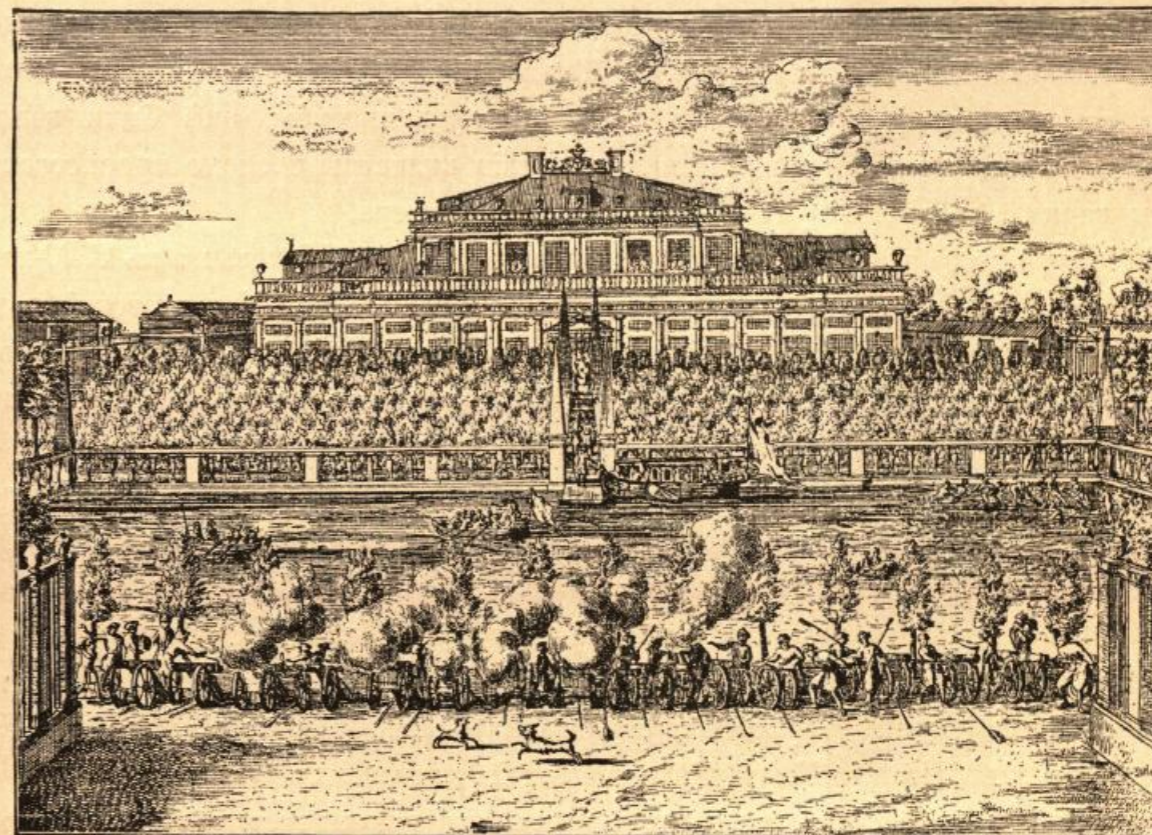
Нѣмецкая слобода. Гравюра Генриха Де-Витта, начала 18-го вѣка.

¹ С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. 2, т. XIII, стр. 798. ² Голиковъ. «Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго», т. IV, стр. 98. ³ Голиковъ. «Дѣянія Петра Великаго», ч. 1, стр. 244. ⁴ «Дополненія къ Дѣяніямъ», ч. IV, стр. 105.

лишь по описаніямъ современныхъ путешественниковъ¹. Счастливый случай сохранилъ намъ—и то въ рисункѣ 1840-хъ годовъ—другой Московскій домъ ранне-Петровской эпохи—знаменитыя палаты кн. М. П. Гагарина. Стр. 33. Палаты эти были выстроены повидимому въ 1707—1708 годахъ, когда славившійся богатствомъ Сибирскій сатрапъ вернулся изъ своей первой поѣздки въ Сибирь и былъ назначенъ Московскимъ комендантомъ. По крайней мѣрѣ во время большого пожара въ августѣ 1709 г. пострадалъ и «новый домъ» кн. Гагарина на Тверской, очевидно выстроенный имъ именно въ дни его комендантства². Домъ не разъ, конечно, чинился и эти ремонты не могли не отразиться на его внѣшности, однако и въ томъ видѣ, въ какомъ рисуетъ его намъ Мартыновъ, онъ даетъ представленіе объ исключительной пышности и затѣйливости его архитектуры. Можно вообразить, какимъ сказочнымъ великолѣпіемъ казались тогда эти бѣлокаменные палаты, обильно украшенныя рѣзбой и всякими хитроумными заморскими штукаами. Недаромъ В. И. Баженовъ еще въ 1773 году, перечисляя лучшіе дома Москвы, восклицалъ: «а всѣхъ домовъ прекраснѣе домъ князя Гагарина на Тверской»³. Въ своемъ наивномъ описаніи Гагаринскаго palazzo Снегиревъ рассказываетъ, что строилъ его какой то иностранный архитекторъ по образцу Венеціанскихъ дворцовъ, при чемъ «на лицевомъ фасадѣ сего дома разными владѣльцами его много сбито рельефныхъ украшеній во вкусѣ архитектуры 17-го вѣка, заимствованныхъ изъ Флорентійскихъ городскихъ домовъ»⁴.

Несмотря на весь провинціализмъ этихъ «Венеціанско-флорентійскихъ» мотивовъ, едва ли зданіе построено русскимъ зодчимъ. Недостатка въ иностранныхъ мастерахъ видимо не было, и если немного было настоящихъ архитекторовъ, прошедшихъ серіозную школу, то разныхъ «каменныхъ дѣлъ мастеровъ» было вдоволь. Не мало понаѣхало и инженеровъ, которые на досугѣ отъ чисто инженерныхъ работъ по фортификаціи, проведенію каналовъ, устройству шлюзовъ и т. п. конечно не отказывались отъ постройки частныхъ домовъ или церквей. Отдѣльные партіи ихъ пріѣзжали въ 1695 и 1696 г., но особенно много такихъ мастеровъ прибыло послѣ поѣздки Петра I по Европѣ въ 1698 году⁵. Вторая значительная группа пріѣхала въ 1703 г. вмѣстѣ съ Трезини, при чемъ одинъ изъ нихъ, *Маріо*

¹ Впрочемъ, не лишено вѣроятія предположеніе, что стѣны Голицынскаго дома сохранились отчасти до нашихъ дней, войдя дѣлкомъ или въ извѣстной долѣ въ тотъ старый мрачный домъ, который стоитъ во дворѣ сади церкви Параскевы Пятницы въ Охотномъ ряду. Однако, до основательнаго изслѣдованія его фундаментовъ и кладки нельзя сказать ничего опредѣленнаго о его былой архитектурѣ. ² «Русскій біографическій словарь», томъ Гаагъ-Гербель, М. 1914, стр. 77. ³ Государственный Архивъ, разрядъ XIV, № 51, ч. 2, стр. 390. ⁴ «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества». Составлена А. Мартыновымъ, текстъ И. М. Снегирева, М. 1851, стр. 60. ⁵ Подробности объ этихъ мастерахъ см. въ т. III, стр. 28. О нихъ же говорить въ своихъ запискахъ Желябужскій, подъ 1698 годомъ: «А на Москву въ тѣхъ же числѣхъ пришли изъ разныхъ государствъ нѣмцы гусары и онженеры, всего ихъ пришло 700 человекъ». («Записки Желябужскаго», М. 1840, стр. 123).

Дворецъ Лефортова въ Нѣмецкой слободѣ.
1692 г. (Гравюра начала 18-го вѣка).

Фонтана, работалъ въ Москвѣ, гдѣ въ числѣ другихъ сооруженій выстроилъ Меншикову въ 1706 году огромный дворецъ въ Нѣмецкой слободѣ¹. Столь видная постройка во всякомъ случаѣ показываетъ, что онъ пользовался всѣми правами архитектора, хотя по документамъ числился всего лишь «палатнаго дѣла мастеромъ»².

По всей вѣроятности этимъ же *Маріо* Фонтана или другимъ какимъ нибудь палатнымъ и каменнымъ мастеромъ, а можетъ быть и однимъ изъ «онженеровъ» Великаго посольства было выстроено то загадочное зданіе въ Нѣмецкой слободѣ, которое извѣстно подъ именемъ Лефортовскаго дворца. Кѣмъ и для какой надобности было затѣяно это огромное мрачное сооруженіе, несмотря на гигантскіе размѣры столь мало похожее на дворецъ? Скудное, монотонное, непомѣрно растя-

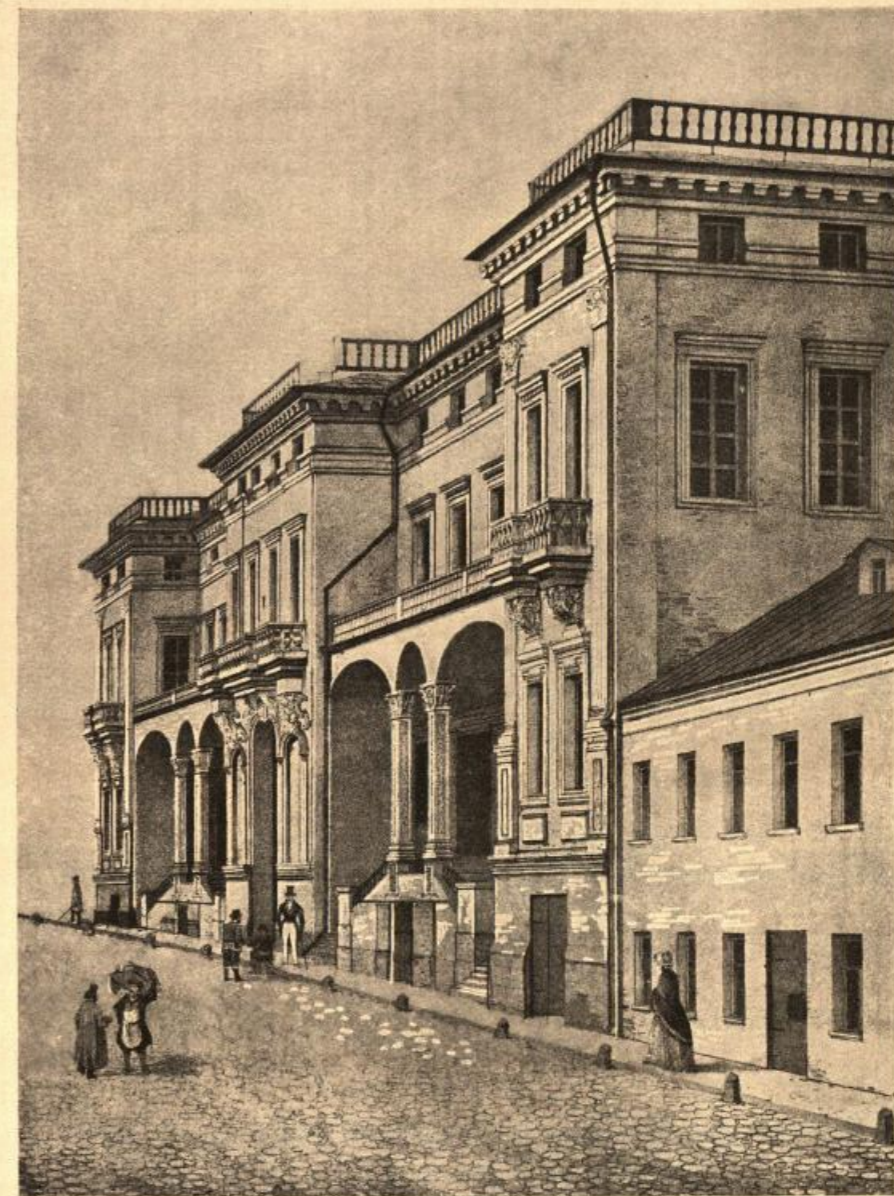
¹ П. Н. Петровъ. «Обзоръ хода строительныхъ дѣлъ по источникамъ до 1716 года». («Журналъ Мин. Пут. Сообщ.» 1869 г., кн. 3, стр. 95). Въ этомъ «большомъ домѣ въ Нѣмецкой слободѣ» Меншиковъ задавалъ пиры, одинъ изъ которыхъ въ 1721 г. описываетъ Берхгольдъ въ своемъ дневникѣ. («Дневникъ камеръ юнкера Берхгольда», М. 1858, ч. I, стр. 271). ² Томъ III, стр. 29.

нутое, крайне неудачное по пропорціямъ, оно имѣетъ только одно подобіе декораціи—главныя ворота, выходящія на Коровій бродъ¹. Стр. 35. Когда въ нишахъ стояли статуи, а во фронтонахъ была цѣла арматура и гербы, онѣ были конечно наряднѣе, но все же непропорціонально короткія пилястры и плохо прорисованные обломы карниза выдають руку мало грамотнаго мастера.

На планѣ этого зданія, снятомъ съ натуры Васиіемъ Обуховымъ въ 1740-хъ годахъ² стр. 35, есть такая надпись, сдѣланная его рукой: «оной Лафертовской каменной домъ въ которыхъ годехъ построенъ отомъ неизвестно ібо оныя ведомство Гоѣ Интенданской конторы вступили съ 733 году одною починкою»³. Такія же надписи есть еще на нѣсколькихъ планахъ старыхъ Московскихъ дворцовыхъ построекъ, хранящихся въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Министерства Двора, и по всему видно, что это — отвѣтъ на какой то запросъ изъ Канцеляріи Строеній по поводу времени сооружеія этихъ зданій: «Лафертовской» или «Слободкой домъ», какъ его называли въ 1730-хъ годахъ, былъ выстроенъ такъ давно, что никто изъ старыхъ служакъ Московской дворцовой конторы не могъ припомнить времени его сооружеія. Обуховская справка на одинъ годъ не вѣрна: домъ былъ переданъ въ завѣдываніе Гоѣ Интендантской конторы въ іюль 1732 года, при чемъ оказался до такой степени запущеннымъ, что напоминалъ скорѣе развалины, чѣмъ жилое зданіе⁴. Сохранилась подробная пріемная опись, изъ которой видно, что строеніе стояло давно уже безъ стеколъ, кровля полуразвалилась, полы, двери и закладныя рамы сгнили, штукатурка обвалилась. Надо было спѣшно принять мѣры къ предотвращенію дальнѣйшаго разрушенія, и вскорѣ была перекрыта кровля и произведенъ капитальный ремонтъ, которымъ руководилъ архитекторъ Мордвиновъ⁵. Совершенно ясно, что зданіе это не было дворцомъ и въ Петровское время, если въ 1732 году его приходилось передавать дворцовому вѣдомству, и остается предположить, что оно принадлежало частному лицу. Но кто изъ частныхъ лицъ при Петрѣ могъ выстроить это множество покоевъ въ двухъ этажахъ, видныхъ на планѣ? Стр. 34. Весьма возможно, что зданіе выстроено самимъ Петромъ для кого либо изъ его любимцевъ, и кто знаетъ, не въ немъ ли Меншиковъ задавалъ свои пиры, въ 1721 году, описанные въ дневникѣ Берхгольца.

Когда въ 1696 году, по случаю взятія Азова, надо было воздвигнуть въ Москвѣ рядъ триумфальныхъ воротъ для предполагавшейся торжественной процессіи, проектировать и строить ихъ пришлось, конечно, мастерамъ изъ первыхъ партій «онже-

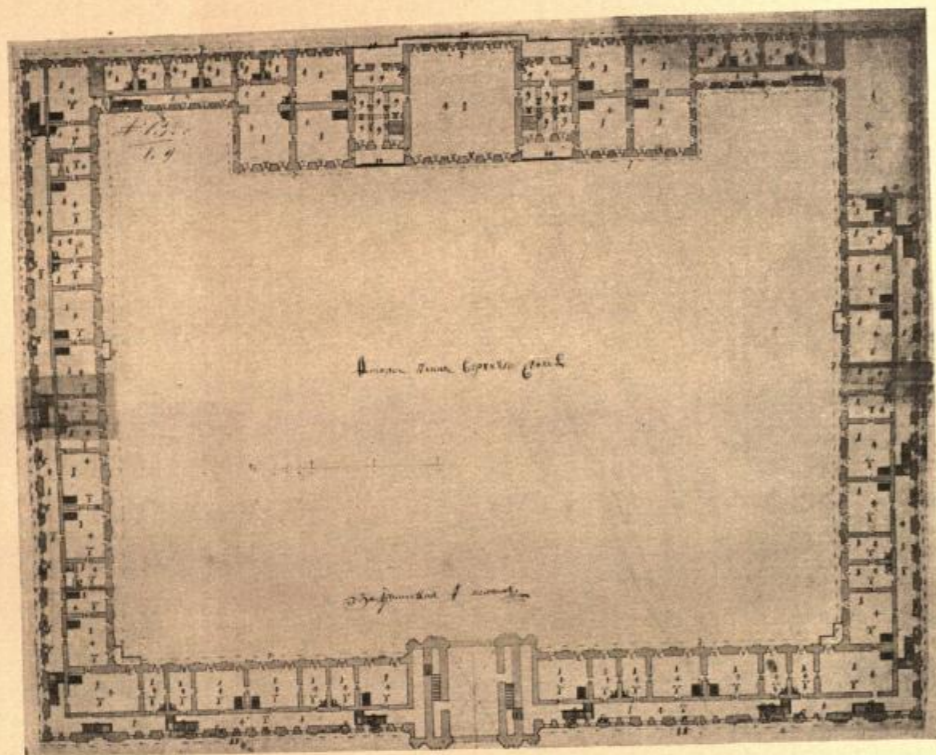
¹ Въ 1790-хъ годахъ знаменитый Казаковъ произвелъ внутри Лафертовскаго дворца рядъ перестроекъ и построилъ новый полукруглый корпусъ, но съ вѣшной стороны все осталось по старому. ² Въ 1730-хъ годахъ Обуховъ былъ архитектурнъ ученикомъ и гезелемъ, въ 1750-хъ годахъ уже архитекторомъ, а въ «заархитекторахъ» числился въ 1740-хъ годахъ. ³ Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 150/Е, № 256. ⁴ Тамъ же, оп. 6, т. 2, № 421, нов. нум. 35456, л. 172. ⁵ Тамъ же, л. 262.

Дворецъ кн. М. П. Гагарина на Тверской.

1707—1708 г. (Рисунокъ 1840-хъ годовъ).

перовъ». Описаніе этихъ воротъ, оставленное намъ Голиковымъ, ясно говоритъ, что вообще вся эта выдумка шла изъ Нѣмецкой слободы. «При входѣ на Каменный мостъ,—разсказываетъ Голиковъ,—были построены триумфальныя ворота образомъ Римскихъ торжественныхъ воротъ со слѣдующими украшеніями: на правой сторонѣ оныхъ на пѣдесталѣ статуя Марсова, имѣющая въ правой рукѣ мечъ, въ лѣвой щитъ съ надписью—Марсовою храбростію; у ногъ его невольники, татар-

Планъ Лефортовскаго дворца въ Москвѣ.
Снятъ съ натуры «архитектурія гезелемъ» Федотомъ Шанинымъ въ 1732 г.
(Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Имп. Двора).

ской Мурза съ лукомъ и колчаномъ, а за нимъ два татарина скованные, съ надписью:

Прежде на стѣнахъ мы ратовались,
Нынѣ жъ отъ Москвы бѣгствомъ едва спаслись»¹.

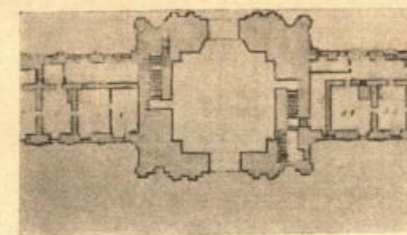
Голиковское описаніе даетъ представленіе о томъ архитектурномъ и декоративномъ вкусѣ, который на рубежѣ 17-го и 18-го вѣковъ былъ занесенъ изъ западной Европы въ Москву. Триумфальныя ворота были, вѣроятно, скомбинированы—если не прямо скопированы—съ различныхъ гравюръ, во множествѣ издававшихся на западѣ, особенно въ Германіи, гдѣ мелкіе владѣтельные князья до смерти любили всякіе торжественныя вѣзды.

Къ сожалѣнію, какъ объ этихъ воротахъ, такъ и о всѣхъ почти гражданскихъ постройкахъ мы можемъ судить только на основаніи случайныхъ описаній современниковъ, да въ рѣдкихъ случаяхъ по гравюрамъ и рисункамъ. Счастливый слу-

¹ «Дополненія къ Дѣніямъ», ч. IV, стр. 192—193.

**Лефортовскій
дворецъ
въ Москвѣ.**

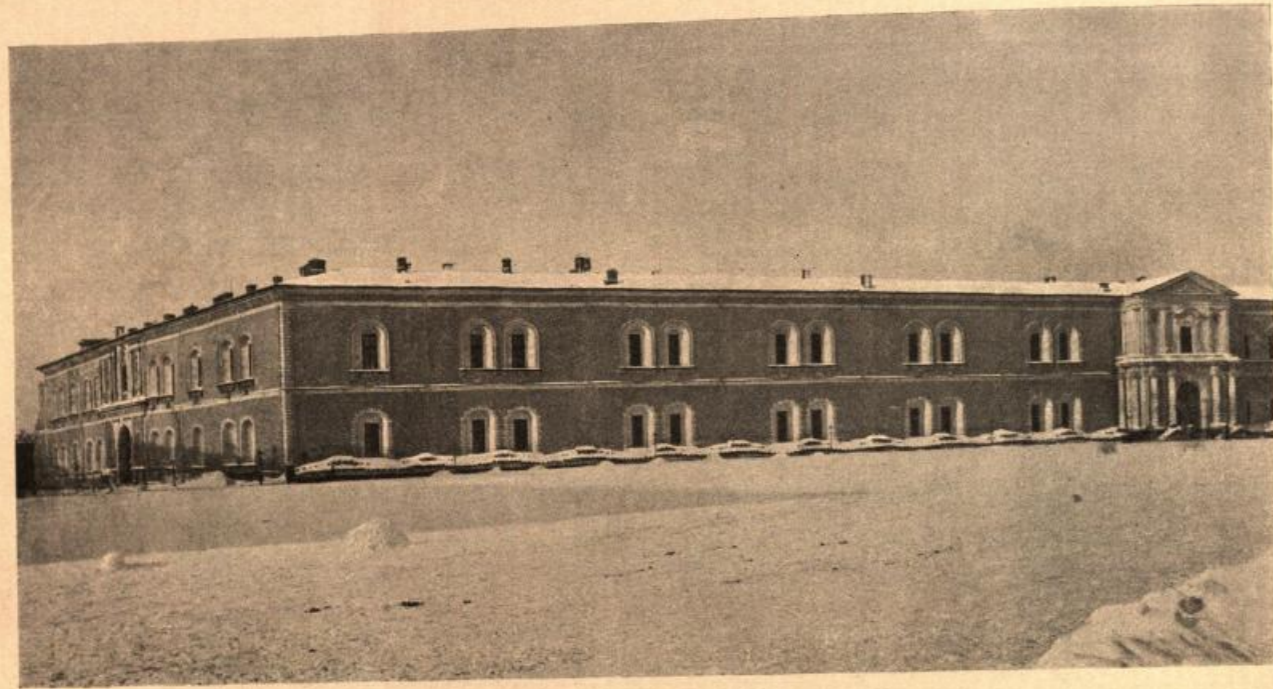

Начало 18-го вѣка.
Планъ дворца 1740-хъ годовъ,
въ Моск. Отд. Общ. Архива
Мин. Двора.

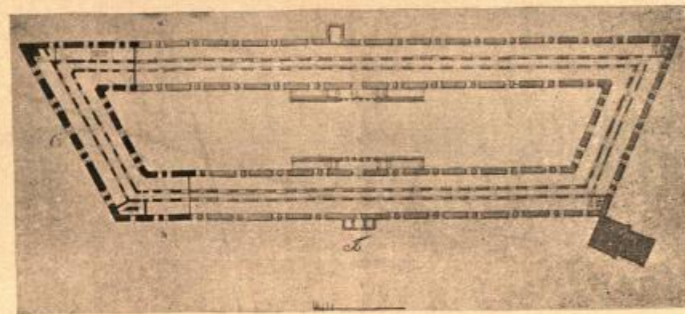
чай сохранилъ до нашихъ дней только одно значительное сооруженіе, не утратившее своего Петровскаго характера, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, какія есть въ Москвѣ—грандіозное зданіе арсенала въ Кремлѣ. Стр. 36.

Лѣтомъ 1701 г. сильный пожаръ уничтожилъ деревянныя постройки, во множествѣ ютившіяся въ Кремлѣ и заполнявшія чуть ли не всѣ свободныя мѣста между церквами и немногими каменными строеніями. Послѣ пожара сразу образовались въ разныхъ мѣстахъ обширныя свободныя площади и представлялась возможность упорядочить наконецъ планъ Кремля въ архитектурномъ смыслѣ. Больше всего мѣста освободилось на сѣверной сторонѣ Кремля, гдѣ оставалось всего нѣсколько незначительныхъ построекъ, и царь приказываетъ въ ноябрѣ того же года «отъ Никольскихъ воротъ до Троицкихъ всякое, по правую сторону, строеніе ломать до подошвы и на томъ мѣстѣ строить вновь Оружейный домъ, именуемый Цейхаузъ, по чертежамъ, каковы даны будутъ изъ Преображенскаго»¹. Строите-

¹ П. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», изд. 2, ч. I. М. 1905, стр. 409.

**Кристофъ
Конрадъ.**
Арсеналь
въ Московскомъ
Кремлѣ.
(«Цейхгаузъ»).

1702—1736 г.
Планъ арсенала
съ чертежа
19-го вѣка
въ библиотекѣ
Моск. Истор.
Музея.

лемъ новаго арсенала былъ назначенъ *Кристофъ Конрадъ* (Christoph Conrad), какъ его называютъ документы—«выѣзжій ивоземецъ Саксонскія земли каменнаго и полатнаго строенія мастеръ Христофоръ Христофоровичъ Кундорать»¹.

¹ Тамъ же, стр. 410. Конрадъ былъ опредѣленъ 19 июля 1701 г. въ вѣдомство Посольскаго приказа, а потомъ перемѣщенъ въ вѣдомство Оружейной палаты. Онъ былъ нанятъ съ тѣмъ, чтобы выстроить цейхгаузъ «по нѣмецкому манеру» и чтобы выучилъ русскихъ каменщиковъ каменной работѣ по нѣмецкому же манеру. Въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ сохранилась любопытная записка Конрада, въ которой онъ, ссылаясь на большой интерес государя къ постройкамъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Fachwerk», предлагаетъ начальнику Оружейной палаты, боярину Ѳ. А. Головину обучить русскихъ мастеровъ искусству строить эти огнеупорныя зданія, а также и инымъ тайнамъ своей науки. Начавъ свой «меморіалъ» съ описанія трехъ родовъ камня, онъ говоритъ далѣе о кладкѣ, о «фахверковыхъ» постройкахъ, о необходимости избѣгать слишкомъ большой скученности построекъ и о другихъ противопожарныхъ мѣрахъ. Самъ онъ называетъ себя «theutscher maurmeister und Steinsetzer», и говоритъ, что съ юности обучался въ Германіи и другихъ чужихъ странахъ. Въ 1730-хъ годахъ онъ уже подписывался «architector». (Дѣла о выѣздахъ 1700 г.). Сохранившаяся жалоба Конрада на дьяка Курбатова, завѣдывавшаго приказомъ Оружейной палаты, въ которомъ находился нѣмецкій архитекторъ, вскрываетъ передъ нами тѣ жестокія условія, въ которыхъ приходилось въ ту пору работать въ Москвѣ. Курбатовъ нещадно билъ его палкой по головѣ и когда тотъ запротестовалъ, пригрозилъ

Кристофъ Конрадъ. Главный порталъ Кремлевскаго арсенала («цейхгауза»).
1702—1736 г.

Планъ цейхгауза былъ продиктованъ мѣстностью и, несмотря на большія трудности заданія, его архитектору удалось найти необыкновенно удачное рѣшеніе, обезпечившее сооруженію ту серьезность и внушительность, какая отъ него требовалась. Два чрезмѣрно острыхъ и два тупыхъ угла этого гигантскаго удлиненнаго четырехугольника, очень бросающіеся въ глаза на планѣ *стр. 36*, мало замѣтны въ натурѣ, на самомъ зданіи, и уже это одно доказываетъ большое пони-

угостить его «по Московски» и столько всыпать, что съ него будетъ довольно». П. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», стр. 410—411.

маніе монументальныхъ задачъ. Блестяще задуманы парныя окна, съ ихъ огромными откосами; каждую пару отдѣляетъ отъ сосѣдней большое свободное поле стѣны, что придаетъ особенную крѣпость и мощь сооруженію и въ то же время является счастливой декоративной выдумкой, отнимающей скуку, неизбежную при столь растянутой стѣнѣ. Начатое съ весны 1702 года, зданіе арсенала было приостановлено лѣтомъ 1706 года, по случаю Шведской войны. 3 мая этого года Петръ писалъ Курбатову, тогда уже оберъ инспектору: «Черезъ сей указъ объявляемъ Цейхаузнаго строенія не хуже хотя до времени и оставить»¹. Скудость сохранившихся документовъ не позволяетъ установить, что успѣлъ выстроить Конрадъ до 1706 года, но уже въ октябрѣ 1722 года царь повелѣлъ продолжать постройку, такъ какъ въ этомъ году Московская Губернская Канцелярія заключила съ Конрадомъ новый договоръ на дальнѣйшія работы². Въ 1726 г. зданіе было оштукатурено, и тотъ же Конрадъ хлопочетъ о росписи стѣнъ. 22 іюля этого года «Московская губернская канцелярія отцейхъ гоузского строенія» доносила въ Главную Артиллерію, что Конрадъ настаивалъ на росписи междуоконныхъ простѣнковъ верхняго этажа декоративными колоннами: «Чтобъ впредь оногo цейхоуза слица на стенахъ поштукатурной подмаске промежду верхнихъ оконъ росписать самымъ добрымъ мастерствомъ пообъявленному отнегo рисунку сорокъ столбовъ ипотомужъ доношению поегожъ архитекторскому объявленію призванъ былъ иноземецъ Андрей Чабѣ которойде иподписался противъ того архитекторскаго рисунка на стенахъ того цейхъ гоуза написать столбы которое де письмо отдождевой мокроты никогда не смоеся»³. Изъ сохранившагося проекта видно, что Конрадъ предложилъ покрыть весь верхній этажъ архитектурной росписью,—колоннами, перевитыми виноградомъ, что и было приведено въ исполненіе. Впрочемъ, все зданіе не было еще вполне закончено и въ 1731 году, когда, по указу императрицы Анны Іоанновны, повелѣно «означенной Цейхоузу, какъ можно скоро достроивать по учиненному чертежу, профилю и плану генералъ фельдцейхмейстеру графу фонъ Минвиху»⁴. «По учиненному чертежу, профилю и плану» — можетъ означать только: «по чертежамъ Конрада, апробованнымъ еще Петромъ Великимъ». Государыня, выстроившая себѣ подлѣ цейхгауза небольшой деревянный дворецъ, не могла мириться съ вѣчными лѣсами и строительной грязью у самаго своего жилья и велѣла покончить какъ можно скорѣе съ этой тридцати-

¹ И. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», изд. 2, ч. I. М. 1905, стр. 412. ² Моск. Арх. Мин. Юст., книга разрядныхъ справокъ, 18, № 93. Петръ Великій самъ назначилъ Конраду въ 1723 году большое по тому времени жалованье въ 500 рублей въ годъ, да сверхъ того на переводчика 60 руб., при чемъ это жалованье повелѣлъ ему считать съ 22 октября 1722 года, когда было окончательно рѣшено продолжать постройку цейхгауза. (Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 13, д. 77, нов. нум. 31846, л. 2, 15). ³ Общій Архивъ Мин. Имп. Двора, Дѣла Гофъ Питевд. Канторы, оп. 73/187, кн. 56, л. 722. Въ дѣлѣ приложенъ и проектъ росписи, за подписью Конрада. ⁴ И. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», стр. 413.

Кристофъ Конрадъ. Боковой фасадъ Кремлевскаго арсенала («цейхгауза»).
1702—1736 г.

лѣтней стройкой. Однако исполнить желаніе императрицы оказалось не такъ легко: возобновленные весной 1732 года работы были закончены только въ 1736 году, при чемъ, какъ видно изъ сохранившихся документовъ, архитекторомъ зданія и руководителемъ постройки продолжалъ оставаться Конрадъ¹. Несомнѣнно, ему именно принадлежит и архитектура прекраснаго портала *стр. 37*, ошибочно приписываемая обыкновенно, со словъ И. Е. Забѣлина, кн. Ухтомскому. Правда, въ 1754 году архитекторы Евлашевъ и Ухтомскій получили приказаніе «овышеозначенномъ кремлевскомъ цейхгаузе собрать прежние обнемъ обстоятельства и чертежи осмотрѣть вновь ікакимъ образомъ ему для Канцелярії главного комисаріата ібезопаснаго содержания внемъ всехъ принимаемыхъ сфабрикъ потподрятчиковъ муи-

¹ Моск. Арх. Мин. Юст., книга разрядныхъ справокъ, 18, № 93.

дирныхъ иаммуничныхъ вещей быть спрежнимли наличнымъ украшениемъ или поусмотрѣнню ихъ снекоторою лутчею отменою»¹. Вслѣдствіе болѣзни Евлашева проектъ реставраціи цейхгауза и всѣ смѣты составилъ одинъ Ухтомскій, вошедшій въ Сенатскую контору съ обстоятельной запиской, изъ которой видно, что внесенныя имъ измѣненія совершенно потонули въ общей архитектурной дисциплинѣ чудеснаго сооружеія. «Вокругъ того цейхгауза снаружи изнутри двора карнизы архитравы фризы зделанныя избелого камня местами повредились, — доносилъ Ухтомскій,—надлежитъ починить сементомъ агде будетъ возможно ибелымъ камнемъ»². По поводу главнаго портала онъ писалъ: «Припортике что оттрубедкаго дому снаружи иснутри карнизы архитравы капители базы калонадъ цымазы педесталы ипротчія тесаныя ирезныя избелого камня арнаменты местами повредились надлежитъ вновь зделать избелогожъ камня Авпротчихъ местахъ поневозможности исементомъ приправить притойже портике фронтонъ сарматурою ипротчими резными итесаными арнаменты надлежитъ зделать вновь какъ вфасаде іавствуетъ»³. Такимъ образомъ и тутъ дѣло ограничилось въ сущности починкой, хотя нѣкоторыя отдѣльныя детали портала въ его верхней части были, несомнѣнно, слегка видоизмѣнены Ухтомскимъ. Особенно это вѣроятно въ скульптурной обработкѣ верхнихъ овальныхъ оконъ и прикрѣпленныхъ къ пилястрамъ консолей съ свѣшивающимися гирляндами изъ вѣточковъ, въ которыхъ чувствуется уже дыханіе надвигающейся новой эпохи. Но все же основной архитектурный обликъ всего этого выступа относится цѣликомъ къ предшествующему времени, о чемъ достаточно убѣдительно говорятъ внутреннія ворота портала, съ ихъ чисто Петровской скульптурой вокругъ овальнаго окна и знаменитой вензелевой монограммой Петра Великаго. Фасадъ, примыкающій къ Троицкой башнѣ *стр. 39*, разработанъ, конечно, также Конрадомъ, хотя Ухтомскій и внесъ въ него нѣкоторыя измѣненія, какъ видно изъ слѣдующаго пункта его «доношенія»: «припортике что оттроицкихъ воротъ вверхнемъ этаже педесталы базы пилястры ипротчія арнаменты усмотрено что зделаны непорядочно идля того надлежитъ переделатъ какъ отомъ помнению моему вфасаде изображено авнизу имеющіяся зделанныя избелого камня арнаменты которыя повредились надлежитъ починить белымъ камнемъ или где белымъ камнемъ неможно будетъ то ісементомъ исправить»⁴. Намъ не удалось, къ сожалѣнію, разыскать чертежей, о которыхъ упоминаетъ Ухтомскій, а безъ нихъ трудно опредѣлить, что именно принадлежитъ на этомъ фасадѣ его рукѣ. Наконецъ, Ухтомскій предложилъ уничтожить куріозную роспись междуоконныхъ простѣвковъ, замѣнивъ ее

¹ Тамъ же, дѣла кн. Ухтомскаго, вязака 2, л. 84, л. 1—2. ² Тамъ же, вязака 9, л. 19, л. 3 об. ³ Тамъ же л. 4, об. На площади, на мѣстѣ нынѣшняго зданія Окружнаго суда, находился въ то время домъ кн. Трубецкого. ⁴ Тамъ же.

Церковь Николая
Чудотворца
въ Мясникахъ. — 1705 г.

соотвѣтствующей скульптурной декораціей: «ачто пофасадамъ между окнами арнаменты то есть пилястры ипротчее изображено оное надлежитъ исправить кирпичемъ ибелымъ камнемъ, вламываяся встѣны соукреплениемъ железныхъ скобъ и гвоздей»¹. Последнее, однако, не было исполнено и дѣло ограничилось тѣмъ, что Конрадовскую роспись попросту затерли и заштукатурили.

«Грановитая палата хороша, но съ Арсеналомъ сравняться не можетъ»,—говорилъ по поводу этого замѣчательнаго зданія Баженовъ, котораго плѣнила его суровая, почти классическая простота². Авторъ этой постройки былъ несомнѣнно художникомъ одареннымъ и нельзя, конечно, допустить, чтобы, проживъ въ Москвѣ почти полвѣка, онъ не построилъ ничего другаго, кромѣ арсенала. Только однажды, въ 1720 г., на короткое время его имя мелькнуло въ Петербургѣ, куда его вызвали на помощь Трезини для построекъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ, но вслѣдъ затѣмъ оно ни разу болѣе въ тамошнихъ строительныхъ дѣлахъ не попадается³.

¹ Тамъ же. ² Государственный архивъ, разр. XIV, № 51, ч. 2, стр. 390. ³ «Историч. и Статистич. свѣдѣнія о С. Петерб. епархіи», вып. 8, 1884 г., стр. 478.

Въ 1730 году онъ былъ во всякомъ случаѣ главнымъ и даже единственнымъ архитекторомъ въ Москвѣ, и ему именно пришлось приводить въ порядокъ для императрицы Анны Иоанновны Потѣшный дворецъ и чинить запущенныя дворцовыя церкви¹. Вскорѣ его затерли другіе зодчіе и въ 1740 г. его уже не было въ штатѣ Московской Дворцовой конторы. До этого года онъ былъ «усмотрѣнія рѣшетки на ивановской площади и гошпитали»². Эти работы его не сохранились, но что же строилъ Конрадъ въ Москвѣ кромѣ того? Къ сожалѣнію, по одной достовѣрной постройкѣ мастера нѣтъ возможности установить опредѣленныя черты его архитектурнаго лица, и разыскиваніе по Москвѣ зданій, которыя можно было бы ему приписать, заранѣе обречено на неуспѣхъ. Да и построекъ эпохи Конрада сохранилось столь немного, что онѣ исчисляются не десятками, а единицами. Среди нихъ видное мѣсто занимаетъ церковь Никола Мясницкаго или, по старинному, Никола въ Мясникахъ, построенная въ 1705 г. на мѣстѣ обветшалой иностранной кирки. *Стр. 41.* Самый храмъ претерпѣлъ много существенныхъ измѣненій въ своей архитектурѣ и въ значительной степени утратилъ былой Петровскій обликъ, но колокольня его сохранилась почти безъ перемѣнъ и ея формы всецѣло пропитаны архитектурнымъ ароматомъ эпохи. Ея главный «звонъ» представляетъ собой четверикъ съ обрубленными углами, придающими ему видъ почти восьмерика. Эти срубанные углы завершаются кровлями, вѣхавшими въ верхній «звонъ», поставленный на нижній въ видѣ креста. Углы главного яруса украшены нишами,—пріемъ, которымъ позже часто пользовались строители Московскихъ колоколенъ.

Еще одна постройка, относящаяся къ началу 18-го вѣка, должна быть приписана иностранному мастеру—колокольня церкви Козьмы и Даміана на Полянкѣ. Нѣкоторые пріемы, встрѣчающіеся въ ней, оказали свое вліяніе на послѣдующіе Московскіе памятники и, на примѣръ, ея колонная галерея и композитныя пилястры мы цѣликомъ находимъ въ соборѣ Заиконоспасскаго монастыря. Кто авторъ всей этой явно иностранной архитектуры — италіанецъ ли Фонтана,

нѣмецъ ли Конрадъ или кто нибудь изъ тѣхъ 10—15 «онже-

перовъ», что работали въ ту пору въ Россіи,—этотъ

вопросъ останется безъ отвѣта до тѣхъ поръ,

пока счастливая случайность не дастъ

въ руки изслѣдователя новыхъ

неизвѣстныхъ нынѣ

данныхъ.

¹ Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 13, л. 77 (н. нум. 31846, л. 1, 2). ² Тамъ же, л. 10. Конрадъ былъ еще въ Москвѣ въ 1747 году, когда тщетно хлопоталъ о недоданномъ ему жалованьи. (Тамъ же, л. 50).

III.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАРУДНЫЙ.

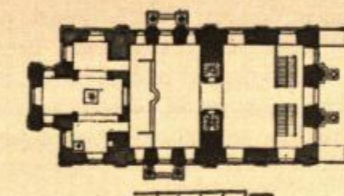
Постоянное сосѣдство и параллельное развитіе формъ старомосковского и западнаго барокко, какъ и слѣдовало ожидать, создало въ Москвѣ архитектуру, въ которой нашли свое выраженіе одновременно оба теченія. Блестящимъ памятникомъ этого комбинированнаго, новомосковского барокко является Меншикова башня. *Стр. 45 и приложение къ стр. 48.* Строитель ея, русскій зодчій *Иванъ Петровичъ Зарудный* (ум. въ 1727 г.), долженъ быть причисленъ къ самымъ замѣчательнымъ художникамъ и культурнымъ работникамъ 18-го вѣка, ибо въ его лицѣ, задолго до пенсіонеровъ Петра Великаго и учениковъ архитектурной школы при Канцеляріи Строеній, Россія имѣла уже серьезнаго, вдумчиваго и высоко одареннаго мастера европейской выучки, не терявшаго въ то же время связи съ родной почвой и не порывавшаго съ старозавѣтными преданіями¹.

Немногіе москвичи знаютъ, что высокая, отвсюду видная башня, извѣстная подъ именемъ Меншиковой, есть храмъ, притомъ храмъ не случайно примостившійся въ башенной постройкѣ, а настоящее храмовое сооруженіе, задуманное и выполненное въ видѣ башни. «Меншиковой башней» народъ прозвалъ «церковь архангела Гавріила, что на Чистомъ прудѣ», какъ этотъ храмъ-башня зовется официально.

¹ Мѣста и года рожденія Заруднаго или, какъ его иногда передѣлывали на великорусскій ладъ,—Заруднева намъ не удалось установить; извѣстно лишь, что онъ умеръ въ 1727 г. (С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. 2, т. XVIII, приложение, стр. 942). Родъ Зарудныхъ украинскаго происхожденія, и славный зодчій прибылъ въ Москву вѣроятно вмѣстѣ съ тѣми южнорусскими священниками, риторами, художниками и ремесленниками, которые во множествѣ нахали сюда во второй половинѣ 17-го вѣка. Только этимъ, конечно, объясняется загадочный эпитетъ «иноземецъ», примѣненный къ нему въ одномъ сенатскомъ указѣ,— правда, единственномъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ Зарудному. Это указъ 1713 года о выдачѣ Зарудному жалованія за его службу по охрапленію «глобоза», привезеннаго изъ Амстердама. («Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, издачныя Имп. Акад. Наукъ подъ ред. Н. В. Калачева», т. II, стр. 604). Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ сохранилась любопытная переписка Заруднаго съ Меншиковымъ, исключаяющую всякую возможность сомнѣнія въ его русскомъ происхожденіи.

Уже въ первой половинѣ 17-го вѣка на этомъ мѣстѣ стояла «каменная церковь архангела Гавріила на Поганомъ прудѣ»¹. Въ 1704 году А. Д. Меншиковъ, бывшій ея прихожаниномъ, сломалъ обветшавшую невзрачную церковку, съ тѣмъ, чтобы съ весны будущаго года приступить къ постройкѣ на ея мѣстѣ новой. Последняя должна была быть не только обширнѣе и наряднѣе старой: Меншикову хотѣлось, чтобы выстроенный имъ храмъ затмилъ своей красотой всѣ Московскія строенія, а высотой превзошелъ не только Сухареву башню, но и самого Ивана Великаго. Башенная форма храма была подсказана необычнымъ успѣхомъ Сухаревой башни, всего лишь за три года до того оконченной, къ великой радости Петра. Меншиковъ, уже тогда тонко постигшій искусство угадывать и предупреждать царскія желанія и умѣвшій радовать своего государя съ самыхъ чувствительныхъ, наиболѣе тѣшившихъ его сторонъ, зналъ, что ничѣмъ другимъ онъ не расположитъ его къ себѣ въ такой степени, какъ великолѣпнымъ архитектурнымъ сооруженіемъ, могущимъ явиться украшеніемъ города. Постройка, начатая въ 1705 г., была закончена въ 1707 году, и на ряду съ Сухаревой башней, которая увѣковѣчила имя любимаго полка Петра, спасаемаго ему жизнь и престолъ, Москва получила Меншикову башню, носящую имя любимаго сподвижника царя. «Сухарева башня—невѣста Ивана Великаго, а Меншикова—ея сестра», говорилъ народъ, гордившійся тремя Московскими великанами². Постройку этой необычайной церкви Меншиковъ поручилъ Зарудному, и уже это одно показываетъ, что избранный имъ зодчій успѣлъ зарекомендовать себя какой нибудь отвѣтственной и значительной строительной работой³. Въ три лѣта, конечно, не могло быть вполне закончено и отдѣлано столь огромное сооруженіе, и понадобилось не мало времени на его дальнѣйшее украшеніе и завершеніе. Но главная цѣль была достигнута: надъ Москвой поднялась башня, превы-

¹ Н. П. Розановъ. «Церковь архангела Гавріила въ Москвѣ, на Чистомъ прудѣ, или Меншикова башня». («Русскія Достопамятности» А. Мартынова, т. II, М. 1877, стр. 5 и прим. 21). Въ нѣкоторыхъ документахъ она называлась также церковью «святого Гавріила въ Мясникахъ». (Тамъ же, прим. 19). Какъ извѣстно, вся эта мѣстность была нѣкогда населена мясниками, давшими прозвище Мясницкой улицѣ, на которой одна изъ церквей до сихъ поръ сохранила въ народѣ названіе «Николы въ Мясникахъ». Неподалеку находился большой прудъ, въ который стекали нечистоты изъ стоявшихъ на берегу боенъ, отчего кругомъ стояло зловоніе, давшее пруду кличку «поганого». Только послѣ очистки его въ началѣ 18-го вѣка за нимъ установилось нынѣшнее названіе «Чистый прудъ». (Тамъ же, стр. 5). ² И. М. Снегиревъ. «Сухарева башня въ Москвѣ». (А. Мартыновъ. «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества», М. 1881, тетрадь 4). ³ Авторство Заруднаго устанавливается изъ его переписки съ Меншиковымъ, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ, а также свидѣніями, извлеченными изъ современныхъ документовъ извѣстнымъ изслѣдователемъ Московской старины А. О. Малиновскимъ, бывшимъ въ началѣ 19-го вѣка директоромъ этого архива и имѣвшимъ по своему служебному положенію доступъ во всѣ тогдашнія архивныя хранилища. Бумаги Малиновскаго хранятся въ томъ же архивѣ. (Тамъ же, прим. 26). О Зарудномъ, какъ архитекторѣ церкви архангела Гавріила, говорятъ любопытный синодикъ, хранящійся въ церкви и повѣствующій о всѣхъ событіяхъ церковной жизни. Старая рукопись, съ которой списана существующая понынѣ, началась съ записей Ивана Семенова, бывшаго священникомъ церкви еще въ 1685 г., и постепенно пополнялась приписками его преемниковъ. Всѣ свидѣнія синодика были проверены кропотливыми архивными изысканіями Н. П. Розанова, и оказались безусловно достоверными. (Тамъ же, стр. 7—10).

И. П. Зарудный.
Меншикова башня
близъ Чистыхъ прудовъ.
1705—1707 г.

Планъ нижняго этажа
Меншиковой башни
по обмѣрамъ А. Мартынова.

шавшая на 1½ сажени колокольню Ивана Великаго, ибо тогда она была на цѣлый ярусъ выше и имѣла длинный шпигль.

Въ первое время послѣ переѣзда Меншикова въ Петербургъ работы по отдѣлкѣ церкви продолжались, и вскорѣ всѣ наружныя стѣны покрылись декоративной скульптурой и живописью, снабженной текстами изъ священнаго писанія¹. Продолжалась и отдѣлка внутри, но закончить ее Зарудному такъ и не довелось, не былъ даже готовъ иконостасъ, и служба происходила въ небольшой сараеобразной церкви, наскоро пристроенной къ сѣверной наружной стѣнѣ. Эта временная церковь просуществовала долго, несмотря на категорическое приказаніе Петра I разобрать ее². До 1711 г. Меншиковъ еще интересовался своей постройкой и въ этомъ году прислалъ специально выписанные изъ Англіи часы съ курантами, которые и были водружены на деревянномъ восьмерикѣ башни, возвышавшемся надъ двумя каменными³. Куранты отбивали каждый часъ, полчаса и четверть часа, а въ 12 часовъ играли въ теченіе получаса колокольную музыку, что подняло еще больше популярность Меншиковой башни. Въ 1711 г. Меншиковъ, давно уже превратившійся изъ сержанта въ свѣтлѣйшаго князя, приступилъ къ постройкѣ своего пышнаго Ораніенбаумскаго дворца и съ этого времени потерялъ всякій интересъ къ Московской башнѣ, пришедшей, по словамъ Заруднаго, въ полное запустѣніе, что вызывало даже ропотъ въ народѣ⁴. Въ довершеніе всего лѣтомъ 1723 г. отъ

¹ Н. П. Розановъ полагалъ, что все наружное и внутреннее убранство церкви относится не къ началу 18-го вѣка, а къ концу его, именно къ 1770-мъ годамъ, когда заброшенный храмъ былъ возобновленъ и совершенно заново отдѣланъ. Онъ основывалъ свое мнѣніе главнымъ образомъ на загадочныхъ будто бы изреченіяхъ—спаружи церковно-славянскихъ, а внутри—латинскихъ, которыми покрыты всѣ стѣны; ихъ мистическій смыслъ заставилъ его отнести все убранство къ эпохѣ процвѣтанія Московскихъ масоновъ, которые устроили здѣсь свою ложу. Что мартинисты легко могли остановить свой выборъ именно на Меншиковой башнѣ, это вполне естественно, ибо она была заброшена и церковь въ ней упразднена. Но тщательное изслѣдованіе наружныхъ украшеній, всѣхъ этихъ высѣченныхъ изъ благаго камня головокъ херувимовъ, гирляндъ, свитковъ и раскрытыхъ книгъ показываетъ, что они относятся къ эпохѣ постройки храма, а славянскія надписи, которыми испещрены эти свитки и книги, ничего масонскаго не содержатъ: «Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни, стоящии во храмѣ Господи»; «Воскликните Богу, Спасителю нашему»; «яко Богъ велий Господь и Царь велий по всей земли»; «Се жертва тайная совершенна доносится»; «святъ, святъ, святъ Господь»; «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка»—все это общеизвѣстные тексты пѣнопѣній. Что касается латинскихъ надписей на внутреннихъ стѣнахъ храма и тѣхъ «эмблематическихъ живописныхъ изображеній», которыя были уничтожены по распоряженію митрополита Филарета въ 1863 г., то, за отсутствіемъ ихъ, трудно, конечно, сказать, въ какое время они могли появиться. Подробное описаніе росписи, составленное еще въ 1836 г., когда Филаретъ задумалъ ихъ уничтожить, хранится въ архивѣ Московской Консисторіи, но, конечно, не имѣя передъ глазами чисто стилистическихъ признаковъ, нельзя по этимъ описаніямъ притти къ какому либо опредѣленному выводу. Такія надписи какъ «non sibi sed mundo» (не для себя, но для міра), или Redemptio mundi (искупленіе міра), или illuxisti obscurum (просвѣтилъ еси тьму) могъ дать Зарудному любой его землякъ изъ Киевскихъ риторовъ. (Н. П. Розановъ. «Церковь Архангела Гавріила», стр. 22—26). ² Зарудный писалъ объ этой пристройкѣ Меншикову въ 1719 г. «А нижняя церковь безъ кровли вся валится и служить опасно, а починить и покрыть не смѣемъ, для того что царское величество въ прошедшихъ годѣхъ повелѣлъ ее разобрать, о чемъ ваше высокосвѣтлѣйшество самъ паче извѣстенъ». (Тамъ же, прим. 35). ³ «По имянному царскаго величества указу призвано изза моря на три года къ управленію троихъ игровыхъ часовъ колокольныхъ и часовыхъ мастеровъ иноземцевъ пять человекъ, изъ нихъ одинъ умеръ, а другой отпущенъ за море, а достальные четыре человека оставлены на Москвѣ для управленія часовъ, которые на церкви архангела Гавріила что на Чистомъ прудѣ». Дѣла Прав. Сената 1711—1716 г. по секретному столу, въ Архивѣ Мин. Юстиціи. (Тамъ же, прим. 28). ⁴ «На церкви не только кровля,—и шпицъ и два полуглавія по самый осмерикъ, въ которомъ часы стоятъ, мокрою и вѣтромъ збѣло обило, и ежели не будетъ починено подмазкою или покрытіемъ желѣзнымъ, то умножится гниль въ деревѣ и вѣтромъ разшатаетъ уронить; а надобно заранѣе подкрѣпить и вычинить, или покрыть какъ шпицъ, такъ и обѣ

И. П. Зарудный. Меншикова башня. Нижній этажъ и главный порталъ. 1705—1707 г.

удара молніи загорѣлся шпицъ башни и пожаръ быстро охватилъ деревянный восьмиполуглавья ея желѣзомъ дошатымъ сибирскимъ; тако жъ внутри церкви и иконостасъ додѣлать столярствомъ и рѣзбою, какъ вашей свѣтлости былъ докладъ; понеже и такъ церковь святая стоитъ аки въ запустѣніи и освященіемъ, чтобы многое народное поношеніе пресечь, подлежитъ въ совершенство привести». (Тамъ же, прим. 35).

мерикъ съ часами. При такой высотѣ тушить было нельзя, все дерево сгорѣло и сорвавшіеся колокола проломили своды, рухнувъ вмѣстѣ съ ними внизъ ¹.

Сгорѣвшій третій восьмерикъ, его длинный, уходившій въ небо шпигъ и стоявшая на послѣднемъ мѣдная статуя архангела Гавріила съ крестомъ въ рукѣ, все это значительно отличало прежнюю Меншикову башню отъ нынѣшней ². Существующее покрытие сдѣлано въ 1773 г. и въ общемъ довольно удачно завершаетъ срубленную на цѣлый ярусъ постройку, не внося въ нее чуждыхъ стилистическихъ элементовъ ³.

По всему конструктивному облику сооруженія, это—типичная церковь украинскаго образца. Ея «крещатый» планъ, центральность сооруженія и опредѣленно выраженное стремленіе вверхъ прямо вызываютъ въ памяти южнорусскія деревянныя церкви, а вслѣдъ за ними и тѣ Московскія и подмосковныя, что выросли изъ южныхъ. Архитектурный остовъ церквей въ Дубровицахъ и на Филяхъ совершенно тотъ же,—такой же крестообразный низъ и та же ярусная башня, водруженная надъ центромъ «креста». Особенно бросается въ глаза сходство Меншиковой церкви съ церковью на Филяхъ. Надъ крещатымъ основаніемъ и тутъ и тамъ поднимается четверикъ, надъ которымъ возвышалось въ обоихъ случаяхъ по три восьмерика со «звономъ». Разница лишь та, что на Филяхъ звонъ устроенъ въ среднемъ восьмерикѣ, верхній же превратился здѣсь въ шейку главы, а въ Меншиковой башнѣ звонъ помѣщался въ верхнемъ восьмерикѣ. Даже идея паперти, огибающей съ трехъ сторонъ храмъ и прислоненной къ подклѣту, нашла здѣсь свой отзвукъ и примѣненіе въ видѣ обширнаго двухъэтажнаго притвора съ хорами и верхней церковью, которымъ открывается фасадъ съ главнаго входа. Излюбленному московскому приему фронтонныхъ полукружій—«полуглавъ», какъ ихъ называетъ Зарудный въ письмѣ къ Меншикову, зодчій далъ дальнѣйшее развитіе, разработавъ богаче карнизъ, снабженный «сухариками» и модульонами ⁴. Въ полукружіяхъ, завершающихъ концы основнаго крещатаго массива, онъ помѣстилъ овальныя окна, придавъ тому изъ нихъ, которое приходится на главномъ фасадѣ, болѣе сложную и нарядную форму. Такими же выкружками, только попроще и поскромнѣе, заканчиваются и стѣны четверика; здѣсь эти дуги даютъ отличное завершеніе чудесной композиціи большаго тройнаго окна и круглаго оконца надъ нимъ. Этой пирамидально построенной архитектурной декораціи четверика ритмически отвѣчаетъ внизу, на боковыхъ выступахъ «креста», остроумно примѣненный треугольникъ изъ одного прямоуголь-

¹ Тамъ же стр. 12. ² Тамъ же, стр. 21. Этотъ шпигъ съ фигурой ангела наверху несомнѣнно породилъ и знаменитый шпигъ Петропавловскаго собора *томъ III, стр. 49*, въ характерѣ котораго слѣдуетъ рисовать себѣ и шпигъ Меншиковой башни. Къ сожалѣнію, намъ не случилось видѣть ни одного современнаго изображенія башни до пожара. ³ Тамъ же, стр. 22. ⁴ Любопытно, что эта чисто московская форма упорно не признавалась въ Петербургѣ, гдѣ ее только однажды, и то весьма робко, рѣшился примѣнить Земцовъ въ церкви Симеона и Анны. *Томъ III, стр. 159*.

И. П. Зарудный. Меншикова башня. Деталь.
1705—1707 г.

наго и трех овалных оконъ. Стр. 49. Все это указывает на большую продуманность архитектуры, понимание конструктивной и декоративной стороны формъ, чувство ритма и умѣніе безконечно разнообразить простѣйшіе приемы, извлекая изъ ихъ удачныхъ комбинацій все новые и новые мотивы. Отлично нарисованныя композитныя капители пилястръ, съ головкой ангела вмѣсто цвѣтка, гирлянды, вѣнки, волюты, балясины стр. 49, — все это свидѣтельствуетъ о подлинной творческой радости художника, работавшаго надъ своимъ созданиемъ съ настоящимъ артистическимъ увлечениемъ.

Особеннымъ своеобразиемъ отличается декорація главнаго фасада, съ контрастомъ гигантскихъ волютъ-контрфорсовъ, какъ бы подпирающихъ мощное сооруженіе, и хрупкихъ, нѣжныхъ колонокъ портала. Стр. 47 и приложение къ стр. 48. Къ вывезенной изъ за моря формѣ волюты въ Москвѣ давно уже привыкли и она очень полюбилась русскимъ мастерамъ, пускавшимъ ее въ ходъ всюду, гдѣ только можно. Стр. 13, 17, 19, 21 и томъ II, стр. 422, 429, 434, 439, 460, 471. Зодчій Меншиковой башни далъ волю своему влеченію къ волютѣ и создалъ на этотъ мотивъ единственную въ исторіи барокко архитектурную декорацію. Волюты безукоризненно нарисованы и съ большимъ художественнымъ тактомъ украшены орнаментальной скульптурой. Тонкія, изящныя колонки портала, своими нарѣзками и рисунками капителей, кажушіяся словно выточенными изъ дерева, заимствованы Заруднымъ изъ иконостаса, гдѣ онѣ давно уже приобрѣли право гражданства.

Всѣ архитектурные элементы Меншиковой башни были извѣстны московскимъ зодчимъ и прежде, но разбросанные по различнымъ церквамъ города, они теряли свою остроту и характеръ, здѣсь же впервые даровитый художникъ собралъ ихъ воедино, создавъ изъ разрозненныхъ обрывковъ чарующую стройную архитектурную поэму.

Зарудный славился не только какъ зодчій, но и какъ искусный рѣзчикъ, скульпторъ и живописецъ. Ему несомнѣнно принадлежала видная роль въ созданіи всей декоративной скульптуры, которой столь обильно украшена Меншикова башня, между прочимъ и прелестныхъ скульптуръ въ славной верхней церкви. Стр. 51. Особенной славой пользовались рѣзные иконостасы Заруднаго, которыхъ онъ не мало сдѣлалъ на своемъ вѣку. Въ 1716 году мы видимъ его работающимъ надъ иконостасомъ для церкви Меншиковскаго дворца на островѣ Котлинѣ, отправленнымъ имъ уже въ іюль 1717 г. въ Петербургъ¹, а вслѣдъ затѣмъ онъ усердно трудится надъ новымъ иконостасомъ для Ревеля, оконченнымъ въ 1719 году². Когда работы по сооруженію Петропавловскаго и Исаакіевскаго соборовъ подходили къ концу и надо

¹ Моск. Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, «Письма Заруднаго къ Меншикову», л. 28. ² Тамъ же л. 32—34, 57.

И. П. Зарудный. Верхняя церковь Меншиковой башни.
1705—1707 г.

было подумать о достойныхъ этихъ храмовъ иконостасахъ, проекты ихъ также поручили составить Зарудному, который и выполнилъ ихъ въ Москвѣ въ теченіе 1722—1726 годовъ¹. Иконостасъ Петропавловскаго собора существуетъ до сихъ поръ и, при всей разнузданности его барочно-декоративныхъ приемовъ, при кудрявости и вычурности формъ свидѣтельствуетъ о большомъ дарѣ выдумки и неисчерпаемомъ художественномъ воображеніи. Стр. 53. Скульптурныя царскія врата указываютъ на явную связь всей этой затѣи съ украинскими и польскими иконостасами. Кромѣ перечисленныхъ иконостасовъ Зарудный соорудилъ еще два для Меншикова—въ его Ораніенбаумскую церковь и для церкви архангела Гавріила, такъ и недодѣланный художникомъ². Иконостасы Заруднаго, бывшаго не простымъ рѣзчикомъ, но и скульпторомъ,

¹ Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Имп. Двора, Протоколы Канцеляріи Строеній за 1731 г., кн. 102, л. 54; И. Акимовъ, «Краткое историческое извѣстіе о нѣкоторыхъ российскихъ художникахъ», («Сѣв. Вѣстн.» 1804 г., № 2). Послѣ смерти Заруднаго иконостасъ Исаакіевской церкви былъ опечатанъ и только въ 1731 г. его «распечатали».
² Н. П. Розановъ, «Церковь архангела Гавріила», прим. 35. Кромѣ того Зарудный соорудилъ еще въ 1724 г. походную церковь для калмыковъ («Доклады и приговоры, составившіяся въ Правит. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», изд. Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. Н. В. Калачева, т. IV, стр. 192, 405—406).

впервые ввели на сѣверѣ въ чисто орнаментальную рѣзбу реально трактованную круглую скульптуру,—приемъ, давно уже извѣстный на юго-западѣ. Они пришлись очень по вкусу въ Москвѣ, гдѣ имѣли большой успѣхъ, и, конечно, кромѣ этихъ шести извѣстныхъ намъ по документамъ, Зарудный успѣлъ сдѣлать еще не мало и другихъ, такъ какъ у него была цѣлая мастерская, въ которой работали его подмастерья и ученики. Повидимому его искусство высоко цѣнили даже балованные иностранные зодчіе, строители Петропавловскаго собора, Исаакія и Александроневской лавры, для которыхъ онъ работалъ. Послѣ удачно сооруженнаго имъ трона и балдахина для Петра I въ Синодальной палатѣ въ 1721 году, онъ получаетъ въ 1724 г. отвѣтственный заказъ на устройство ковчега и балдахина для перенесенія мощей св. Александра Невскаго. Они не сохранились до настоящаго времени, но, судя по дошедшему до насъ подробному описанію, декоративная задача была рѣшена имъ въ тѣхъ пышныхъ торжественныхъ формахъ, которыя мы видимъ въ верхней части Петропавловскаго иконостаса. Ковчегъ былъ четырехугольнымъ, крышка—въ видѣ шатра, все обито малиновымъ бархатомъ «съ нѣмецкимъ золотымъ позументомъ въ три ряда». «Кругомъ ковчега 8 личинъ львиныхъ со скобками, чеканныхъ мѣдныхъ позлащенныхъ». «Подъ тѣмъ ковчегомъ 8 подножекъ съ Херувимами деревянныхъ рѣзныхъ позлащенныхъ». «Подъ ножками амвонъ обить сукномъ зеленымъ». «На крышкѣ ковчега подушка бархатная лазоревая, со всѣхъ сторонъ обложенная золотымъ нѣмецкимъ позументомъ и 4 золотыхъ кистей; на подушкѣ шапка княжеченская малиноваго бархата, накрестъ обложенная золотымъ позументомъ и опушенная горностаемъ съ серебряннымъ вызолоченнымъ крестомъ. Балдахинъ надъ ковчегомъ сверху обить бархатомъ тусиннымъ, а самая середина верха покрыта байберекомъ малиновымъ съ золотыми позументами. Подзоръ у балдахина зеленый бархатный выкладенъ позументомъ золотымъ широкимъ, среднимъ и узенькимъ и нѣмецкими всякими штуками и звѣздочками и вокругъ звѣздочекъ и на концахъ обшить снуркомъ золотымъ, у того подзору 28 кистей золотыхъ, у того балдахина 4 вензеля съ шапками гренадерскими мѣдные чеканные вызолоченные»¹. Это официально дѣловитое современное описаніе вводитъ въ самую суть тѣхъ пышныхъ декоративныхъ приемовъ, которые неразрывно связаны со всей Петровской эпохой. Декорация Заруднаго, насколько можно судить по описанію красокъ и формъ, была, вѣроятно, дѣйствительно эффектной и, конечно, доставила бы и намъ несказанную радость, если бы судьбѣ угодно было ее сохранить. Имѣя передъ глазами великолѣпно нарисованный Петропавловскій ико-

*И. П. Зарудный. Иконостасъ Петропавловскаго собора.
1722—1726 г.*

¹ «Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изд. Имп. Акад. Наукъ подъ ред. Н. В. Калачева», т. III, стр. 225. Сохранился и рисунокъ этой композиціи, воспроизведенный въ «Собр. постанов. и распор. по вѣд. правосл. исповѣд.», прил. къ т. IV.

постась, мы можемъ себѣ легко представить, какъ мастерски справился Зарудный съ живыми цвѣтами богатыхъ матерій и золота.

О дѣятельности Заруднаго-живописца мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но она, конечно, была весьма замѣтной, если Петръ нашелъ возможнымъ поручить ему главный надзоръ за всѣми иконописцами и живописцами Россіи. Особенно чувствуется это между строками самаго указа, изданнаго 27 апрѣля 1707 года: «Лучшаго ради благолѣпія и чести святыхъ иконъ имѣти о нихъ въ художествѣ управленіе и повелительство духовное, по апостольскимъ и святыхъ отецъ правиламъ, преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому, а во искусствѣ того иконнаго и живописнаго художества надъ изуграфы иконнаго и живописнаго письма, которые пишутъ св. иконы, московскихъ градскихъ и иностранныхъ пріѣзжихъ во всей Всероссійской своей державѣ надзирать и вѣдать ихъ, кромѣ всѣхъ приказовъ и свидѣтельствовать иконы, объявлять признаками, которые впредь имъ даны будутъ, и смотрѣть прилежно у себя Ивану Зарудному, и приказать ему съ подтвержденіемъ, чтобъ изуграфы св. иконъ писанія благолѣпно и удобоподобно по древнимъ свидѣтельствованнымъ подлинникамъ и образомъ искуснымъ и тщательнымъ писаніемъ управляли съ великимъ прилежаніемъ въ добродѣтельномъ житіи кромѣ пьянства и кошунства. И учинить списки и записную книгу для всякаго осмотрѣнія и свидѣтельства мудрымъ искуснѣйшимъ иконнаго и живописнаго писанія изуграфомъ кто имяны, а неискуснымъ и нерачительнымъ св. иконъ не писать. И вѣдать ему Ивану съ вѣдома преосвященнаго Стефана митрополита, а за высочайшую честь св. иконъ и въ благопотребномъ изуграфствѣ управительнаго надсмотрѣнія писатися ему Ивану суперъ интенденторомъ»¹. Это званіе «суперинтендентора», а въ позднѣйшихъ документахъ «суперинтендента» осталось за нимъ до конца жизни.

Что касается строительной дѣятельности Заруднаго, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ долженъ былъ много строить какъ до Меншиковой башни, такъ и послѣ нея. Къ сожалѣнію, чрезвычайная скудость документовъ не позволяетъ освѣтить творчество этого замѣчательнаго мастера съ исчерпывающей полнотой. Документально извѣстно лишь, что онъ строилъ въ 1721—1723 г. по случаю празднованія мира со Швеціей «Триумфальныя ворота отъ Синода», воздвигнутыя у Казанскаго собора въ Москвѣ², а въ 1723 г. строилъ «Московскій Синодальный

¹ Въ 1723 г. Зарудный доносилъ Сенату, что Петръ I «будучи въ Преображенскомъ 21 января сего года» именнымъ указомъ повелѣлъ ему «свидѣтельствовать и исправлять находящіяся въ Москвѣ въ продажѣ и по домамъ Его Имп. В—а и Ея Имп. В—а персоны, которыя не искусно невѣждами писаны, отбирая ихъ въ синодъ. (Тамъ же, т. II, стр. 649—650). ² Тамъ же, стр. 538, 615. Зарудный строилъ и ворота, воздвигнутыя въ Москвѣ въ 1709 г. по случаю Полтавской побѣды. Всѣхъ воротъ было семь, въ разныхъ частяхъ города: одни строились духовенствомъ, другія купечествомъ, третьи «трусами школьныхъ учителей», четвертыя «усердіемъ вмянитаго человека Строганова» и т. д. Сохранившіяся гравюры свидѣтельствуютъ, что это были скорѣе живописныя не-

Церковь Петра и Павла въ Новой Басманной.

1705—1717 г.

домъ», архитектура котораго не сохранилась¹. Этими незначительными работами его архитектурная дѣятельность, конечно, не ограничивалась и если бы среди крупныхъ Московскихъ сооружений мы стали искать такихъ, которыя до нѣкоторой степени напоминали бы извѣстные намъ приемы Заруднаго, то мы прежде всего

жили архитектурныя произведенія: просто были поставлены деревянные каркасы, обитые холстомъ и расписанные «подъ архитектуру» Много, конечно, сочинили отъ себя и граверы. (Голиковъ. «Дополненія къ Дѣяніямъ», ч. IV, стр. 192—195). Гравюры, — между ними одна Пикаровская, — имѣются въ собраніи Ровинскаго въ Румянцовскомъ музеѣ.

¹ Тамъ же, т. III, стр. 229.

должны были бы остановиться на превосходной церкви Петра и Павла в новой Басманной. Стр. 55. Сильно испорченная передѣлками и пристройками во второй половинѣ 19-го вѣка, она, къ сожалѣнію, въ значительной степени утратила свой яркій московскій обликъ. Судя по сохранившемуся въ церковномъ архивѣ фасаду ея, сдѣланному въ 1849 г., церковь отдѣлялась отъ колокольни большой террасой, на которую вела съ улицы широкая лѣстница. Вся красота этого торжественнаго восхода, столь типичнаго для Московскаго барокко, и хорошо знакомаго по храмамъ на Филыхъ или въ бывшемъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, исчезла послѣ негѣпой застройки террасы. На бѣду усердные «строители и благодѣтели» не ограничились однимъ этимъ вандализмомъ, а учинили еще горшій: уничтожили чудесную Петровскую вышку на храмѣ, ея оригинальный «шпицеръ» и характерныя волюты по гранямъ верхняго восьмерика, замѣнивъ все это какимъ то сухимъ и бездарнымъ копакомъ. Тогда же вмѣсто красиваго барочнаго шпица колокольни появилась ея нынѣшняя главка ¹. Эта колокольня внесла въ Московское зодчество совершенно новыя формы, но самая церковь, значительно разнящаяся по всему архитектурному складу отъ колокольни, обнаруживаетъ несомнѣнную связь съ новымъ Московско-украинскимъ искусствомъ и нѣкоторыми чертами съ Меншиковой башней. Прежде всего здѣсь та же основная идея ярусности, то же четвериковое основаніе, надъ которымъ водруженъ главный восьмерикъ, несущій на своемъ сводѣ еще одинъ восьмерикъ поменьше. Въ довершеніе всего не забыта и открытая ходовая терраса, прислоненная къ подклѣту. Есть даже намекъ на крещатость основанія: два конца креста выступаютъ на западѣ и востокѣ, съ сѣверной же и южной сторонъ эти концы замѣнены ихъ декоративной «проекціей»,—простымъ повтореніемъ того же мотива полукружнаго фронтона,—«полуглавія», по терминологіи Заруднаго. Эти «полуглавія» какъ и въ Меншиковой башнѣ имѣютъ модульоны.

Однако общій видъ храма имѣетъ мало сходства съ Меншиковой башней. Тамъ была задача создать церковь-башню, здѣсь башня предполагалась въ видѣ колокольни и надо было дать обширный храмъ,—заданіе, продиктовавшее именно то рѣшеніе, которое зодчимъ и принято. Конечно, по одной Меншиковой башнѣ и Петропавловскому иконостасу нельзя установить такихъ «паспортныхъ примѣтъ» въ архитектурѣ Заруднаго, которыя давали бы возможность безъ колебаній опредѣлять его авторство, но во всякомъ случаѣ такіе приемы, какъ характерныя «полуглавія» или орнаментальная скульптура вокругъ овальныхъ оконъ главнаго восьмерика, рисунокъ балясинъ и нѣкоторыхъ обломовъ даютъ основаніе предполагать участіе нашего мастера въ постройкѣ этой церкви.

Принято считать, что храмъ сооруженъ въ 1714—1719 г. Но уже то, что

¹ Фасадъ 1849 г. воспроизведенъ въ изданіи Н. А. Найденова «Москва», т. IV, М. 1886.

Домъ Московскаго Археологическаго Общества, бывшій дьяка Аверкія Кириллова.

значительнѣйшее каменное сооруженіе возводилось въ Москвѣ какъ разъ въ періодъ строгаго запрещенія каменнаго строительства по всей Россіи, указывало на

какую то ошибку въ обычной датировкѣ. И дѣйствительно, въ изданныхъ И. Е. Забѣлинымъ матеріалахъ по исторіи Москвы мы находимъ совершенно опредѣленное свидѣтельство, что храмъ былъ начатъ постройкой еще въ 1705 году, по указу Петра I и по благословенію митрополита Рязанскаго и Муромскаго Стефана. Какъ видно изъ прошенія, поданнаго въ Сенатъ старостой и прихожанами въ 1717 году, постройка была уже въ 1714 г. близка къ окончанію: «и оная церковь по оному отъ его величества рисунку какъ исподняя такъ и верхняя построены, а притомъ несовершенно: на верху шпицеръ и на сторонахъ надъ папертьми не сведены своды отъ чего той церкви конечная гибель. А по его жъ царскаго величества указу въ Москвѣ каменное строеніе строить запрещено и для того и ту церковь достроить безъ присланнаго указа отъ вашего сіятельства не дають». Въ томъ же году Сенатъ разрѣшилъ достройку храма¹. Колокольня, обличающая въ ея строителѣ большія стилистическія знанія и умѣніе распорядиться богатствомъ формъ безъ ихъ нагроможденія, служила позже не разъ предметомъ подражанія для Московскихъ зодчихъ Елисаветинскаго времени. Всѣ заглядывались на эти уходящія къ небу ярусы колоннъ и выступы раскрѣповокъ, и каждый на свой ладъ истолковывалъ ихъ въ тѣхъ неуклюжихъ, перѣдко панвныхъ и забавныхъ колоколенкахъ, которыя во множествѣ строились на Москвѣ въ срединѣ 18-го вѣка. Весьма возможно, что въ проектированіи и постройкѣ церкви принимали участіе нѣсколько архитекторовъ, наложившихъ на нее свою печать. Такой же безыменной остается пока единственная частная постройка Петровской эпохи въ Москвѣ, сохранившая свой барочный нарядъ,—домъ Московскаго Археологическаго Общества, бывшій Аверкія Кириллова. *Стр. 57.* Чудесная декорация его вышки, приправленная всѣми ухищреніями моднаго барокко, сдѣлала бы честь хорошему западному мастеру. Едва ли въ Москвѣ могъ кто либо кромѣ Заруднаго нарисовать такъ всѣ скульптурныя детали этой вышки, столь близко напоминающія убранство Меншиковой башни.

Что строилъ Зарудный до Меншиковой башни, мы не знаемъ, но въ началѣ 18-го вѣка въ Москвѣ было построено такъ много монументальныхъ сооружений, до сихъ поръ остающихся безыменными, что естественно предполагать его участіе въ созданіи хотя бы такихъ храмовъ, какъ Иванъ Воинъ, или надратная церковь Донскаго монастыря, или соборъ Заиконоспасскаго монастыря. Несомнѣнно лишь то, что вліяніе Заруднаго на Московское зодчество было огромнымъ, и его творчество, несмотря на всѣ западныя приправы, какими оно сдобрено, сохранило въ неприкосновенности свой русскій духъ, столь недостававшій его Петербургскимъ современникамъ.

¹ «Матеріалы для исторіи, археологій и статистики города Москвы», ч. I, М. 1884 г., стр. 781.

ГОДЫ СТРОИТЕЛЬНОЙ РАЗРУХИ.

Указомъ 1714 года, запрещавшимъ возведеніе каменныхъ построекъ по всей Россіи, за исключеніемъ Петербурга, Московское строительство было парализовано безъ малаго на полстолѣтіе. До воцаренія Петра II, въ видѣ особаго исключенія и «не въ примѣръ прочимъ», синодъ разрѣшилъ достроить нѣсколько церквей, начатыхъ и почти законченныхъ ко дню изданія этого гибельнаго для русскаго зодчества указа¹. Роковое дѣйствіе послѣдняго заключалось не въ томъ, что въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ Москвѣ не было возведено ни одного значительнаго сооруженія, а въ томъ, что за это время попросту разучились строить. Во всякой иной области послѣ продолжительной передышки можно ожидать пробужденія усиленной дѣятельности, способной съ лихвой наверстать потерянное, но въ строительномъ дѣлѣ одного желанія и настойчивости мало. Въ долгіе годы строительнаго бездѣйствія забывается самая важная сторона архитектуры—ея техника, тѣ приемы, которые вырабатываются поколѣніями, переходя преемственно отъ старшаго къ младшему. Безъ этихъ техническихъ знаній безсилны самыя яркія дарованія, и снова надобны десятки лѣтъ для пріобрѣтенія утраченнаго опыта и необходимыхъ знаній. И вотъ, когда въ эпоху императрицы Анны Іоанновны, и особенно въ царствованіе Елисаветы Петровны, открылась въ Москвѣ эра новаго строительства, всѣ преданія были уже порваны, самыя элементарныя знанія и приемы забыты. Приходилось добывать ихъ вновь, итти ощупью, въ темную, и прошло много времени, пока удалось вернуть растерянное въ годы вынужденнаго строительнаго затишья².

¹ Кромѣ перечисленныхъ выше храмовъ, въ этотъ періодъ въ Москвѣ появилась только церковь Благовѣщенія на Тверской, обычнаго яруснаго типа, построенная, какъ видно изъ данныхъ церковнаго архива, въ 1732 г. Надо думать, что, подобно немногимъ другимъ, она была начата до 1714 г., и только поэтому синодъ далъ разрѣшеніе на ея достройку. ² Возведеніе каменныхъ построекъ въ Москвѣ было разрѣшено указомъ 31 января 1728 г. «Его Императорское Величество указалъ впредь съ сего указу въ Москвѣ всякое каменное строеніе, какъ въ Кремлѣ, въ Китаѣ, такъ и въ Бѣломъ и въ Земляномъ городахъ, кто какъ похочетъ, дѣлать дозволить; понеже въ томъ строеніи прежними указами было запрещено на время для того чтобъ въ каменщикахъ и другихъ такихъ художникахъ въ Санктпетербургѣ нужды не было. А нынѣ въ Санктпетербургѣ въ тѣхъ мастеровыхъ людяхъ остановки не имѣется». («Указы блаженные и вѣчнодостойныя памяти великой государыни

Послѣ ряда блестящихъ архитектурныхъ созданий, въ которыхъ Московское зодчество, смѣло вобравшее въ себя всѣ элементы западнаго барокко, сохранило въ неприкосновенности свой подлинно русскій духъ, въ Аннинскую эпоху появляются въ Москвѣ такіе запоздалые куріозы, какъ церкви Введенія въ Семеновскомъ (1731 г.) или Девяти мучениковъ близъ Новинскаго вала (1735—1738 г.), характерные образцы ярусныхъ храмовъ конца 17-го вѣка. Первая не только ничего не прибавляетъ къ уже извѣстному типу «восьмерикъ на четверикѣ», но, напротивъ того, являетъ какъ бы огрубѣніе его, будучи значительно примитивнѣе обычныхъ церковей Московскаго барокко, всегда изящныхъ въ пропорціяхъ и обработкѣ. Вторая, тоже весьма упрощенная въ своихъ массахъ, получила взамѣнъ «Нарышкинскаго» декоративнаго убранства сухую раздѣлку стѣнъ фасетами,—довольно наивно понятый приемъ «въ новомъ вкусѣ». Оба храма служатъ достовѣрными свидѣтелями печальнаго забвенія всѣхъ достижений начала вѣка.

Но едва ли не самое горестное свидѣтельство строительной разрухи имѣемъ мы въ третьемъ Аннинскомъ храмѣ Москвы, въ Благовѣщеніи на Житномъ дворѣ, притомъ не столько въ его запоздалой архитектурѣ, повторяющей старый типъ высокаго четверика съ маленькой главкой, сколько въ самой исторіи этого сооруженія. На безымянной башнѣ, стоящей между Тайницкой и Водовзводной, на старомъ Житномъ дворѣ, явился, неизвѣстно когда, образъ Благовѣщенія, писанный прямо на стѣнѣ, обращенной къ дворцу. Императрица Анна, прибывшая въ 1730 г. въ Москву для коронаванія, рѣшила выстроить въ честь явленнаго образа, чтимаго народомъ, особый храмъ, который по ея мысли долженъ былъ вмѣстѣ самый образъ. Для этого надлежало пристроить къ башнѣ со стороны Кремля только три стѣны, оставивъ для четвертой стѣны съ образомъ, который такимъ образомъ пришелся бы на южной сторонѣ церкви. Начатая въ 1730 г., церковь была окончена черезъ годъ и тогда же освящена, но уже скоро спустя она значительно отсѣла отъ башенной стѣны, грозя рухнуть. Съ этого времени церковь непрестанно чинилась, и особенно энергично была исправлена послѣ пожара 1737 года¹. Оказалось, что постройка производилась совершенно безграмотно, фун-

императрицы Екатерины Алексѣевны и государя императора Петра Второго, состоявшіяся съ 1725 января съ 28 числа по 1730 годъ» Сиб. 1777, стр. 351. ¹ 12 июня 1733 г. духовникъ государыни, архимандритъ Троице-Сергіевой лавры, Варлаамъ, писалъ гр. С. А. Салтыкову, что императрица извѣстилась о грозящей новой церкви опасности и проситъ постройку изслѣдовать. 9 июля архитекторъ гезель Евлашевъ произвелъ первый осмотръ церкви, за которымъ послѣдовало еще нѣсколько дальнѣйшихъ. («Церковь Благовѣщенія Божіей Матери, что на Житномъ дворѣ въ Московскомъ Кремлѣ». Москва. 1896, стр. 4). Евлашевъ доносилъ о результатахъ осмотра: «отъ стѣны городской церкви отстала и повредило своды и стѣны въ церкви вольтарѣ и въ трапезѣ для того, что она церковь придѣлана новыми стѣнами къ старой городской стѣнѣ да и фундаментъ весьма узокъ и отсѣданія новыхъ стѣнъ отъ старой поврежденія учинилось. Надлежитъ своды разобрать какъ на церкви, такъ и вольтарѣ и на трапезѣ къ старой городской стѣнѣ отломать шириною на аршинъ и сдѣлать вновь стѣну съ фундаменту и своды свести по прежнему съ укрѣпленіемъ желѣзныхъ связей, также и кругомъ оной церкви къ фундаменту прибавить шириною на два аршина и подѣлать къ стѣнамъ панскозъ быкомъ». (Тамъ же, прилож. III,

Церковь Воскресенія въ Барашкѣ на Покровѣ.
1732—1734 г.

даментъ былъ крайне мелокъ, бутъ никуда не годенъ. Кто же строилъ этотъ злополучный храмъ?

При жизни Заруднаго въ Москвѣ былъ кромѣ него только одинъ русскій архитекторъ, о которомъ сохранилось упоминаніе въ современныхъ документахъ,—пенсіонеръ Петра Великаго *Иванъ Устиновъ*, учившійся въ Голландіи вмѣстѣ съ Мордвиновымъ и Коробовымъ. Какъ было указано въ своемъ мѣстѣ¹, Устиновъ раньше другихъ вернулся въ Россію, не закончивъ своего образованія, чѣмъ, конечно, и объясняется

стр. 46). Евлашевъ къ октябрю произвелъ всѣ эти работы, но новыя разсѣлины вызвали въ ноябрѣ осмотръ церкви архитекторомъ Мордвиновымъ, не нашедшимъ ихъ впрочемъ опасными. Въ 1735 и 1736 годахъ архитекторъ Мичуринъ опять осматривалъ поврежденія и донесъ, что «починить ее прочно нельзя, а надлежитъ сдѣлать вновь съ фундамента». (Тамъ же, стр. 47). ¹ Томъ, III, стр. 170.

его блѣдная роль въ отечественномъ искусствѣ. Тогда какъ его товарищи вернулись только въ 1727 году, мы видимъ его уже въ 1723 г. въ Москвѣ, гдѣ онъ именуется архитекторомъ и строить триумфальныя ворота, возводившіяся «отъ купечества» по случаю заключенія мира со Швеціей¹. Что онъ дѣлалъ въ Москвѣ послѣ этого, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, при отсутствіи всякаго строительства, онъ не могъ заниматься ничѣмъ инымъ кромѣ развѣ мелкихъ подѣлокъ, и ко времени воцаренія Анны Иоанновны о немъ уже ничего не слышно². Этой государынѣ вскорѣ пришлось на личномъ горькомъ опытѣ убѣдиться въ полномъ строительномъ заупустѣніи Москвы. Старый Кремлевскій дворецъ былъ совершенно заброшенъ и превратился почти въ развалины,—нечего было и думать о томъ, чтобы въ немъ поселиться. Кое какъ, наскоро единственный тогдашній архитекторъ Москвы—Конрадъ приспособилъ для жилья сравнительно менѣе запущенныя палаты Потѣшнаго дворца³, но такъ какъ жизнь среди этихъ сырыхъ стѣнъ, въ тѣсотѣ и нескладихѣ, была нестерпима, то императрица, привыкшая въ Курляндіи къ европейскому комфорту, велѣла, не теряя ни одного дня, соорудить тутъ же по близости, въ Кремлѣ, возлѣ Арсенала, небольшой деревянный дворецъ, отстроенный въ то же лѣто. Осенью государыня уже праздновала въ немъ новоселье и наименовала дворецъ Анненгофомъ. Одновременно съ этимъ «зимнимъ домомъ» она велѣла строить въ Лефортовѣ, на Яузѣ, «лѣтній домъ», тоже деревянный, но гораздо болѣе помѣстительный, названный также Анненгофомъ. Въ 1736 г. Кремлевскій дворецъ былъ перенесенъ на Язу и поставленъ недалеко отъ тамошняго, и въ Лефортовѣ долгое время существовали рядомъ «лѣтній и зимній Анненгофы»⁴. Для постройки своихъ Анненгофовъ императрица обратилась къ петербуржцу Растрелли, занявшему съ этого времени мѣсто перваго зодчаго при дворѣ.

Кромѣ Конрада въ Москвѣ тогда былъ только одинъ человекъ, носившій какими то судьбами званіе архитектора, хотя едва ли его заслуживавшій,—*Иванъ Ивановичъ Мѣдякинъ*, загадочная, куріозная фигура, всего два или три раза промелькнувшая въ дворцовыхъ и консисторскихъ документахъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ окончательно

¹ Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Двора, протоколы Канцеляріи Строеній, кн. 7, л. 71; «Доклады и приговоры состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ въ царств. Петра Великаго», изд. Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. Н. В. Калачева, т. I, Спб. 1880, стр. 615. ² По свѣдѣніямъ «Азбучн. Указ. для Русск. Біогр. Словаря», онъ умеръ при Елисаветѣ Петровнѣ, а П. Н. Петровъ увѣряетъ даже, будто Устиновъ былъ настолько крупной фигурой при Аннѣ, что около 1736 г. являлся серьезнымъ соперникомъ Земцова, Коробова и самого Растрелли. «Матеріалы для біографіи Растрелли». («Зодчій», 1876 г., № 5, стр. 55). По обыкновению, Петровъ не приводитъ подтверждающихъ документовъ, и мы имѣемъ тѣмъ менѣе основаній ему довѣрять, что имя Устинова намъ не попадалось ни въ одномъ изъ строительныхъ дѣлъ за все время царствованія Анны и Елисаветы. Либо онъ рано умеръ,—быть можетъ еще въ 1730 г.,—либо былъ такимъ недоучкой въ архитектурѣ, что ему пришлось скоро устраниваться отъ всякой строительной дѣятельности и заняться чѣмъ либо другимъ. ³ (Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 13, л. 77, нов. нум. 31846, л. 1, 2). ⁴ И. Е. Забѣлинъ. «Исторія города Москвы», ч. I, М. 1905, стр. 406.

И. О. Мичуринъ.

Троицкая
церковь
на Арбатѣ.

Заложена
въ 1739 г.,
окончена
въ 1741 г.

затеряться въ неизвѣстности и точно сгинуть¹. Мѣдякинъ и былъ злополучнымъ строителемъ церкви Благовѣщенія на Житномъ дворѣ². Кто былъ онъ, этотъ таинственный «Иванъ Ивановъ»,—мелкій ли подрядчикъ-практикъ, десятникъ ли,

¹ «Архитекторъ Иванъ Ивановъ», какъ онъ называется въ доношеніи Главной Дворцовой конторы въ Правительствующій Сенатъ. Видъ кремлевскихъ соборовъ и другихъ строеній былъ такъ ужасенъ, что по приказанію Анны Иоанновны, помпившей и любившей Кремль съ дѣтства, гр. С. А. Салтыковъ поручилъ «штатскому дѣйствительному совѣтнику г. Савелову да при немъ архитектору Ивану Иванову» учинить опись всѣмъ кремлевскимъ ветхостямъ и поврежденіямъ. Этотъ длинный списокъ, снабженный подписью «архитектъ Мѣдякинъ 1730 году», рисуетъ удручающую картину чудовищнаго заупустѣнія Кремля. Не было здѣсь буквально ни одного зданія, которое находилось бы въ мало-мальски сносомъ состояніи,—все походило на развалины, а если что и не развалилось, то простоять въ такомъ видѣ долго не могло. (И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы», ч. II, М. 1891, стр. 830—842). ² 3 августа 1730 г. на постройку церкви по именному указу повелѣно было въ первую голову «выдать 100 рублей которые остались отъ 728 года изъ приему Петра Мошкова съ роспискою и дать Ивану Иванову инструкцію, чтобы держалъ по указамъ, съ роспискою». (Григорій Есиповъ. «Церковь Благовѣщенія что на Житномъ дворѣ», изд. 2, М. 1892 г., приложение № 2, стр. 14). Петръ Ивановичъ Мошковъ былъ дворцовымъ интендантомъ. Проектъ и смѣту на постройку этой церкви составилъ Шедель, которому принадлежитъ проектъ и другого храма, выстроеннаго въ 1731—1734 годахъ—церкви Николая Чудотворца въ дворцовомъ селѣ Домодѣловѣ Подольскаго уѣзда. (Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 7, л. 1 (нов. нум. 40189), л. 547—715). Шедель вскорѣ уѣхалъ и всѣми строительными работами завѣдали неучи. Послѣ несчастія съ благовѣщенской церковью, «Ивана Иванова» перестали титуловать архитекторомъ, а называли просто «служителемъ», и устранили отъ построекъ. (Тамъ же).

И. О. Мичуринъ.

Колокольня
Троицкой церкви
на Арбатѣ.

1740-е годы.

или подручный какого нибудь изъ прежнихъ, старыхъ зодчихъ, ставшій за отсутствіемъ мастеровъ самъ мастеромъ и присвоившій себѣ титулъ «архитекта», — насъ это не можетъ занимать хоть сколько нибудь серьезно, ибо весь мимолетный эпизодъ, связанный съ его личностью, любопытенъ только какъ иллюстрація архитектурнаго огрубѣнія и развала въ Москвѣ послѣ 1714 года.

Судьба привела въ Москву и двухъ другихъ Петровскихъ пенсионеровъ, товарищей Устинова по Голландіи, Мордвинова и Коробова, — перваго довольно скоро по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, втораго — послѣ блестящей архитектурной дѣятельности на берегахъ Невы, подробно очерченной уже раньше¹. *Иванъ Алексан-*

¹ Томъ III, стр. 170—172.

И. О. Мичуринъ.

Колокольня
Златоустовскаго
монастыря.

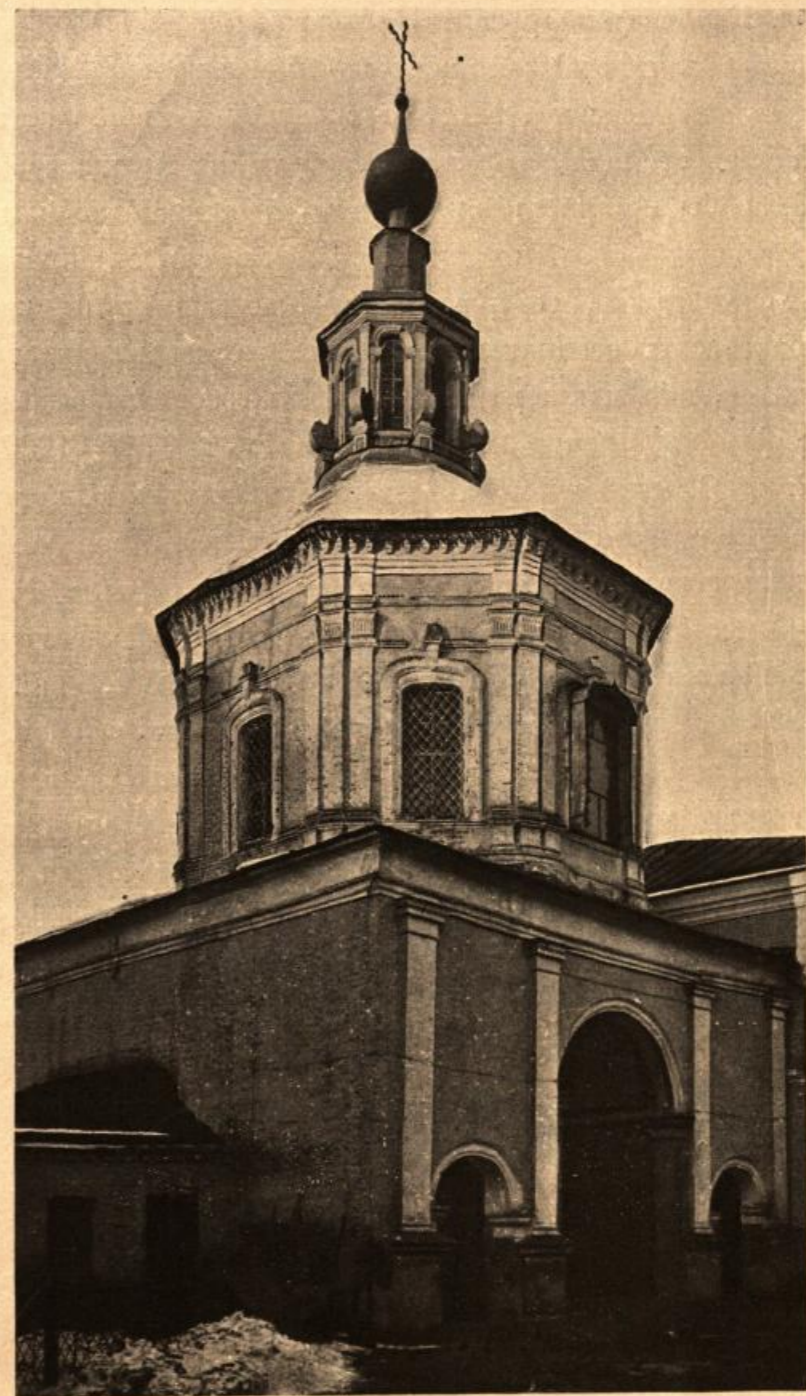
1746—1747 г.

дровичъ Мордвиновъ (род. до 1700 г., ум. 8 іюля 1734 г.)¹, вернувшись въ 1727 г. изъ за границы, провелъ три года въ Петербургѣ, гдѣ работалъ въ Петергофѣ. Здѣсь мы видимъ его еще въ іюль 1730 г., а меньше чѣмъ черезъ годъ, въ маѣ 1731 г. онъ сидитъ уже въ Москвѣ за отвѣтственной работой по составленію генеральнаго плана города². Когда Канцелярія строеній, нуждавшаяся въ архитекторахъ для по-

¹ Это тотъ самый Мордвиновъ, о которомъ была уже рѣчь въ главѣ о пенсионерахъ Петра Великаго. (Томъ III, стр. 170, 172). На основаніи свѣдѣнія, заимствованнаго изъ «Азбучнаго указателя для Русскаго Біографическаго словаря», мы ошибочно назвали его по отчеству «Тимоеевичемъ», но изъ найденныхъ уже послѣ выхода въ свѣтъ нашего III тома новыхъ документовъ видно, что отца Мордвинова звали Александромъ. (См. дальше, стр. 70, прим. 1). ² «Сего мая дня приказано мнѣ изъ правительствующаго сената дѣлать планъ красной площади плавкамъ въ большемъ видѣ въ которомъ обозначить всѣ пристройки; также и подѣлывать Московской планъ у котораго дѣла іа побретаюся неотлучно; А изъ Санктпетербурга изъ канцеляріи отъ строеній поужадаютъ меня поднтрафами чѣтобъ ехать туда всамою скоростью». Мордвиновъ просилъ Сенатъ указать ему, какъ быть, и Сенатъ предписалъ ему оставаться въ Москвѣ. (Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Сената по Канц. Строеній, кн. 1427, л. 1 и 2).

выхъ Петербургскихъ сооруженій, добилась сенатскаго указа «о высылкѣ въ Санктъ Питербурхъ обрѣтающагося въ Москвѣ архитектора Ивана Мордвинова кстроеніямъ ея императорскаго величества дворцовъ а порученныя бѣ ему въ Москвѣ дѣла приказать другимъ архитекторамъ», Московская Сенатская контора рѣшительно запротестовала, отказавшись отпустить заваленаго работой зодчаго и послала въ Петербургъ такую отписку: «Ныиѣ въ Москвѣ архитекторовъ имѣется только два человека, а имянно: означенной Мордвиновъ да Иванъ Мичуринъ и тому Мордвинову поручено сочинять по силѣ имянного ея императорскаго величества указу Московской планѣ, онъ же Мордвиновъ у строениевъ вкремлѣ ея и. в. дворца и на Каменно Мосткомъ питейномъ дворѣ у строениевъ каменныхъ полатъ и упочинокъ и строениевъ же Кремля Китая и Бѣлого городовъ, такожъ Воскресенскаго, Савина, Симонова, Вознесенскаго монастырей и въ Ильинскомъ селѣ и у осмотровъ псмѣтъ всякихъ строениевъ; да ныиѣ по вѣдѣнію изъ Санктъ Питербурха изъ Правительствующаго Сената опредѣлено о всѣхъ архіерейскихъ домѣхъ и вмонастырскихъ строеніяхъ описи и осмотры, чего гдѣ починить и вновь старого передѣлать чинить чрезъ архитекторовъ, и для онаго во всѣ архіерейскіе дома и вмонастыри, куда потребно будетъ, посылаться будутъ опые архитекторы Мордвиновъ и Мичуринъ, и для того безъ оныхъ архитекторовъ въ Москвѣ никакъ пробыть невозможно а въ Санктъ Питербурхѣ имѣется архитекторовъ 5 да гезелей 5 же человекъ которыми и безоного Мордвинова втомъ и въ другихъ строеніяхъ исправитца можно»¹. Изъ этого перечисленія работъ видно, до какой степени были обременены дѣломъ Мордвиновъ и его помощникъ Мичуринъ, почти единственные архитекторы Москвы за все время царствованія императрицы Анны. Помимо работъ по составленію генеральнаго плана Москвы имъ приходилось быть въ постоянныхъ разъѣздахъ по разнымъ монастырямъ и церквамъ, безпрестанно производить осмотры всякихъ разрушеній отъ времени и пожаровъ, составлять смѣты починокъ и заниматься вѣчными подѣлками. Кое что случалось, конечно, и вновь строить, при чемъ сочинять эти проекты приходилось Мордвинову, какъ старшему по рангу, но что именно было выстроено за это время въ Москвѣ мы не знаемъ. Едва ли онъ могъ участвовать въ созданіи тѣхъ запоздалыхъ, огрубѣлыхъ сколковъ съ ярусныхъ храмовъ, о которыхъ было говорено выше: въ неказистой архитектурѣ церкви Введенія въ Семеновскомъ и Девяти мучениковъ—слишкомъ ясно видна рука зауряднаго масте-

¹ П. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы для исторіи, археол. и статист. гор. Москвы», ч. II, М. 1891, стр. 862. Мордвиновъ съ своей стороны перечисляетъ этихъ 5 Петербургскихъ архитекторовъ и столько же гезелей: «Андрей Трезинъ, Петръ Еронкинъ, Михаилъ Земцовъ, Иванъ Коробовъ, Растреллій. Архитекторныхъ гезелей: Иванъ Бланкъ, Григорей Несмѣиновъ, Федотъ Шанинъ, Григорей Селезневъ, Федоръ Исаковъ». (Тамъ же). Федотъ Шанинъ былъ гезелемъ Московской Гофъ Интендантской конторы до самой смерти, послѣдовавшей въ январѣ 1741 года. Онъ числился «за архитектора» при Анненгофскихъ дворцахъ. (Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 7, л. 85, нов. нум. 41171, л. 35 об.).

И. О. Мичуринъ. Надвратная церковь Захарія и Елизаветы въ Златоустовскомъ монастырѣ.—1742 г.

рового стараго закала и нѣтъ ничего, что намекало бы на европейскую выучку. Какъ всѣ русскіе «иностранды», вскормленные западной школой, Мордвиновъ,

подобно Еропкину, Коробову и другим Петровским пенсионерам, был вероятно не высокого мнения об этой убогой «московщине», и меньше всего был склонен к воскрешению «старой Москвы». Не зная ни одной достоверной постройки этого зодчего, трудно искать среди Московских сооружений Аннинской эпохи таких, которые можно было бы приписать именно ему, и лишь одно из них,—храм Воскресения в Барашах *стр. 61*, может быть связано с его именем. По своему исключительному своеобразию, совершенно не Московскому и даже не русскому облику храм этот стоит особняком в Москве; столь неожиданная для церкви форма гражданского здания могла родиться либо в головѣ заправского иностранца, либо в воображении «иностранца» из русских. В 1732—1734 годах, когда строился храм¹, в Москвѣ кромѣ Мордвинова и Мичурина, постройки которого не имѣют ничего общаго с этой одинокой архитектурной композицией, были впрочем и два заправских иностранца — известный уже намъ Конрадъ и нѣкто *Петръ Гейденъ* (Peter Friedrich Heidenten, какъ онъ самъ писалъ свое имя, или Петръ Ивановичъ Гейденъ, какъ его звали в Москвѣ). Последний былъ принятъ на службу в 1732 году и по контракту долженъ былъ строить «Китайскій монетный дворъ», т. е. здание Монетнаго двора в Китай-городѣ². Это огромное здание, находившееся на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоит Московская дума³, строилось цѣлыхъ восемь лѣтъ и, когда осенью 1740 года сооруженіе было закончено, Гейденъ попросилъ «абшиту изъ Монетной Канцеляріи», по увольненіи затянулось и онъ получилъ его только в 1748 году⁴. Намъ не случалось видѣть старинныхъ изображеній Монетнаго двора до его передѣлки Казаковымъ в 1781 году и мы не знаемъ поэтому ни размѣровъ, ни характера Гейденовскаго дарованія⁵. Какъ Конрадъ, такъ и Гейденъ имѣли, конечно, в Москвѣ и частныя постройки, а также

¹ На каменной тумбѣ, хранящейся в этой церкви, написано: «построена сія святая церковь Воскресенія Христова что в Барашахъ 1734 года». («Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города». Изд. А. Мартынова, текстъ П. М. Снегирева, т. I. М. 1875, стр. 27). В 1734 г. состоялось освященіе церкви, которая начата постройкой в 1732 г. Еще одна Московская церковь той же эпохи — Николы Кобыльскаго на Садовой (1736 г.) носитъ слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ и лишена опредѣленныхъ и ясныхъ формъ Аннинскаго барокко. ² Гейденъ в одномъ изъ своихъ прошеній говоритъ, что здание Монетнаго двора онъ строилъ по своимъ чертежамъ «апробованнымъ отархитекторовъ бывшихъ полковниковъ Трезина перопкина даматора Трезина и архитектора Земцова». (Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 7, л. 95, нов. нум. 41181, л. 34). ³ Моск. Арх. Мин. Юст., Журн. и проток. Моск. Сенатской Кант., кн. 7517, л. 212, л. 415. ⁴ Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., 41181, л. 10. В началѣ 1741 года умеръ гезель Шанинъ, бывший за архитектора «усмотренія прианнинговскомъ и Лафортвовскомъ строеніи», и гр. Салтыковъ предложилъ его мѣсто Гейдену. В теченіе двухъ лѣтъ онъ былъ главнымъ архитекторомъ Гофъ Интендантской Канторы и его обязанности дѣлалъ съ нимъ только Мичуринъ, по в 1743 году, когда была затѣяна перестройка Лафортвовскаго дворца, эта работа была поручена Евланшеву. Гейденъ считалъ себя обиженнымъ и в 1745 г. самовольно уѣхалъ в Петербургъ, «а за какимъ дѣломъ неизвѣстно», и в теченіе трехъ лѣтъ не возвращался в Москву, почему в 1748 г. былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ дѣлъ. В 1751 г. онъ былъ еще живъ и в это время подписывалъ свое имя уже по-русски: «архитекторъ Петеръ Гейденъ рука приложилъ». (Тамъ же, л. 4, 11, 35). ⁵ М. О. Казаковъ совершенно перестроилъ Гейденовское здание, украсивъ его эффектнымъ колоннымъ портикомъ и замѣнивъ барочный парадъ классическимъ. Современныхъ изображеній этой Казаковской архитектуры сохранилось не мало. (М. Гостевъ. «Матеріалы для полной и сравнительной статистики Москвы». М. 1844).

И. О. Мичуринъ. Соборный порталъ Свѣнскаго Успенскаго монастыря, Орловской губ. 1749—1758 г.

строили, вероятно, и церкви, но какія именно, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что церковь Воскресенія в Барашахъ построена кѣмъ либо изъ указанныхъ трехъ зодчихъ, — либо однимъ изъ двухъ настоящихъ иностранцевъ, либо «русскимъ иностранцемъ» Мордвиновымъ.

В 1734 году Мордвиновъ умеръ и всѣ его работы были переданы Сенатской Канторой Мичурину¹.

¹ В Московскомъ Архивѣ Мин. Юст. сохранилось любопытное дѣло, рисующее жизнь и печальный конецъ этого «птенца гнѣзда Петрова». В началѣ лѣта 1734 г. Мордвиновъ заболѣлъ, а 15 іюля того же года его другъ майоръ Великопольскій доносилъ в Сенатскую кантору, что «Иванъ Мордвиновъ былъ боленъ горячкою вкаторой болѣзни сего іюля 8 дня самъ себя зарезалъ ножомъ итогомъ числа умре». (Тамъ же, л. 71, л. 134). Всѣ бумаги Мордвинова в его домѣ на Остоженкѣ были запечатаны и такъ какъ в Москвѣ не было никого изъ его родственниковъ, то къ его отцу—помѣщику, жившему гдѣ то в дальней деревнѣ, послали нарочнаго съ извѣстіемъ

Иванъ Ѳедоровичъ Мичуринъ (род. въ 1700 г., ум. въ 1763 г.) происходилъ изъ дворянъ Галичскаго уѣзда Костромской губерніи и въ числѣ другихъ дворянскихъ юношей былъ отданъ въ 1718 г. въ Академію навигаціонныхъ наукъ въ Петербургѣ, откуда въ 1720 г. поступилъ для обученія архитектурѣ къ Микетти¹. Послѣдній въ 1723 г. покинулъ Россію и Мичуринъ вмѣстѣ съ нѣсколькими сверстниками былъ посланъ въ Голландію². 10 мая 1729 года издавъ указъ объ освидѣтельствovanіи работъ архитектурнаго дѣла ученика Ивана Мичурина и о назначеніи ему жалованья³. Съ 1731 г. мы видимъ его уже въ Москвѣ помощникомъ Мордвинова, котораго онъ и замѣнилъ въ 1734 году.

Прежде всего Мичуринъ продолжалъ огромную работу по составленію генеральнаго плана Москвы, только начатую Мордвиновымъ. Это знаменитый «Мичуринскій планъ»,—«Планъ императорскаго Столичнаго города Москвы, сочиненный подъ смотрѣніемъ архитектора Ивана Мичурина въ 1739 году», какъ озаглавилъ самъ авторъ этотъ документъ, въ высшей степени важный для исторіи, археологіи и топографіи Москвы. Кромѣ этой большой работы онъ наследовалъ отъ своего предшественника и всѣ остальные безчисленныя обязанности его, которыя Мичурину пришлось нести единолично, тогда какъ Мордвиновъ имѣлъ въ его лицѣ дѣятельнаго помощника. Начиная съ 1734 года онъ безпрестанно разъѣзжаетъ по Москвѣ и ея окрестностямъ, а иногда ѣдетъ и въ отдаленныя захолустныя монастыри, а если не разъѣзжаетъ, то сидитъ, не разгибая спины надъ составленіемъ очередныхъ смѣтъ для нескончаемыхъ починокъ и перестроекъ⁴. Кромѣ этихъ

о смерти сына. Мордвиновъ - отецъ, котораго, какъ оказывается, звали Александромъ, а не Тимофеемъ (какимъ считали его составители «Азбучнаго указателя для Русскаго Біографическаго Словаря») по слабости здоровья не пріѣхалъ самъ, но, не имѣя въ Москвѣ близкихъ людей, написалъ въ Петербургъ архитектору Коробову, пріятелю его сына еще по Голландіи, прося разыскать кого нибудь въ Москвѣ, кто могъ бы ему сообщить подробности о горестномъ событіи. Коробовъ обратился къ Мичурину, который и послалъ Мордвинову-отцу подробный отчетъ обо всемъ. (Тамъ же, кн. 7518, л. 117, л. 257—258). Въ домѣ Мордвинова оказалось четверо крѣпостныхъ его отца, да дѣвка Аграепа Семенова дочь — смалодетною дочерью Аппою которая себе объявила отцемъ ея былъ иноземецъ компанъ государыни Царевны Натальи Алексѣевны арганистъ въѣре греческаго исповѣданія Семень Васильевъ сынъ Лабановъ; а опадѣ Аграепа жила у него Мордвинова безмала два года пжавучи прижила спимъ оную дочь Анну вбеззаконтлѣ». (Тамъ же, кн. 7517, л. 189, л. 375).¹ «Въ прошломъ государь 1720 году поимянному вашего императорскаго величества указу взятъ я нижеименованноі изъ академіи для обученія архитектурнаго дела къ господину архитектуру Ніколаю Мекеті прікоротомъ иныиѣ обучаюся безотлучно. А домѣ своемъ съ 1718 году не бывалъ ивпѣытность мою вдеревне въ 1719 году волею Божіею отецъ моі умре амать моя осталась древня... да повелитъ ваше державство діа оного моего песноснаго разорепія уволитъ мепя вдомя моі вгалецкой уездъ... Иванъ Ѳедоровъ сынъ Мичуринъ 1721 г. ноября». (Прошеніе Мичурина въ Общ. Арх. Мин. Двора, въ Дѣлахъ Гофъ-Интенд. Канторъ, кн. 26, стр. 301).² Иначе трудно объяснить указъ Сената отъ 10 февраля 1729 г., коимъ онъ, въ качествѣ «ученика архитектурнаго и шлюзнаго дѣла», направляется къ генералу графу фонъ Маниху, одновременно съ отсылкой для испытанія въ Канцелярію Строеній учениковъ садоваго дѣла Пермакова и Кондакова, а также полатнаго и каменнаго Башмакова и Тубекіина. Всѣ они прибыли изъ за границы, почему надо полагать, что и Мичуринъ былъ Петровскимъ пенсіонеромъ. (Барановъ. «Опись Высоч. указ. и повел., хранящ. въ Спб. Сенатск. архивѣ за XVIII в., т. II, Спб. 1875, стр. 178). И. М. Снегиревъ говоритъ опредѣленно, что «Мичуринъ въ 1724 г. изучалъ въ Голландіи строительное дѣло». (Снегиревъ. «Памятники Московской древности», М. 1842—45).³ Тамъ же, стр. 189. ⁴ «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Прав. Синода», т. XIV, Спб. 1910, стр. 363; т. XV, Спб. 1907, стр. 116; т. XVI, Спб. 1906, стр. 123; т. XIX, Спб. 1913, стр. 395; т. XXVI, Спб. 1907, стр. 14, 70, 214, 483; т. XXXI, Спб. 1909, стр. 405; т. XXXIX, Спб. 1910, стр. 535.

Церковь Параскевы Пятницы на Пятницкой.
1739—1744 г.

мелочей у него несомнѣнно было не мало и новыхъ построекъ, такъ какъ Москва понемногу пробуждалась отъ своего долгаго строительнаго сна. Начавшееся съ 1730 г. архитектурное оживленіе съ каждымъ годомъ усиливалось и все замѣтнѣе становился слѣдъ, оставленный зодчими, пріѣзжавшими сюда изъ Петербурга на коронаціонныя торжества. Впервые послѣ многихъ лѣтъ Москва вновь видѣла сооруженіе пышныхъ палатъ, какими являлись Растреллиевскіе Анненгофы. Постройкой ихъ руководилъ самъ Растрелли, въ помощь которому былъ посланъ изъ Петер-

бурга Шедель¹. Въ Москву прѣхали кромѣ нихъ еще Трезини-отецъ, Земцовъ, Еропкинъ и другіе². Если они не успѣли здѣсь ничего выстроить, то навѣрно сдѣлали нѣсколько своихъ проектовъ, производили осмотры и давали совѣты. По крайней мѣрѣ о Шеделѣ намъ извѣстно, что онъ началъ постройку колокольни Донского монастыря и вывелъ ее на двѣ сажени сверхъ земли, а Трезини осматривалъ тамъ же фундаменты старой колокольни³. Торжества миновали, архитекторы разѣхались и въ Москвѣ остались только Конрадъ съ Гейденомъ, да Мордвиновъ съ Мичуринымъ, а вскорѣ одинъ послѣдній⁴. На его долю выпала задача поддержать тотъ слабый огонекъ, который успѣли зажечь въ дни коронаціи; онъ поддерживалъ его по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, и если огонекъ окончательно не заглохъ, то этимъ Москва обязана Мичурину. Природа не надѣлила его блестящимъ дарованіемъ, онъ былъ лишь усерднымъ работникомъ, настоящимъ труженникомъ, но тогдашняя Москва пуждалась не въ дарованіяхъ, а именно въ трудѣ, который только и могъ вывести ее изъ запустѣнія.

Особенно много работы выпало на долю Мичурина послѣ стихійнаго пожара 1737 года, опустошившаго значительную часть Москвы. Ему пришлось составлять подробнѣйшую опись всѣмъ поврежденіямъ, сочинять смѣты на возобновленіе дворцовыхъ, церковныхъ и правительственныхъ строеній и заниматься ихъ ремонтомъ. Много зданій было совершенно уничтожено и надо было строить вновь, что также долженъ былъ дѣлать Мичуринъ. Среди этихъ вновь воздвигнутыхъ сооружений лишь одно — церковь Троицы на Арбатѣ *стр. 63*, благодаря случайно уцѣлѣвшимъ документамъ, можетъ быть съ достовѣрностью приписано Мичурину⁵. Построенная въ 1739—1741 годахъ, эта, бѣдная убранствомъ, ненарядная церковь своими сдержанными формами указываетъ на чисто дѣловую задачу, поставленную прихожанами архитектору. Огромные убытки, причиненные Москвѣ пожаромъ, лишали ее на нѣкоторое время затѣйливыхъ архитектурныхъ перспективъ, вынуждая довольствоваться будничными рѣшеніями. Вся декорація церкви ограничилась дробной обработкой восьмерика, несущаго главу, и портикомъ съ тосканскими колоннами, приставленнымъ къ южной стѣнѣ четверика. Гораздо оживленнѣе колокольня *стр. 64*, сочиненная подъ явнымъ вліяніемъ новѣйшихъ декоративныхъ приѣмовъ, хотя всѣ эти новшества — русты нижняго яруса, раскрѣповки надъ ними, забранные пролеты

¹ Госуд. архивъ, разр. XIV, № 301, л. 3. Послѣ отѣзда Шеделя въ Кіевъ «къ смотрѣнію въ Анненгофъ за строеніемъ» былъ опредѣленъ строитель Мошетаго двора Гейденъ. (Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 19, л. 101).
² Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., Протоколы Канц. Строеній, кн. 102, л. 54. ³ П. Е. Забѣлинъ. «Историч. опис. Моск. ставропиг. Донского монастыря», изд. 2, М. 1893, стр. 73, 175. ⁴ Въ 1736 г. упоминается въ дѣлахъ еще архитекторъ Федоръ Васильевъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., Журн. и Проток. Моск. Сенатск. Конт., кн. 7544, л. 94, л. 189), а въ 1739 г. архитекторъ Навель Богодѣльный (тамъ же, кн. 7567, л. 14), но что они строили — неизвѣстно.
⁵ Василій Страховъ. «Лѣтописъ Троицкой на Арбатѣ церкви въ Москвѣ». М. 1883, стр. 9.

*Василій
Обуховъ.*

Церковь
Іоанна
Предтечи
въ Кре-
четникахъ.

Заложена
въ 1753 г.,
окончена
въ 1761 г.

нижняго звона и ниши на срубанныхъ углахъ — поняты довольно наивно. Въ обработкѣ шеи главы видно желаніе придерживаться приѣмовъ Московскаго барокко, сказавшееся въ сущности и на общей формѣ самой церкви. Предоставленный самому себѣ, Мичуринъ, подъ давленіемъ окружавшей его архитектуры, невольно тянулся къ традиціоннымъ Московскимъ формамъ, лишь робко освѣжая ихъ штрихами тогдашняго «новаго стиля». Надвратная церковь Захарія и Елизаветы въ Златоустовскомъ монастырѣ, построенная имъ въ 1742 году *стр. 67*, прямо продолжаетъ архитектуру Московскаго барокко: тотъ же знакомый грузный низъ съ тремя арками, тотъ же восьмерикъ на немъ и та же кудрявая раздѣлка верхняго восьмеричка. Нова лишь форма оконъ, да нарѣзка и зубцы на капителяхъ тройныхъ

пилястръ, украшающихъ грани главнаго восьмерика¹. Эти куріозныя нарѣзки и нависающіе надъ ними зубцы мы видимъ и на пилястрахъ верхняго яруса колокольни Златоустовскаго монастыря, построенной въ 1746—1747 годахъ тѣмъ же Мичуринымъ². Стр. 65. Колокольня по приемамъ имѣетъ много общаго съ колокольней Троицы на Арбатѣ, но она менѣе примитивна, нарисована болѣе увѣренной рукой и обнаруживаетъ большій опытъ строителя. Видимо, Мичуринъ извлекъ для себя большую пользу изъ значительнаго числа сооруженій, которыя ему пришлось произвести за десять слишкомъ лѣтъ.

Изъ гражданскихъ его построекъ надо отмѣтить новыя палаты Московской Синодальной типографіи, возведенныя имъ въ 1745—1747 годахъ³. Архитектура ихъ не сохранилась, но счастливо удѣлѣвшій проектъ этого двухъэтажнаго корпуса, съ центральнымъ рустованнымъ выступомъ въ пять оконъ и тремя окнами по сторонамъ, рисуетъ Мичуринъ умѣлымъ зодчимъ, вполне овладѣвшимъ техническими и художественными знаніями своего времени. Понятно поэтому, что Растрелли, искавшій опытнаго строителя, которому онъ могъ бы довѣрить общее руководство по сооруженію проектированнаго имъ Андреевскаго собора въ Кіевѣ, остановилъ свой выборъ именно на Мичуринѣ. Въ 1747 г. послѣдній получилъ приказаніе отправиться въ Кіевъ, куда вскорѣ перевезъ и всю семью и гдѣ пробылъ до 1761 года, проработавъ здѣсь почти 14 лѣтъ⁴. Одновременно съ соборомъ онъ строилъ по проекту Растрелли и Кіевскій дворецъ, совершенно передѣланный въ 19-мъ вѣкѣ и утратившій Растреліевскую внѣшность⁵. Къ Кіевскому періоду относится и лучшая постройка Мичурина, произведенная имъ въ 1749—1758 годахъ, — соборъ Свѣнскаго Успенскаго монастыря. Преданіе приписываетъ проектъ, какъ водится, Растрелли, исполнителемъ же работъ на мѣстѣ, по даннымъ монастырскаго архива, былъ Иванъ Битнеръ⁶. Однако, изъ документовъ Государственнаго архива видно, что проектъ составлялъ Мичуринъ⁷. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что Свѣнскій — въ старину «Свинскій» монастырь — былъ приписнымъ къ Кіевско-Печерской лаврѣ, гдѣ Мичуринъ былъ, конечно, свой человѣкъ. Очень своеобразна торжественная декорация главнаго портала, въ которомъ Мичуринъ сдѣлалъ едва ли

¹ Архимандритъ Григорій. «Московскій Златоустовскій монастырь». («Русскія достопамятности» А. Мартынова, т. III, М. 1880, стр. 32). ² Тамъ же, стр. 33. Мичуринъ въ качествѣ архитектора Коллегіи Экономіи, или «Синодальнаго экономическаго правленія» составлялъ всѣ проекты для монастырей и церквей Москвы и даже средней Россіи до 1747 года. Исключеній было немного. (Тамъ же, стр. 34; Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Прав. Сепата, кн. 3059, л. 62). ³ «Опис. докум. и дѣлъ Св. Прав. Синода», т. XXIII, Спб. 1914, стр. 111—114. Проектъ Мичурина воспроизведенъ въ приложеніи къ стр. 707 этого тома. ⁴ Госуд. Архивъ, разр. XIV, л. 9 обор.; Н. Закревскій. «Описаніе Кіева», т. I, М. 1868, стр. 180. Со стороны художественной Мичуринъ прекрасно справился съ задачей, сохранивъ въ соборѣ подлинное архитектурное лицо Растрелли, но съ технической стороны потерпѣлъ неудачу: понадѣвшись на исключительно глубокіе фундаменты, онъ не отвелъ всѣхъ ключей и одинъ изъ нихъ былъ у самой соборной стѣны въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда храмъ былъ полузаброшенъ, между 1761 и 1767 годами. (Тамъ же, стр. 181). ⁵ Госуд. Арх., разрѣдъ XIV, № 138, л. 10. ⁶ Архимандритъ Героевъ. «Брянскій Свѣнскій Успенскій монастырь Орловской епархіи». М. 1866, стр. 125—128. ⁷ Госуд. Архивъ, разр. XVIII, № 143.

А. П.
Евлашевъ.
Колокольня
Донскаго
монастыря.

Пачата въ 1730 г.
Шедедемъ,
окончена
въ 1750-хъ годахъ
Евлашевымъ.

не первую попытку сочетать пышность и многогранность барокко съ отзвуками старорусскихъ формъ. Стр. 69. Такимъ отголоскомъ старины является остроконечное завершеніе портала, вызывающее въ памяти знакомую форму кокошника. Строилъ ли Мичуринъ еще что нибудь въ Кіевѣ, намъ неизвѣстно¹. Съ 1762 года мы снова видимъ его въ качествѣ синодальнаго архитектора въ Москвѣ, гдѣ онъ по рангу занималъ первое мѣсто². Въ 1764 г. первенство переходитъ къ К. И. Бланку, и имя Мичурина уже не встрѣчается въ документахъ. Вѣроятно, въ концѣ 1763 года онъ умеръ.

¹ Извѣстно лишь, что по его проекту сооруженъ въ 1760 г. иконостасъ въ Троицкой церкви въ Кіевѣ. (Закревскій. «Описаніе Кіева», т. II, М. 1868, стр. 845). ² «Камеръ-Фурьерскій журналъ» 1762 г., стр. 269.

Въ тѣ годы, когда Мичуринъ былъ единственнымъ свѣдущимъ архитекторомъ въ Москвѣ, здѣсь появились еще два храма — Никольскій при Куракинскомъ странно-пріимномъ домѣ въ Новой Басманной и Параскевы Пятницы на Пятницкой. Первый выстроенъ будто бы по проекту, заказанному кн. А. Б. Куракинымъ въ Парижѣ¹. Храмъ, расположенный центрально и имѣющій форму куба, съ водруженнымъ на немъ высокимъ, стройнымъ куполомъ, дѣйствительно замѣтно отличается отъ всѣхъ современныхъ ему Московскихъ. Возможно, что преданіе на сей разъ не слишкомъ далеко отъ истины, но если исполнителемъ проекта явились Мордвиновъ или Мичуринъ, они могли изрядно исказить и обезличить замыселъ. Какъ низъ, такъ и верхъ украшены коринтскими пилястрами, недурно нарисованными на четверикѣ, но слишкомъ тянутыми на граняхъ купола. Основной кубъ не могъ не получить въ эпоху барокко нѣсколько выпуклостей и изогнутыхъ линій. Церковь Параскевы Пятницы *стр.* 71, въ противоположность Куракинской, есть плоть отъ плоти Московскаго барокко, и въ своихъ основныхъ формахъ въ сущности мало отличается отъ собора бывшаго Варсонофьевскаго монастыря². *Стр.* 25. Только въ декоративной обработкѣ чувствуется мѣстами болѣе поздняя эпоха³.

Судьбѣ было угодно, чтобы послѣ трехъ голландскихъ пенсіонеровъ Петра Великаго въ Москву попалъ еще и четвертый — *Иванъ Кузьмичъ Коробовъ*. (Род. въ 1700 г., ум. въ 1747 г.)⁴. Построивъ нарядное зданіе Адмиралтейства *томъ III, стр.* 171, Коробовъ продолжалъ состоять на службѣ въ этомъ вѣдомствѣ до 1741 года, когда его перевели въ Москву архитекторомъ губернской канцеляріи, назначивъ на его мѣсто Чевакинскаго⁵. На новомъ мѣстѣ онъ работалъ шесть лѣтъ и умеръ, не оставивъ здѣсь сколько нибудь замѣтнаго слѣда. Въ кругъ его обязанностей

¹ Куракинская церковь построена въ 1731—1742 г. Н. А. Скворцовъ и В. Н. Смольяниновъ. «Княже-Куракинскіи церкви и помѣстья». («Восемнадцатый вѣкъ», истор. сборн., изд. кн. О. А. Куракинымъ, т. II, М. 1905, стр. 20—21).
² Церковь Параскевы Пятницы построена въ 1739—1744 г. («Путеводитель къ древностямъ и достопамяностямъ Московскимъ, руководствующій любопытствующаго по четыремъ частямъ сего столицы къ дѣмъ-мѣсто-описательному познанію всѣхъ заслуживающихъ примѣчанія мѣстъ и зданій какъ то соборовъ, монастырей, церквей, государственныхъ и частныхъ заведеній какъ старыхъ такъ и новыхъ, съ надписей и изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ собранныхъ и для удобнѣйшаго оныхъ прискванія азбучною росписью умноженный» часть III, М. 1792, стр. 64. По свѣдѣніямъ автора путеводителя храмъ построенъ въ 1739 г., по къ этому году относится, вѣроятно, начало сооруженія, такъ какъ по даннымъ церковнаго архива онъ освященъ въ 1744 г.). Еще одинъ храмъ, напоминающій по обработкѣ купола Варсонофьевскій, построенъ въ послѣдніе годы Елисаветинскаго царствованія. — Вознесеніе за Серпуховскими воротами, освященный въ 1762 г. ³ Съ весьма большимъ вѣроятіемъ можно приписать Мичурину постройку церкви Николы въ Клиппникахъ на Маросейкѣ, освященную въ 1749 г. Какъ самый храмъ, такъ и колокольня имѣютъ по приемамъ большое сходство съ церковью Троицы на Арбатѣ *стр.* 63, 64, представляющую ихъ позднѣйшую и потому болѣе удачную редакцію. ⁴ Излагая Петербургскую дѣятельность Коробова, мы не располагали еще данными о дальнѣйшей судьбѣ и времени его кончины и лишь послѣ выпуска III тома намъ удалось найти эти свѣдѣнія. Дѣти Коробова Иванъ и Николай, сначала обучавшіеся архитектурѣ у отца, затѣмъ перешедшіе въ команду Ухтомскаго, просили объ освобожденіи ихъ изъ команды, какъ не имѣющихъ склонности къ архитектурѣ. Въ прошеніи ихъ имѣются между прочимъ свѣдѣнія объ отцѣ: «Иванъ Кузьмичъ Коробовъ въ 1718 г. посланъ въ чужіе края для обученія архитектурѣ, а въ 1727 г. вернулся и служилъ архитекторомъ, пожалованъ полковникомъ, а въ 1747 г. умре». (Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Прав. Сената кн. 3059, л. 572). ⁵ Тамъ же, л. 712.

Церковь Алексѣя Митрополита что въ Алексѣевской.

1748—1751 г.

входили исключительно функции городского и полицейского архитектора, но при тогдашней междувдомственной путанице и неразберихе на него нередко взваливали и другие дела.

Ни Коробовъ, ни другие «голландцы», заброшенные судьбою въ Москву, не оставили здѣсь ничего голландскаго. Мы напрасно стали бы искать въ ней не только настоящихъ голландскихъ формъ, но хотя бы даже тѣхъ намековъ на какую то «голландщину», о которой еще временами можно говорить въ Петербургѣ. Москва всѣхъ перегибала на свой ладъ, всѣхъ наѣзжихъ превращала попросту въ москвичей. А наѣзжать стало сюда все больше «мастеровъ всякихъ художествъ», и постепенно начинала подниматься упавшая было техника. Въ 1730-хъ годахъ, одновременно съ Мичуринымъ, въ Москвѣ работалъ нѣкій *Василій Саввичъ Обуховъ*. Гдѣ онъ обучался, въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли, насколько серьезную школу прошелъ, мы не знаемъ, но уже въ 1733 г. онъ подписывается «заархитекторъ Василій Обуховъ»¹. Въ началѣ Обуховъ служилъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ, а позже перешелъ на службу въ губернскую канцелярію, гдѣ, послѣ смерти Коробова, въ 1747 г. занялъ его мѣсто «архитектора Главной и Московской Полицеймейстерской Канцеляріи»². Въ томъ же году за отъѣздомъ Мичурина въ Кіевъ онъ вступилъ въ исправленіе его обязанностей синодальнаго архитектора и по этой второй должности ему случалось неоднократно получать постройки для различныхъ монастырей и церквей. Такъ, въ 1848 г. онъ выстроилъ въ Донскомъ монастырѣ по своему проекту сохранившееся до сихъ поръ двухъэтажное зданіе ризницы, примыкающее къ большому собору Донской Божіей Матери³. Убогая, старомодная архитектура ризницы ясно говоритъ, что ея строитель не могъ угнаться за вѣкомъ. То же подтверждаетъ и другая достовѣрная постройка Обухова, церковь Іоанна Предтечи въ Кречетникахъ, сооруженная въ 1753—1761 годахъ⁴. Стр. 73. Безсильный освободиться отъ власти старомосковскихъ пріемовъ, онъ цѣликомъ повторяетъ ярусную форму «восьмерикъ на четверикѣ», не внося въ нее отъ себя ни одного новаго, свѣжаго штриха, если не считать той забавной смѣси декоративныхъ элементовъ 17-го вѣка и новаго петербургскаго барокко, которую мы наблюдаемъ въ разорванныхъ наличникахъ оконъ восьмерика. Эти разорванные наличники встрѣчаются еще въ одной достовѣрной постройкѣ Обухова,—въ церкви дворцоваго нѣкогда села Мячкова, Московской губерніи, выстроенной имъ въ 1750-хъ годахъ⁵. Мячковская церковь нѣсколько

¹ Моск. Отд. Общ. Арх. Имп. Двора, оп. 150 Е/№ 49. ² Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Правит. Сен., кн. 3059, л. 107. ³ «Каменная полата на убраніе и сохраненіе ризницы у соборныя церкви къ паперти подлѣ церковнаго входу что отъ старыя церкви; а оная полата о дву жильяхъ». (И. Е. Забѣлинъ. «Истор. опис. Моск. Ставроп. Донского мон.», изд. 2, М. 1893, стр. 184). ⁴ Архивъ Московской Духовной Консисторіи, связка дѣлъ по церкви Іоанна Предтечи въ Кречетникахъ. Свѣдѣніе это разыскано для насъ прот. Н. А. Скворцовымъ. ⁵ Проектъ Мячковской церкви, исполненный Обуховымъ въ 1751 году, хранится въ Московскомъ Отдѣлѣ Общаго Архива Мин. Двора (Оп. 149 № 69290, нов. нум.). Такіе же разорванные сверху наличники, концы которыхъ вызы-

Церковь
Архи-
діакона
Евпла

на
Мясницкой.
1750 г.

ного типа, чѣмъ Кречетниковская: если послѣдняя воскрешаетъ ярусную форму, то первая возвращаетъ насъ къ еще болѣе древней формѣ—«освященному пятиглавію». Только барочная обработка оконъ выдаетъ Елисаветинскую эпоху постройки.

Въ 1754 г. Обуховъ былъ уволенъ «за старостью» изъ Губернской Канцеляріи, а пятью годами позднѣе онъ подалъ прошеніе въ Синодальную Контору объ опредѣленіи его на штатное мѣсто, пустовавшее за отъѣздомъ Мичурина¹. Онъ хотѣлъ упрочить за собой всѣ преимущества официальнаго положенія, но получилъ отказъ. Фигура этого стараго зодчаго, родившагося, вѣроятно, еще въ концѣ 17-го вѣка, кочевавшаго всю жизнь изъ одной канцеляріи въ другую и на краю могилы дослужившагося до чина коллежскаго ассесора, должна была производить столь же куріозное впечатлѣніе безконечной запоздалости, какъ и его архитектура. Несомнѣнно, онъ вышелъ изъ строителей-практиковъ, наметавшихъ руку на мелкихъ работахъ

вають въ памяти излюбленные «пѣтушия гребешки» Московскаго барокко, мы видимъ въ восьмерикѣ церкви Платія мученика въ Платьевскомъ переулкѣ, построенной въ серединѣ 18-го вѣка. Не Обуховъ ли строилъ ее? ¹ Прот. Н. А. Скворцовъ. «Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII вѣкъ», вып. 2, М. 1914, стр. 361.

еще во времена Петра Великого, вѣроятно гордился тѣмъ, что «не ученъ и въ заморскихъ новинкахъ неискусенъ», и наканунѣ воцаренія Екатерины II весьма неодобрительно отзывался о Петровскихъ новшествахъ¹. Очень вѣроятно, что именно онъ строилъ такія отсталыя по архитектурѣ церкви, какъ Введеніе въ Семеновскомъ или церковь Десяти мучениковъ у Новинскаго вала.

Въ Елисаветинскую эпоху въ Петербургѣ не было уже недостатка въ архитекторахъ, и поэтому отсюда безъ особыхъ затрудненій отпускали ихъ въ Москву, гдѣ былъ дорогъ каждый лишній техникъ. Въ 1740 г. архитекторъ *Иванъ Яковлевичъ Бланкъ* (род. въ 1708 г., ум. при Екатеринѣ II), который «имѣлся усмотренія іпоказанія всанктъ Питеръ Бургскихъ Приморскихъ Ея Императорскаго величества домамъ и садамъ івпрочихъ разныхъ местахъ работъ иусочиненія фасадовъ проектовъ ічертежей» былъ сосланъ, неизвѣстно за что, изъ Тайной Канцеляріи въ Сибирь, откуда 9 февраля 1741 г. его велѣно вернуть. Въ началѣ 1742 года его отправили вмѣстѣ съ другими архитекторами въ Москву для коронаціонныхъ работъ, а послѣ коронаціи онъ ходатайствовалъ передъ Сенатомъ о переводѣ его на службу въ Москву архитекторомъ при полиціи. Получивъ разрѣшеніе, онъ переселился сюда окончательно². Съ тѣхъ поръ его имя часто встрѣчается въ строительныхъ дѣлахъ города на ряду съ именами Мичуринна и Коробова. По всѣмъ даннымъ онъ игралъ здѣсь довольно замѣтную роль, но мы не можемъ назвать ни одной его сохранившейся московской постройки. Извѣстно лишь его дѣятельное участіе въ коронаціонныхъ сооруженіяхъ 1742 г., когда онъ строилъ триумфальныя ворота³, да сохранившійся чертежъ церкви Никиты мученика въ Кузнецкой даетъ основаніе видѣть въ Бланкѣ архитектора, строившаго или, вѣрнѣе, перестроившаго этотъ храмъ въ серединѣ 18-го вѣка⁴.

Въ 1740-хъ годахъ въ Москвѣ работалъ еще одинъ мастеръ, *Алексѣй Петровичъ Евлашевъ* (род. въ 1706 г., ум. въ сентябрѣ 1760 г.)⁵, снискавшій здѣсь репутацію одного изъ лучшихъ зодчихъ. Мы ничего не знаемъ о годахъ его ученія, но такъ какъ онъ числился въ службѣ съ 13-тилѣтняго возраста, съ 1719 года,—что обычно

¹ Въ 1762 г. его, кажется, уже не было въ живыхъ, такъ какъ Камеръ-Фурьерскій журналъ не упоминаетъ его имени въ спискѣ Московскихъ зодчихъ. ² Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Правит. Сен. по Канцеляріи Строеній, кн. 2429, л. 1059. Въ чемъ состояла провинность Бланка, намъ не довелось разыскать; за короткое время послѣднихъ лѣтъ жизни императрицы Анны Іоанновны, правленія Анны Леопольдовны и воцаренія Елисаветы Петровны въ Сибирь и обратно проѣхало, какъ извѣстно, по пустачнымъ дѣламъ и вздорнымъ доносамъ множество всякаго люда. ³ Академія Наукъ требовала отъ него въ 1742 г. оригинальные чертежи фасадовъ и планы «по которымъ бы можно было оныя доски переправить или совсѣмъ новые чертежи сдѣлать такъ, какъ оныя грдыровальщиками вырѣзаны быть должны». («Матеріалы для истор. Имп. Акад. Наукъ», т. V, стр. 10—11). ⁴ Снимокъ съ этого чертежа мы видѣли въ бумагахъ Н. А. Найденова, хранящихся въ архивѣ Московской биржи. Онъ неудачно воспроизведенъ въ книгѣ Н. Токмакова «Истор. и археол. опис. церкви св. великомуч. Никиты что въ Татарской въ Москвѣ». М. 1887. ⁵ Дата рожденія заимствована изъ «Азбучнаго указателя для Русскаго Библиографическаго словаря», дата смерти извлечена нами изъ послужныхъ списковъ. (Моск. Арх. Мин. Юстиціи Дѣла Правит. Сен. по Канц. Строеній, кн. 5473 л. 17).

Иванъ Жеребцовъ.

Колокольня
Новоспасскаго
монастыря.

Заложена
въ 1759 г.,
окончена
въ 1785 г.

означало время поступленія въ «архитектурные ученики», то надо думать, что онъ мальчикомъ былъ отданъ къ кому нибудь изъ мастеровъ. Въ 1731—1733 годахъ онъ еще только «архитектурныхъ дѣлъ гезель»¹, въ 1745 г.—уже архитекторъ, а въ 1754 г.—подполковникъ, чинъ весьма значительный въ архитектурной карьерѣ.

¹ Синодъ судилъ его въ 1731 г. за какое то «непотребное письмо». Евлашевъ заявилъ, что письмо это написано имъ еще въ дѣтскіе годы и просилъ за малость строго не судить. («Опис. докум. и дѣлъ, хран. въ Арх. Свят. Прав. Синода, т. VII, Спб. 1885, стр. 310). Въ 1731 г. Евлашевъ былъ ученикомъ Мичуринна, о чемъ послѣдній съ горечью заявилъ Сенату въ 1760 г., прося уравнять его съ бывшимъ подчиненнымъ, обогнавшимъ его чиномъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Прав. Сен. по Канц. Стр., кн. 5473, л. 17).

Въ 1743 году Евлашевъ былъ назначенъ архитекторомъ Московской Гофъ Интендантской конторы и завѣдывалъ сначала перестройкой Лефортовскаго дворца, а съ 1745 года всѣми Московскими и подмосковскими дворцовыми постройками. Въ 1747 г. начальникъ Дворцовой конторы полковникъ Давыдовъ, поручилъ ему строить дворецъ въ подмосковной вотчинѣ гр. А. Г. Разумовскаго, селѣ Перовѣ;¹ съ этого времени Евлашеву пришлось заниматься главнымъ образомъ постройкой разныхъ дворцовъ и дворцовыхъ флигелей, которые то и дѣло приказывала сооружать императрица Елисавета, любившая Москву и ея окрестности. Проекты новыхъ построекъ или перестроекъ и подѣлокъ для всѣхъ этихъ дворцовъ — Перовскаго, Головинскаго, Покровскаго, Алексѣевскаго, да дворцовъ въ селахъ Софьинѣ, Люберцахъ, Братовщинѣ, Танненскомъ, Преображенскомъ, въ Измайловѣ, Коломенскомъ, Воробьевѣ и большого Кремлевскаго (1753 г.), а также для Новоіерусалимскаго монастыря составлялъ Растрелли, Евлашевъ же былъ только строителемъ ихъ. Само собою разумѣется, что довольствоваться ролью исполнителя чужихъ проектовъ Евлашевъ не могъ и охотно брался за другія постройки, которыя доставлялъ ему случай. Такой случай представился въ Донскомъ монастырѣ въ 1750 году, когда монахи рѣшили достроить колокольню, начатую еще въ 1730 г. прѣхавшимъ изъ Петербурга архитекторомъ Шеделемъ².

Заложивъ новые фундаменты на мѣстѣ старой колокольни, Шедель успѣлъ выстроить къ осени только ворота, выведя ихъ на двѣ сажени отъ земли. Съ его отъѣздомъ въ Кіевъ постройка остановилась, простоявъ въ такомъ видѣ до 1749 года, когда начали подумывать о продолженіи прерванныхъ работъ. Обратились къ князю Д. В. Ухтомскому, составившему проектъ, но съ нимъ почему то не поладили и пригласили Евлашева, который и приступилъ къ постройкѣ по своему проекту³. Колокольня Донскаго монастыря *стр. 75* обнаруживаетъ руку опытнаго мастера, знакомаго съ конструктивными и декоративными приѣмами своего времени. Отдѣльные архитектурные обломы — разорванные фронтоны, архивольты, базы — нарисованы очень грамотно, а одна декоративная деталь свидѣтельствуетъ даже о той особой архитектурной остротѣ и изобрѣтательности, которыя всегда служатъ признакомъ

¹ Въ 1733 г. онъ осматривалъ въ качествѣ гезеля церковь Благовѣщенія на Житномъ дворѣ (см. выше). Моск. Арх. Мин. Юстиціи, Дѣла Правит. Сен. по Канц. Строеній, кн. 5473, л. 17, 176, 197, 401. Въ 1746 г. онъ работалъ подъ началомъ Давыдова въ Головинскомъ дворцѣ, въ саду котораго строилъ погребъ. (Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 149-150 д. 10). Этотъ Аванасій Романовичъ Давыдовъ, отличавшійся необыкновенной энергіей и рѣшительностью, указомъ 28 февр. 1749 г. былъ назначенъ начальникомъ всѣхъ Московскихъ архитекторовъ, съ которыми не церемонился, ставя ихъ по своему усмотрѣнію то на одну, то на другую постройку, чѣмъ отрывалъ отъ дѣла, вносилъ беспорядокъ и вызывалъ ропотъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., тамъ же). За быструю постройку Перовскаго дворца въ 1748 г. произведенъ въ ген.-маіоры. Когда этого крутого и изрядно безтолковаго управителя убрали изъ Москвы, всѣ архитекторы облегченно вздохнули. Давыдовъ былъ въ 1759 г. переведенъ губернаторомъ въ Оренбургъ, гдѣ также ничѣмъ кромѣ высокомерія и крутого нрава не выдѣлялся. «Русск. Біогр. слов.». (Дабеловъ-Дядьковскій); «Азбучн. указатель» этого словаря; Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Прав. Сен. по Канц. Строеній, кн. 5473, л. 401; Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 7, № 112. ² И. Е. Забѣлинъ. «Описаніе Донскаго монастыря», стр. 72, 175. ³ Тамъ же, стр. 73.

Иванъ Жеребцовъ. Нижняя часть колокольни Новоспасскаго монастыря.

1759—1762 г.

настоящаго дарованія. Такой своеобразный пріемъ Евлашевъ придумалъ для украшенія статуями разорванныхъ фронтоновъ, завершающихъ второй ярусъ колокольни. Въ центрѣ каждаго фронтона онъ помѣстилъ постаментъ, имѣющій видъ гигантскаго замка, схватившаго нѣсколькими ступенями карнизъ и фризь. На этомъ постаментѣ изъ большихъ гладко обтесанныхъ бѣлыхъ камней должна была стоять статуя, для которой фономъ служила бы часть стѣны, выдвинутая ступенями же впередъ, до уровня карниза. Статуи такъ и не были поставлены, какъ не были закончены капители колоннъ и пилястръ, а замѣнившіе скульптуру рельефные тонкіе кресты уничтожаютъ весь смыслъ своеобразной ступенчатой композиціи, лишая сооруженіе значительной доли его мощи и монументальности.

О другихъ постройкахъ Евлашева свѣдѣній нами не найдено, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ человѣкъ много строилъ. Одновременно съ колокольней Донскаго монастыря въ Москвѣ строились церкви архидіакона Евпла на Мясницкой (1750 г.) и Николы Заяицкаго у Устинскаго моста (1749—1759 г.), архитектура которыхъ представляетъ кое въ чемъ нѣкоторое сходство съ этой колокольней. Эти два храма строены, конечно, не Евлашевымъ, но его вліяніе въ нихъ все же несомнѣнно. Никакихъ новыхъ цѣнностей они Москвѣ не дали, и ихъ никонимъ образовъ нельзя отнести къ числу памятниковъ, которыми городъ можетъ гордиться: они послѣдніе свидѣтели упадка, современники эпохи, непосредственно слѣдовавшей за годами архитектурнаго заупустѣнія и огрубѣнія. Исторія Заяицкаго храма въ этомъ отношеніи особенно поучительна, ибо существующая нынѣ церковь построена послѣ того, какъ въ 1743 г. рухнула только что возведенная вповѣ¹. Такъ строили въ Москвѣ въ дни воцаренія Елисаветы Петровны. Въ 1754 году Евлашевъ тяжело заболѣлъ, почти лишившись зрѣнія, отпросился въ продолжительный отпускъ для восстановленія здоровья, но больше уже не оправился и въ сентябрѣ 1760 г. умеръ².

Одновременно съ этими церквами строились еще двѣ — Алексѣя Митрополита въ Малой Алексѣевской (1748—1751 г.) *Стр. 77* и Евпла архидіакона на Мясницкой. (1750 г.) *См. 79*. Первая изъ нихъ, несмотря на декоративную обработку, сдѣланную по всѣмъ правиламъ новаго барочнаго стиля, выдержана въ откровенно ярусной формѣ типа «восьмерикъ на четверикѣ», нисколько не затемненной всѣми модными побрякушками. Елисаветинская по наряду, она имѣетъ тѣло и душу ранне-Петровскаго времени, и по своему изяществу являлась уже предвозвѣстницей надвигавшейся лучшей эпохи. Послѣ безконечнаго застоя приходилось очень медленно подвигаться впередъ, отвоевывая каждую пядь на новомъ пути съ невѣроятнымъ

¹ И. Токмаковъ. «Краткое Историко-Археолог. опис. церкви св. Николая Чудотворца, что Заяицкой на Москворѣцкой набережной въ Москвѣ». М. 1892, стр. 18. ² Дѣла кн. Ухтомскаго, вязака 2, л. 88, л. 2.

Церковь Никиты Мученика въ Старой Басманной.
1751 г.

упорствомъ. Церковь Евпла архидіакона, не смотря на свои съ виду новыя формы, очень убога по архитектурѣ и въ сущности должна быть признана гораздо болѣе отсталой и запоздалой, чѣмъ Алексѣевская.

Евлашевская колокольня открыла цѣлую полосу «колоколеннаго строительства», ибо можно сказать, что въ 1750-хъ годахъ въ Москвѣ почти ничего кромѣ

колоколенъ не строили. Охотиѣ всего комбинировали приемы Петра и Павла въ Басманной съ формами Донской колокольни, воздвигая многоярусныя постройки, убранныя цѣлымъ лѣсомъ колоннъ, раскрѣповками, картушами и иными элементами барочнаго наряда. Большинство ихъ возведено второстепенными мастерами—«гезелями» и «заархитектами»—и среди нихъ попадаются весьма посредственныя, тѣмъ болѣе убогія, чѣмъ пышнѣе и богаче хотѣли ихъ сдѣлать строители. Очень типичны для этого времени колокольни Воскресенія Словущаго въ Монетчикахъ и Іоакима и Анны на Якиманкѣ. О «тягостной» архитектурѣ послѣдней особенно презрительно отзывался В. И. Баженовъ, досадовавшій, что по сосѣдству съ дивнымъ Иваномъ Воиномъ торчитъ столь несуразная каланча¹. Но эти же годы отмѣчены постройкой и двухъ недурныхъ колоколенъ—Параскевы Пятницы (1746—1748 г.) *стр. 71* и Новоспасскаго монастыря. *Стр. 81, 83*. Авторъ первой изъ нихъ неизвѣстенъ, авторомъ второй является «архитектурн гезель» *Иванъ Жеребцовъ* (род. въ 1724 г.), извѣстный намъ только этой единственной постройкой, съ окончаніемъ которой его имя вновь затерялось во мракѣ². Первый ярусъ, служащій основаніемъ всего этого грузнаго сооруженія, слишкомъ легокъ для своего цокольнаго назначенія: хотѣлось бы болѣе мощныхъ и простыхъ массъ, чтобы дать глазамъ конструктивное оправданіе устойчивости и вызвать впечатлѣніе легкости верха. Проектированный Жеребцовымъ пятый ярусъ несомнѣнно утончилъ бы весь столпъ, значительно облегчивъ его ажуромъ, но въ то же время слабый низъ пропорціонально самъ собою еще болѣе укоротился бы, утративъ послѣдніе остатки силы и стойкости. Взятый отдѣльно, цокольный ярусъ выдуманъ не плохо, такъ же, какъ не дурно сочинены и другіе ярусы, но взаимоотношенія ихъ высотъ недостаточно выисканы или пострадали во время безтолковой достройки верха.

Въ заключеніе обзора эпохи «строительной разрухи» и послѣдовавшаго велѣдъ за нею времени «собиранія силъ» надо указать на одинъ храмъ, выстроенный въ

¹ Госуд. Арх., разрядъ XIV, № 51, л. 390. ² Въ 1767 г. Жеребцову показано 43 года. Онъ происходилъ изъ «живописныхъ дѣтей», т. е. былъ сыномъ живописца, въ службѣ значился съ 1736 года,—т. е. въ этомъ году онъ поступилъ въ архитектурную школу или въ ученіе къ кому нибудь изъ архитекторовъ,—24 февр. 1760 г. возведенъ въ капитанскій рангъ, а 10 мая 1763 г.—въ секундъ-маіорскій. (Общ. Арх. Мин. Имп. Двора, Дѣла Гофъ-Интенд. Конт., оп. 73/187, кн. 105, л. 14—15). Въ Канцелярію строеній поступилъ на службу въ 1761 г. (Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Прав. Сен., кн. 5473, л. 17). Въ 1738 г. онъ былъ уже гезелемъ и подписалъ одинъ изъ плановъ Преображенскаго дворца, хранящійся въ Моск. Отд. Общ. Арх. Мин. Имп. Двора. (Оп. 150 Е/52—51). Въ 1759 году, когда Жеребцовъ приступилъ къ постройкѣ колокольни, онъ былъ все еще только «гезелемъ», а въ маѣ 1762 года онъ уже архитекторъ. Это званіе онъ подписалъ на своемъ проектѣ воротъ при Головинскомъ дворцѣ. (Тамъ же, л. 28). Колокольня Новоспасскаго монастыря начата постройкой въ 1759 г., но въ 1762 г. работы прекратились за недостаткомъ средствъ. Къ этому времени были отстроены вчернѣ два яруса надъ «нижнимъ апартаномъ, сдѣланнымъ вровень съ монастырскою стѣною» еще въ первый же годъ. Въ 1779 г. архим. Іоасафъ просилъ Коллегію Экономіи ассигновать средства на окончаніе колокольни, при чемъ было рѣшено не строить пятаго яруса, какъ было на проектѣ, а закончить четвертымъ. Постройка закончена въ 1785 г. (Арх. Моск. Духов. Консист. 1738 г., № 306; 1779 г., № 57; Дѣла по прокурорскому столу 1784 г., № 26). Свѣдѣнія о постройкѣ колокольни разысканы для насъ прот. Н. А. Скворцовымъ.

Церковь Никиты Мученика въ Старой Басманной.

1751 г.

эти послѣдніе годы и по своимъ достоинствамъ имѣющій право на исключительное вниманіе среди своихъ сверстниковъ. Это—церковь Никиты Мученика въ Старой Басманной. Стр. 85, 87. Построенная въ 1751 г., она, по нѣкоторой грубости формъ и деталей, относится еще какъ будто къ эпохѣ развала—пусть къ самому концу ея, къ годамъ, освѣщеннымъ уже отблескомъ новой зари, но все же къ годамъ упадка, а въ то же время по основному замыслу она уже стоитъ на порогѣ лучшихъ дней. Всѣ другія современныя ей церкви Москвы либо воскрешали старыя Петровскія формы, слегка лишь освѣженныя новыми декоративными приемами, либо, наоборотъ, принимали открыто новую форму, но въ такой блѣдной и робкой редакціи, съ такими наивными подходами и обработкой, что самая попытка новизны шла на смарку. Примѣромъ первыхъ можетъ служить церковь Алексѣя Митрополита стр. 77, примѣромъ вторыхъ—Евпла архидиакона. Стр. 79. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, при видимой наличности нѣкотораго движенія впередъ, обозначался въ сущности шагъ на мѣстѣ. Церковь Никиты Мученика не носитъ слѣдовъ этого пагубнаго компромисса: какъ планъ, такъ и весь ея конструктивный и художественный замыселъ принадлежатъ уже эпохѣ зрѣлаго Елисаветинскаго барокко. Только нѣкоторая дряблость въ рисунокѣ, недостаточная ясность формъ и боязнь смѣлаго выноса архитектурныхъ члененій напоминаютъ о блѣдныхъ и вялыхъ дняхъ ея постройки. Кто ея авторъ, Евлашевъ ли, или Иванъ Бланкъ, сынъ котораго, быть можетъ, по наслѣдству отъ отца, строилъ позже въ такомъ же родѣ,—мы не знаемъ, но онъ во всякомъ случаѣ стоялъ на самой грани перелома, одной ногой въ эпохѣ архитектурнаго оскудѣнія, другой—въ эпохѣ надвигавшагося возрожденія. Собранный съ силами, запасшись вновь опытомъ и вернувъ забытыя знанія, Москва вступила въ новую, свѣтлую и радостную архитектурную полосу ¹.

¹ Въ срединѣ 18-го вѣка въ Москвѣ были построены еще церкви Ивана Воина на Бождомкѣ (1744 г.), Введенія на Лубянкѣ (1747—1750 г.), Спаса Преображенія въ Преображенской (1746—1766 г.), Спаса Преображенія въ Пушкинахъ (1753 г.), Иоанна Предтечи подъ Боромъ (1754 г.), и рядъ другихъ. Огромное большинство ихъ представляютъ упрощенный ярусный типъ, обработанный слегка по-новому, но между ними попадаются изрѣдка и такія своеобразныя по декоративному убранству купола, какъ Спасъ что въ Спасской.

V.

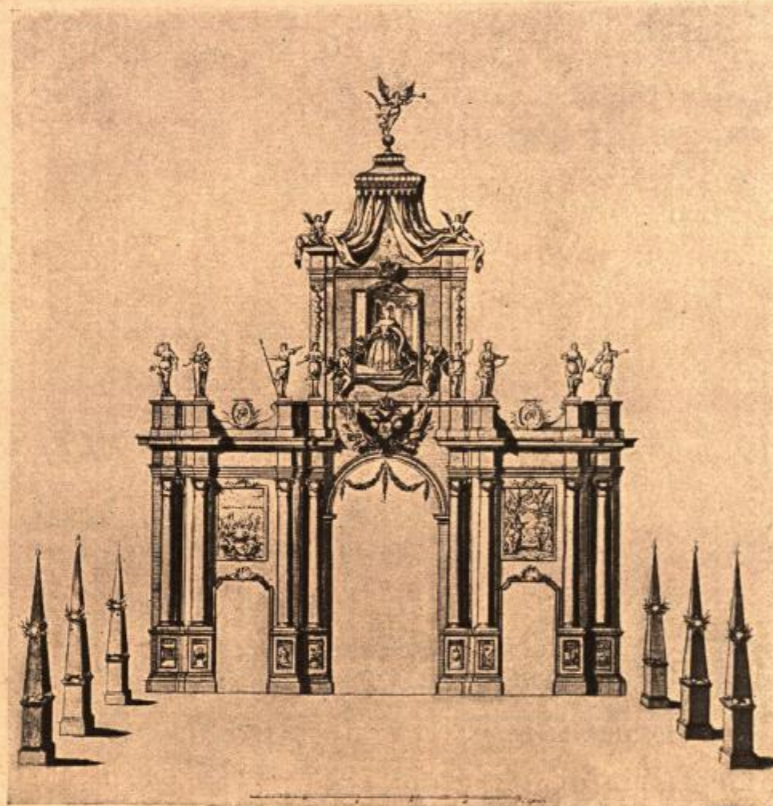
КН. ДМИТРИИ ВАСИЛЬЕВИЧЪ УХТОМСКИИ

(род. въ 1719 г., ум. въ 1780-хъ годахъ).

Бросивъ древнюю русскую столицу на произволъ судьбы и занявшись устройствомъ новой, Петръ Великій сосредоточилъ всю строительную часть въ одномъ учрежденіи—въ Канцеляріи отъ строеній, или, какъ она иногда называлась,—въ Городовой Канцеляріи. На первыхъ порахъ такая централизація выгодно отражалась на дѣлѣ, давая энергичныя и быстрыя рѣшенія, но, по мѣрѣ роста города и появленія цѣлаго ряда новыхъ административныхъ учреждений, «Санктинтербургской Городовой Канцеляріи», превратившейся на самомъ дѣлѣ во всероссійское строительное министерство, стало не подъ силу справляться со всѣми возникшими вопросами. Дѣла стояли, работы подвигались черепашьими шагами и прежняя, петровская быстрота смѣнилась нескончаемой волокитой. Молодой Растрелли, не привыкшій еще къ этой безнадежной канцелярщинѣ, въ первые годы своей службы при Дворѣ безпрестанно жаловался Миниху на Канцелярію, которая систематически задерживала всѣ работы, отдѣлываясь вѣчными «сейчасъ» и «завтра» ¹. Казалось, въ самой организаціи ея заключались какіе то недостатки, которые надо было вырвать съ корнемъ. Минихъ полагалъ, что достаточно разгрузить это учрежденіе, освободивъ отъ непосильной работы, чтобы сразу поднять его производительность. Въ 1732 г. былъ изданъ указъ о распредѣленіи различныхъ дѣлъ Канцеляріи по всевозможнымъ вѣдомствамъ. Дѣла, имѣвшія отношеніе къ военнымъ нуждамъ—строеніе крѣпостей Петропавловской, Шлиссельбургской и другихъ—были выдѣлены въ «Канцелярію Главной Артиллеріи и Фортификаціи»; дѣла, касавшіяся морского вѣдомства, направлены въ Адмиралтейскую Коллегію; дѣла по постройкамъ дворцовъ переданы въ «Дворцовую Канцелярію», переименованную въ «Гофъ Интен-

¹ Госуд. Арх., разр. XVII, № 297, л. 1 об.

Деревянные
Красные
ворота
1742 года.

Гравюра изъ
официаль-
наго
описанія
коронаціон-
ныхъ
торжествъ,
изданнаго
въ 1744 г.

Кн. Д. В. Ухтомскій. Красные ворота. 1733—1735 г.

дантскую контору»; «все остальное, которое ко дворцамъ и артиллеріи не относится, а также церкви» оставлены въ Канцеляріи отъ Строеній¹. Однако, вскорѣ изъ вѣдѣній этой послѣдней была изъята еще одна значительная группа строительныхъ дѣлъ, переданная во вновь учрежденную при полиціи «Архитектурную экспедицію»². Наконецъ, несмотря на опредѣленное указаніе закона объ оставленіи въ Канцеляріи отъ Строеній всего церковнаго строительства, Синодъ сохранилъ за собою контроль и фактическое руководство во всѣхъ церковныхъ сооруженіяхъ, которыя вѣдала Коллегія Экономіи и ея главный архитекторъ.

¹ Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Правит. Сеп. по Канц. Строеній, кн. 1427, л. 115. Когда Миниху надо было узнать, кто управлялъ въ прежнее время Канцеляріей отъ Строеній, послѣдняя дала слѣдующую справку: съ 1703 г. (что невѣрно, ибо она учреждена только въ 1709 г.) по 1715 г. Канцелярія находилась подъ вѣдѣніемъ ген.-майора Сенявина, съ 1715 по 1720 годъ, по апрѣль, ею вѣдалъ кн. А. М. Черкасскій, съ апрѣля 1720 г. до 12 марта 1732 г. опять тотъ же Сенявинъ, а съ 1732 г. Гофъ Интендантъ Камердонъ. (Тамъ же, л. 37).
² Указъ 16 авг. 1737 г. объ учрежденіи при Главной Полиціи трехъ экспедицій — Полицейской, Архитектурной и Купеческой. (Тамъ же, кн. 5473, л. 5). Сохранились подробные списки всѣхъ архитекторовъ, архитектуріи гезелей и учениковъ, а также живописцевъ, ихъ подмастерій и учениковъ, распределенныхъ по различнымъ вѣдомствамъ. Въ Канцелярію Главной Артиллеріи и Фортификаціи былъ назначенъ Доменико Трезини съ гезелемъ Григоріемъ Несмѣяновымъ, тремя инженеръ-поручиками и тремя архитектурными учениками, впоследствии пчѣльи не выдѣлывшимися. Придворнымъ архитекторомъ остался Растрелли съ гезелями Ѳедотомъ Шанинымъ и Ѳедоромъ Псаковымъ — неудачнымъ итальянскимъ пенсионеромъ Петра Великаго; въ помощь Растрелли въ Москвѣ назначенъ Мордвиновъ. Въ Адмиралтейскую Коллегію опредѣленъ, кромѣ числившагося уже тамъ Коробова, Еропкинъ. Въ канцеляріи отъ Строеній осталась Земцовъ съ гезелями Иваномъ Бланкомъ и Иваномъ Давыдовымъ, да каменнымъ мастеромъ, голландскимъ пенсионеромъ Башмаковымъ. (Тамъ же, кн. 1427, л. 128—151).

Реформа Миниха привела къ совершенно неожиданному результату: началась безконечная переписка всѣхъ этихъ вѣдомствъ между собою, открылись жестокия тренія и ссоры, а работы окончательно остановились. Пришлось образовать особую комиссію, которой было указано «овсѣхъ архитекторахъ разсмотрѣть исомнѣннѣмъ представить кому укакихъ дель быть поткуда имъ икакое жалованіе получать надлежитъ дабы между ними дела порядочно разделены были икаждый свое дело зналъ и случннѣмъ искусствомъ исправлять могъ актому сколько поусмотренію нуждъ какъ насанктъ петербурхское место такъ идля Москвы вприбавку архитекторовъ потребно то старатся достойныхъ заумеренное жалованіе выписать издругихъ государствъ»¹. Послѣ долгихъ обсужденій и споровъ, тянувшихся полтора года, комиссія выработала нѣчто въ родѣ «архитектурнаго регламента», состоявшаго изъ нѣсколькихъ главъ. Было рѣшено вновь объединить строительство, собравъ архитекторовъ различныхъ вѣдомствъ въ одинъ «архитектурный корпусъ при Канцеляріи отъ Строеній церквей коллегей гостиныхъ дворовъ идругихъ всякихъ строеней», и обявавъ вѣдомства направлять сюда для окончательнаго разсмотрѣнія и утвержденія всѣ проекты предполагаемыхъ построекъ². Этотъ «корпусъ» или «архитектурная экспедиція» должна была состоять «подъ главной дирекціей генералъ полицѣ мейстера и подъ смотреніемъ оберъ директора». При экспедиціи предполагалось учредить архитектурную академію съ директоромъ и инспекторомъ во главѣ³.

Всѣ эти постановленія остались лишь въ области благихъ пожеланій, и когда въ 1761 г. И. И. Шувалову, основавшему уже Академію Художествъ, понадобилась справка о предполагавшейся при Канцеляріи отъ Строеній Архитектурной Академіи, ему могли указать только на этотъ давнишній регламентъ, хранившійся подъ спудомъ⁴. Такъ плачевно закончились всѣ попытки упорядочить административный аппаратъ русскаго строительства. Фактическое руководство строительнымъ дѣломъ находилось въ рукахъ крупныхъ зодчихъ, и мы знаемъ, что въ Елисаветинскую эпоху рѣшающее значеніе принадлежало графу Растрелли-сыну, дававшему тонъ всей современной ему архитектурѣ. Та роль, которую въ Петербургѣ игралъ Растрелли, въ Москвѣ выпала на долю Ухтомскаго.

Кириль Дмитрій Васильевичъ Ухтомскій (род. въ 1719 г., ум. въ 1780-хъ годахъ)⁵ получилъ первоначальное образованіе въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, откуда въ 1733 году былъ отданъ Сенатской Конторой Мичурину для обученія архитектурѣ⁶. Съ прїѣздомъ въ Москву Коробова, онъ перешелъ къ этому

¹ Указы 13 мая 1740 г. и 7 апрѣля 1741 г. (Тамъ же, кн. 5473, л. 5 об.). ² Тамъ же, л. 6. Особенное вниманіе удѣлено въ регламентѣ вопросу объ обмундированіи архитекторовъ, ихъ чинахъ, званійхъ, жалованьѣ и т. п. Архитекторъ былъ уравненъ съ инженеромъ, т. е. получалъ «на одинъ чинъ больше армейскихъ». (Тамъ же, л. 7—8). ³ Тамъ же, л. 8. ⁴ Тамъ же, л. 10. ⁵ «Азбучный указатель для Русск. Біогр. Словаря». ⁶ Моск. Арх. Мин. Юст., Журналы и протоколы Московской Сенатской Конторы, кн. 7517, № 71.

Ки. Д. В. Ухтомскій. Красныя ворота. Боковой фасадъ.
1753—1755 г.

зодчему, состоя при немъ сперва ученикомъ, потомъ помощникомъ и дѣйтельнымъ сотрудникомъ ¹. Въ 1742 году, «по экзаменаціи и достоинству архитекторовъ Коробова, Земцова, Мичурина, Бланка и Шумахера», Ухтомскій опредѣленъ «гезелемъ», а въ 1743 г. получилъ «рангъ сухопутнаго поручика и заархитектора» ². Въ послѣдніе годы жизни Коробова онъ былъ уже «архитекторомъ при Полиціи» или «архитекторомъ Полцеймейстерской Канцеляріи» и принималъ горячее участіе въ цѣломъ рядѣ Московскихъ сооружений, находясь безотлучно «присправленіи пріделахъ о Московской губерніи ипротчихъ Казенныхъ строеней привышеозначенномъ архитекторѣ Коробовѣ» ³. Послѣ смерти Коробова всѣ обязанности послѣдняго фактически перешли къ Ухтомскому, хотя номинально нѣкоторое время главнымъ архитекторомъ числился Василій Обуховъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ къ Ухтомскому перешло и то положеніе «перваго архитектора въ Москвѣ», которое занималъ Коробовъ: отнынѣ онъ играетъ здѣсь дѣйствительно первую роль, соответствующую той, которую въ Петербургѣ игралъ Растрелли ⁴.

Первой значительной постройкой Ухтомскаго были Красныя ворота. *Стр. 91.* Въ 1743 году, по случаю коронаванія императрицы Елисаветы Петровны, въ Москвѣ было выстроено четверо триумфальныхъ воротъ: Синодальныя—у Казанскаго собора, Тверскія—на Страстной площади, Яузскія—близъ Анненгофскаго зимняго дома и Красныя—въ концѣ Мясницкой. Всѣ ворота были сооружены изъ дерева по проектамъ Петербургскихъ зодчихъ, нарочно командированныхъ для коронаціонныхъ строеній въ Москву. Въ 1748 г. Красныя ворота сгорѣли и только черезъ четыре года, 20 дек. 1752 года, былъ изданъ указъ о постройкѣ новыхъ, каменныхъ. Сооруженіе ихъ Московская Сенатская контора поручила Ухтомскому, который, приступивъ къ работамъ съ лѣта 1753 года, закончилъ постройку въ 1755 году.

Ухтомскому было приказано выстроить ворота совершенно такой же архитектуры, какъ сгорѣвшія, и на томъ же мѣстѣ. По поводу послѣдняго условія онъ представилъ Сенату свои соображенія о желательности нѣсколько передвинуть новую постройку на находившееся по близости болѣе возвышенное мѣсто, на что послѣдовало согласіе. Что касается самой архитектуры, то Ухтомскій съ небольшими измѣненіями повторилъ въ камнѣ сгорѣвшія деревянныя ворота. Къ его услугамъ было самое подробное описаніе ихъ и гравюра, изданная въ официальномъ коронаціонномъ альбомѣ, вышедшемъ въ 1744 году ⁵. Изъ этого альбома, а также изъ сохранив-

¹ Тамъ же, Дѣла Герольдмейстерскія, кн. 275, стр. 65. ² Тамъ же, стр. 69. ³ Тамъ же, Дѣла архитектора кн. Ухтомскаго, вѣзка 12. ⁴ Въ 1749 г. онъ хлопочетъ поэтому о болѣе высокомъ чинѣ и получаетъ «рангъ Мазорскій» и званіе заархитектора, а въ 1754 г. производится въ архитекторы и пазначается подполковникомъ. (Тамъ же, вѣзка 12/20, л. 27; Дѣла Сената по Канц. Строеній, кн. 5473, л. 27 об.) ⁵ «Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священнѣйшаго коронаванія Ея Августѣйшаго Императорскаго Величества всепресвѣтѣйшія державнѣйшія Великія Государыни

шихся донесеній Ухтомскаго въ Сенатъ мы узнаемъ, что нынѣшнія ворота только своимъ каменнымъ архитектурнымъ остовомъ напоминаютъ прежнія, весь же ихъ декоративный нарядъ совершенно иной. Не говоря уже объ уничтоженныхъ позже шести обелискахъ, столь типичныхъ для 18-го вѣка, ворота 1742 года были обильно покрыты картинами и разными аллегорическими эмблемами. *Стр. 90.* Расписанныя сплошь подъ мраморъ, они были украшены вверху большимъ писанымъ портретомъ императрицы Елисаветы Петровны — «персоной ея Императорскаго величества стоящей на тронѣ і притомъ табуретъ скороною іскипетромъ» ¹.

По сторонамъ главнаго проѣзда, надъ боковыми проходами были изображены двѣ аллегорическія картины, а на пьедесталахъ подъ колоннами различныя эмблемы ². Если прибавить

Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы всероссійской, еже бысть вшествіе 28 февраля, коронаваніе 23 апрѣля 1742 года». Спб. 1744. ¹ Въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи сохранилось все дѣлопроизводство по постройкѣ Ухтомскимъ каменныхъ Красныхъ воротъ, откуда нами и почерпнуты приводимыя здѣсь свѣдѣнія. (Дѣла Правит. Сената по Канц. Строеній, кн. 3009, листы 341—415). Частью эти документы были уже использованы И. М. Снегиревымъ и А. Мартыновымъ въ ихъ статьѣ «Красныя ворота въ Москвѣ», въ изданіи Мартынова «Русскія достопамятности», т. III, М. 1880. ² На главномъ фасадѣ, надъ лѣвымъ проходомъ находилась картина, на которой были изображены «четыре части свѣта: Европа Азія Африка Америка, сидяція приземномъ глобусѣ ізнихъ же особливо весело себя оказываетъ Европа имбющая на персяхъ вензелевое ея императорскаго величества имя. Надписаніе: Мнѣ вѣще ваетъ Европа имбющая на персяхъ вензелевое ея императорскаго величества: Московское Казанское Астраханское Сибирское съ своимъ гербами приносяція кимени ея императорскаго величества держимому ангеломъ чертежское Сибирское съ своимъ гербами приносяція кимени ея императорскаго величества надписаніе: Се достояніе твое». іли карту географическую накоторой изображены земли Россійскаго государства надписаніе: Се достояніе твое». На второмъ фасадѣ были также три картины, при чемъ вверху былъ изображенъ «Промыслъ Божій во образѣ двѣхъ благодѣпной показующей перстомъ на престолѣ Императорской среталіями надписаніе: природнымъ»: Была

И. Я. Шумахеръ
и кн. Д. В. Ухтомскій.
Соборная колокольня въ Твери. 1748—1763 г.

ко всей нестрой росписи еще массу густой позолоты, покрывавшей скульптуру, то мы легко можем себѣ представить общій характеръ этой типично-елисаветинской нарядности.

Насколько можно судить по оставшимся документамъ, ворота Ухтомскаго въ общемъ мало отличались отъ этихъ старыхъ воротъ. Даже въ своемъ теперешнемъ видѣ, послѣ неоднократныхъ передѣлокъ, они очень напоминаютъ ворота 1742 года. Впрочемъ, Ухтомскій доносилъ Сенату, что они «фасадою приличіе старыхъ», что относилось, по всей вѣроятности, къ нѣкоторымъ деталямъ или къ болѣе высканнмъ пропорціямъ колоннъ, карнизовъ, капителей и разныхъ обломовъ. При Ухтомскомъ ворота не были выкрашены въ красную краску, а были, какъ и деревянные, расписаны «подъ мраморъ»¹. Нынѣшняго орла «въ лучахъ славы» тогда не было, какъ не было и лѣпныхъ украшеній съ вензелями по бокамъ главнаго проѣзда: въ 1755 году, когда каменные и штукатурныя работы были уже закончены, Ухтомскій подрядилъ мастера Петра Русилова «выкрасить тѣ ворота мраморомъ», а на показанныхъ мѣстахъ «написать картины памблемы живописною работою красками измасла»². Въ одну изъ слѣдующихъ коронацій эта нестрой роспись и картины были признаны «неприличными» и уничтожены, а затѣмъ къ каждой новой коронаціи Красныя ворота подвергались какой нибудь ампутаціи: то кому-то не нравятся статуи, украшавшія верхъ воротъ и ихъ замѣняютъ вазами, то, неожиданно смилостивившись, рѣшаютъ на мѣсто послѣднихъ снова водрузить скульптуру, то почему то въ медальонахъ Елисаветинской постройки являются вензеля императора Николая Павловича, а то вдругъ кто то разсудительно замѣняетъ ихъ болѣе идущими сюда вензелями императрицы Елисаветы Петровны, хотя въ царствованіе этой государыни на воротахъ не было ни такихъ вензелей, ни самыхъ медальоновъ. Но и въ этомъ испорченномъ видѣ Красныя ворота являются однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ Москвы, ибо здѣсь ярче чѣмъ гдѣ либо выраженъ весь пышный духъ Елисаветинскаго царствованія. Особенно прекрасны ворота зимою, когда они занесены снѣгомъ, четко выдѣляющимъ архитектурныя члененія и подчеркивающимъ всю живописную роскошь декораціи.

тамъ и «Гора Парнасская и на пей Апполонъ смузами играющей подписаніе: Днесъ немолчимъ». Въ своѣхъ и по стѣнамъ въ воротахъ были такія же картины, напримѣръ, «Кавалерія святаго Апостола Андрея съ одеждою на табуретѣ лежащая авверхъ во облакахъ Святой Андрей показующей на оную подписаніе: Достойному долепной на стожъ вѣтвяхъ птицы съ подписаніемъ: Веселимся»; или «Орелъ прогоняющій совъ и петопырей отъ подписаніемъ: Токмо отъ солища». Всѣхъ такихъ эмблемъ было 40. (Дѣла Сен. по Канц. Стр., кн. 3009, л. 343).¹ На этомъ мѣстѣ уже во времена царя Алексѣя Михайловича стояли ворота, носившія названіе Красныхъ, по всей вѣроятности, потому, что находились по дорогѣ къ Красному пруду и Красному Селу.² Тамъ же, л. 404—424; тамъ же, Дѣла архитектора Ухтомскаго, визка 3, л. 42. Въ 1756 году роспись была окончена и въ 1757 г. происходили только позолотныя работы. Въ 1758 г. ворота были переданы въ вѣдомство Московской губернской Канцеляріи. (Тамъ же, л. 415).

Среди окружающей безвкусицы и убожества сооруженіе это стоитъ какъ нѣкое чудесное видѣніе, будящее сладостныя воспоминанія о невозвратномъ прошломъ и навѣвающее томительную грусть по утраченной красотѣ. Совершенно не тронуты боковые фасады Красныхъ воротъ, на которыхъ Ухтомскій примѣнилъ излюбленную Московскую форму полукруглаго фронтонаго завершения. Стр. 93.

Такими же почти самостоятельными работами Ухтомскаго были и тѣ двѣ колокольни, которыя онъ выстроилъ по чужимъ проектамъ. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что «строить по чужому проекту» означало въ 18-мъ вѣкѣ не совсѣмъ то, что мы понимаемъ подъ этимъ выраженіемъ въ наши дни: въ тѣ времена не слишкомъ церемонились съ чужими проектами, и бывали случаи, когда авторъ не узнавалъ своего произведенія, выстроеннаго другимъ зодчимъ. Не стѣснялся и Ухтомскій, перекраивая на свой вкусъ и ладъ тѣ фасады, которые ему присылали изъ Петербурга. Въ 1747 г. императрица Елисавета утвердила проектъ новой соборной колокольни для города Твери, сдѣланный архитекторомъ Академіи Наукъ И. Я. Шумахеромъ¹. Проектъ Шумахера былъ посланъ Ухтомскому, который и велъ затѣмъ всю постройку по собственному усмотрѣнію. Тверская колокольня была заложена въ 1748 году и окончательно отдѣлана только въ 1763 году². Стр. 95. Чертежей Шумахера не сохранилось и мы не знаемъ, что въ этой архитектурѣ принадлежитъ ему и какія измѣненія внесены Ухтомскимъ, но что они были внесены, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Несмотря на нѣсколько испорченный впоследствии верхъ, отнявшій у постройки ея ранне-барочный видъ, она сохранилась въ общемъ хорошо и можетъ служить типичнымъ образцомъ удачной Елисаветинской колокольни.

Одновременно Ухтомскій строилъ и знаменитую колокольню Троице-Сергіевой лавры, проектъ которой также принадлежалъ не ему, а графу Растрелли. Стр. 99. Заложена еще въ 1741 году, по волѣ императрицы Анны Иоанновны, колокольня строилась сначала подъ надзоромъ Мичуринна, но работы подвигались крайне медленно и ограничились едва ли не одними фундаментами. Въ 1747 г. Мичуринъ былъ командированъ въ Кіевъ для постройки Андреевскаго собора и сооруженіе Троице-Сергіевской колокольни было поручено Ухтомскому, который и является фактическимъ ея строителемъ³. Онъ строилъ колокольню цѣлыхъ 20 лѣтъ, но осо-

¹ «Описаніе документовъ и дѣлъ Свят. Правит. Синода», т. XXXIX, Спб. 1910, стр. 534; Чередѣевъ. «Біографія Тверскихъ іерарховъ». Тверь, 1859; Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Правит. Сен. по Канц. Стрелль, кн. 5473, л. 28, 201 об. ² Въ 1762 г. колокольня была уже близка къ окончанію, доставало лишь шпица, который былъ водруженъ въ 1763 г. («Опис. док. и дѣлъ Св. Прав. Синода», тамъ же). Впоследствии шпицъ былъ замѣненъ главою, мало гармонирующей со всей архитектурой колокольни. Постройкой колокольни на мѣстѣ руководилъ ученикъ Ухтомскаго, гезель, а съ 1759 заархитекторъ Петръ Плесковъ. Свѣдѣнія о немъ см. въ слѣдующей главѣ.
³ А. В. Горскій. «Историч. опис. Свято-Троицкія Сергіевы лавры». М. 1890, ч. I, стр. 14, 29. Въ запискѣ, хранящейся въ старомъ архивѣ лавры, есть свѣдѣніе, что постройка колокольни была приостановлена уже черезъ годъ послѣ ея закладки по волѣ императрицы Елисаветы Петровны, «чтобы она на фундаментѣ остояться могла».

бенно интенсивно велась работа въ концѣ 1750-хъ и въ началѣ 1760-хъ годовъ. Въ 1758 г. были отстроены два нижнихъ яруса и въ 1759 г. повѣшенъ большой колоколъ¹, а въ 1766 г. Ухтомскій приступилъ къ окончательной отдѣлкѣ и украшенію колокольни.

Любопытно отмѣтить, что въ дни Екатерининскаго классицизма московскій зодчій все еще жилъ художественными идеалами и вкусами Аннинской эпохи и проектировалъ расписать свою колокольню, на подобіе Красныхъ воротъ, портретами русскихъ царей и царицъ. На ряду съ портретами-картинами, писанными прямо на стѣнѣ, онъ предполагалъ поставить на всѣхъ выступахъ и портреты-статуи, но, повидимому, такая затѣя привела въ смущеніе лаврское духовенство и проектъ Ухтомскаго былъ представленъ на утвержденіе Канцеляріи Строеній. Въ засѣданіи этой послѣдней 30 марта 1766 г. было заслушано дѣло «о ученіи оприналежащихъ ко украшенію устроющейся всергиевской Лаврѣ колокольни статуяхъ какъ имъ быть пристойнѣе». Архитекторы Чевакинскій, Вистъ, Кнобель, Фельтенъ и Волковъ «репортами объявили какою фигурою строится колокольня ів какихъ местахъ будутъ показанныя по описанію архитектора кн. Ухтомскаго высочайшіе портреты поставлены і прини хъ статуи того имъ безъ рисунка той колокольни знать неможно даі статуямъ описание надлежитъ отослать для разсмотрѣнія вакадемию наукъ по поэзіи оныя росписаны а помнению ихъ снаружи хъ сторонъ зданія такихъ высочайшихъ ихъ императорскихъ величествъ портретовъ ставить неприличествуетъ окомѣ какъ впристойныхъ местахъ внутри зданія сприличнымъ украшеніемъ, а статуи яко при колокольни ивнутри монастыря разсуждается отмѣнить авмѣсто того употребить для украшения приличными кдеркви арнаментами и вазами»². Это суровое осужденіе старомодной декораціи представителями новыхъ вѣяній, знаменовало полный переворотъ во вкусахъ: эпоха барокко пришла къ концу и уступила мѣсто эпохѣ классицизма. Только въ Москвѣ и провинціи не умирали старые вкусы, и мы увидимъ, какъ еще долго, чуть не до конца Екатерининскаго вѣка, сквозь всѣ новые приемы пробиваются здѣсь стародавнія формы, кажущіяся непонятными пережитками и странными архитектурными анахронизмами.

Какъ ни горько было отказываться Ухтомскому отъ своей декораціи колокольни, ему пришлось покориться духу времени и замѣнить роспись и скульптуру простыми вазами. Правда, въ рисунокѣ послѣднихъ онъ выказалъ много изощренности и изобрѣтательности, придумавъ для каждаго яруса особую форму и усыпавъ всѣ выступы колокольни этими наивными барочными побрякушками, замѣнявшими ему безъ поврежденія, да и для того, дабы большой колоколъ перелитіемъ къ постановкѣ въ ту новую колокольню изготовился, ибо по рисунку колокольни надлежитъ тому большому колоколу быть во второмъ апартаментѣ». (Тамъ же, стр. 15).¹ Тамъ же, стр. 30. ² Моск. Отд. Общ. Арх. Мюн. Имп. Двора, Дѣла Канцеляріи Строеній, кн. 541, л. 145.

Графъ
В. В. Ра-
стрелли
и
кн. Д. В.
Ухтом-
скій.

Колокольня
Троице-
Сергіевой
лавы.
1742—1770 г.

роспись. Въ архитектурѣ Троице-Сергіевой колокольни ясно чувствуется рука Растрелли, но въ то же время въ ней есть нѣчто провинціальное и кустарное. Мощный размахъ и энергичная манера знаменитаго зодчаго затерялись среди всѣхъ этихъ мелочей и филигранной обработки. Общая мысль все же, вѣроятно, сохранилась въ постройкѣ и быть можетъ особенно близко къ первоначальному проекту колокольный этажъ, прекрасный въ своихъ архитектурныхъ члененіяхъ, да пожалуй самый верхъ — чудесная бронзовая картушь-покрышка, схватившая съ четырехъ сторонъ арки верхняго звона. Но вся эта дробная, бисерная, женственная декора-

ція слишкомъ далека отъ суровой, мужественной декоративной манеры Растрелли. Троицкая колокольня не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ знаменитой моделью Смольнаго монастыря, но въ то же время, безконечно уступая по зрѣлости замысла и мастерству обработки этой послѣдней, она, благодаря большей наивности концепціи, какъ то безплотиѣ и сказочиѣ, напѣвнѣ и народнѣ, — подлинная колокольня богатѣйшей и славнѣйшей русской обители. Въ ней есть ребячество, есть игрушечность, свойственная сказкѣ, но есть и неподдѣльный художественный восторгъ. Недаромъ ни одна колокольня на Руси не была столь часто объектомъ игрушечныхъ повтореній, какъ именно Троицкая.

Постройка Красныхъ воротъ окончательно укрѣпила за Ухтомскимъ славу перваго архитектора Москвы, и Сенатская Кантора поручила ему составленіе цѣлаго ряда новыхъ проектовъ. Онъ строитъ Кузнецкій мостъ, давно уже не существующій и оставшійся только въ названіи улицы (1756—1759 г.), строитъ «въ патриаршемъ домѣ ризницу и библіотеку» по своимъ чертежамъ (1753—1755 г.), перестраиваетъ Мастерскую и Оружейную палату (1755—1756 г.), строитъ Типографскій домъ (1757—1760 г.) и, наконецъ, «Каменномосковскій питейный домъ» (1756—1760 г.)¹. Ни одно изъ этихъ сооруженій не сохранилось до нашихъ дней, а существующее на мѣстѣ Питейнаго дома у Каменнаго моста зданіе Винно-Солянаго двора возведено въ концѣ 18-го вѣка, по проекту, присланному изъ главной Петербургской Соляной Канторы.

Среди множества непрерывныхъ дѣлъ и заботъ, надъ Ухтомскимъ неожиданно разразилась бѣда, отъ которой онъ до конца жизни не смогъ оправиться: Сенатскимъ указомъ 16 октября 1760 года «велено оногo князя Ухтомскаго повсемъ порученнымъ ему деламъ вденежной казне сщестъ ідля того все казенные подсмотреніемъ его строеній сенатской канторе поручить ізнаходящихся въево команде архитектору порасмотренію оной канторы»². Московская Сенатская кантора устранила Ухтомскаго отъ должности и 28 ноября того же года назначила на его мѣсто архитектора Петра Никитина³. Ему, своему бывшему помощнику и ученику, Ухтомскій былъ вынужденъ сдать всѣ свои казенныя постройки, за исключеніемъ колокольни Троице-Сергіевой лавры, которая была оставлена по прежнему за нимъ. Перебравъ въ лавру, онъ отнынѣ всецѣло отдался дѣлу достройки колокольни, которую закончилъ къ 1770 году. О его дальнѣйшей судьбѣ намъ не удалось разыскать свѣдѣній.

¹ Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла Архит. кн. Ухтомскаго, вязка 1—12. ² Тамъ же, Дѣла Правит. Сен. по Канц. Строеній, кн. 5473, л. 11. ³ Тамъ же.

VI.

ШКОЛА И «КОМАНДА» КН. УХТОМСКАГО.

Значеніе Ухтомскаго для Московскаго зодчества заключается не въ одной лишь строительной его дѣятельности. Если бы онъ былъ только строителемъ тѣхъ нѣсколькихъ памятниковъ, которые сохранились до нашихъ дней, и которые къ тому же на добрую половину принадлежатъ не ему, въ исторіи Московскаго зодчества ему было бы довольно отвести лишь нѣсколько строкъ, какъ всѣмъ третьестепеннымъ мастерамъ. Но мы знаемъ, что онъ былъ центральной фигурой Москвы въ серединѣ 18-го вѣка, что вліяніе его на все Екатерининское поколѣніе Московскихъ зодчихъ было совершенно исключительнымъ и что это поколѣніе считало его своимъ единственнымъ учителемъ и воспитателемъ. Ухтомскій создалъ первую архитектурную школу въ Москвѣ, въ которой, задолго до основанія Академіи Художествъ, уже учились такіе славные впоследствии зодчіе какъ Кокориновъ, Баженовъ и, быть можетъ, Старовъ, и гдѣ прошелъ весь курсъ знаменитый М. Ѳ. Казаковъ, нигдѣ больше не учившійся. Въ созданіи этой школы лежитъ главнѣйшая заслуга Ухтомскаго передъ Москвой и всей Россіей.

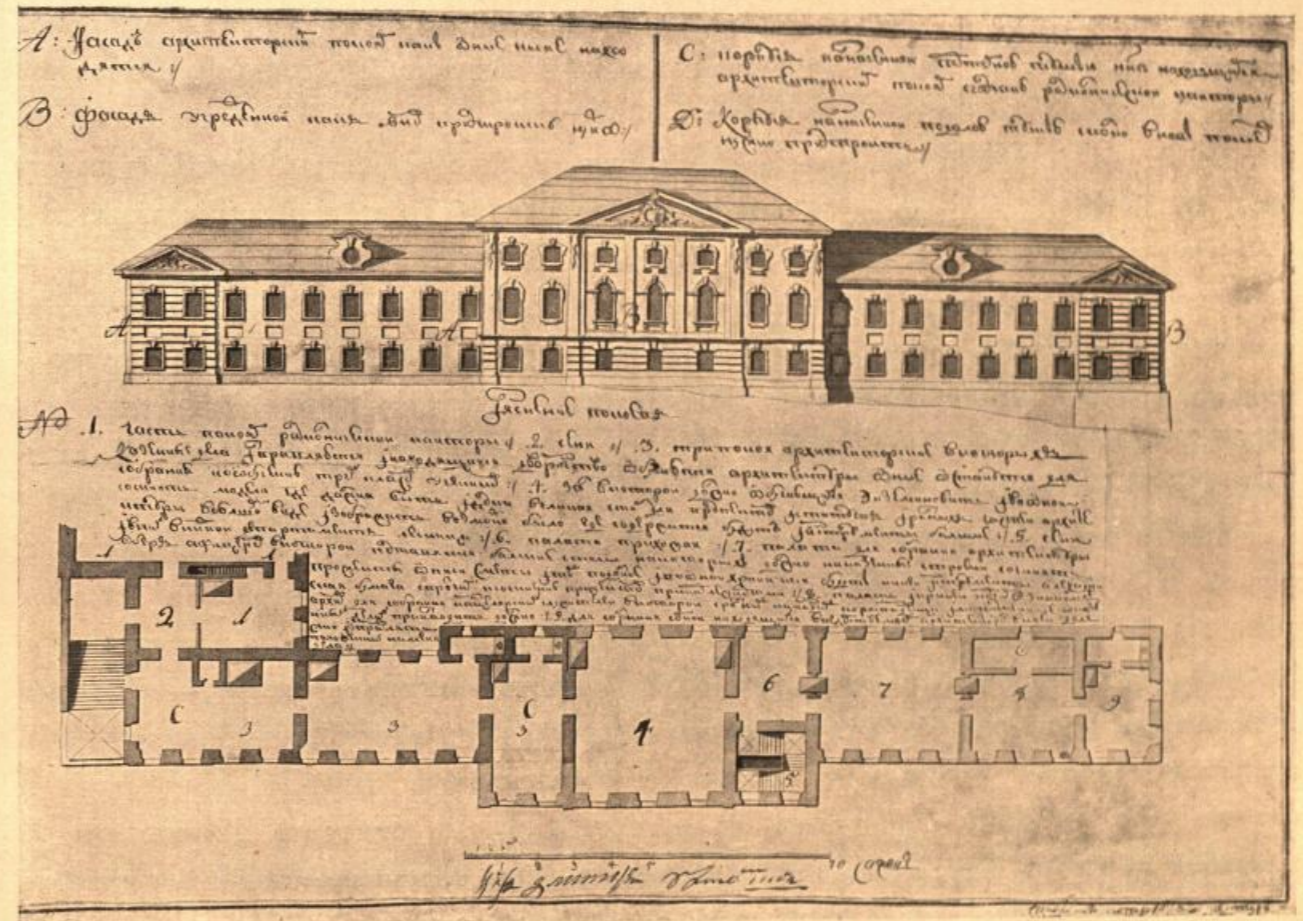
Обычно каждый Московскій архитекторъ имѣлъ одного или нѣсколькихъ учениковъ, которыхъ ему присылала Сенатская кантора. Такіе ученики были у Мордвинова, Мичурина, Коробова, Евлашева, и такихъ же мальчиковъ-подростковъ получилъ въ свое время въ обученіе и Ухтомскій. Уже въ 1741 году, не будучи еще даже гезелемъ, онъ обучалъ начаткамъ архитектуры Ивана Назарова и Семена Свѣшниковъ¹, а въ слѣдующемъ году, уже въ рангѣ гезеля, получилъ въ «ученики архитектуріи» Степана Дудинскаго, Алексѣя Бекариюкова и другихъ². Ученики эти набирались обычно изъ «Московской Академіи», какъ величали въ Москвѣ весьма примитивную артиллерійскую школу, иногда также изъ Славяно-Греко-Латинской академіи. Ухтомскій всячески заботился о своихъ ученикахъ и безпрестанно хлопоталъ объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія³. Особенно

¹ Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла кн. Ухтомскаго, вязка 12, л. 20, л. 13. ² Тамъ же. ³ Тамъ же, л. 13 и об. Уже Коробовъ обращалъ вниманіе Московской канторы на жалкое положеніе учениковъ. Ученическіе штаты въ то время еще не были выработаны и школьники на получаемые ими гроши жили впроголодь. Коробову при-

много учениковъ оказалось у него въ 1747 году, когда, послѣ смерти Коробова, всѣ питомцы послѣдняго перешли къ Ухтомскому. Въ 1749 году онъ просилъ Сенатскую контору подвергнуть лучшихъ изъ его учениковъ экзамену «втеоріи і впрактике», съ тѣмъ, чтобы выдержавшихъ испытаніе возвести въ рангъ гезеля. Экзамены состоялись въ присутствіи заархитектора Василя Обухова, и 13 апрѣля этого года ученики кн. Сергѣи Ухтомскій, Петръ Никитинъ, Александръ Кокориновъ и Карлъ Бланкъ были удостоены званія «архитектуріи гезеля»¹.

Этимъ первымъ выпускомъ гезелей какъ бы закрѣплялось официальное признаніе архитектурной школы Ухтомскаго. Вскорѣ послѣ экзаменовъ онъ просилъ Сенатъ дать ему «военный рангъ» и получилъ чинъ майора², а въ октябрѣ Сенатская контора отводитъ для школы уже особое помѣщеніе,—казенный домъ близъ Охотнаго ряда, въ которомъ «имѣлась главная полиція анынѣ имѣтца раскольническая кантора і сенатская типографія»³. Ухтомскому была ассигнована сумма на приобрѣтеніе необходимыхъ инструментовъ и различныхъ матеріаловъ, а также на покупку столовъ, скамеекъ, шкафовъ и дровъ⁴. Въ 1751 году Ухтомскій жаловался Сенату на недостатокъ архитектурныхъ книгъ въ его школѣ и ходатайствовалъ не «соблаговоленоль будетъ отпустить издеснансъ академіи или откуда повелено будетъ отпустить» нѣсколько важнѣйшихъ изданій, которыя онъ тутъ же перечисляетъ. Вотъ этотъ перечень, цѣнный для характеристики направленія, стремлений и вкусовъ тогдашней архитектурной среды: «Витрувиева оразсужденіи ординовъ і опротчемъ сѣигурами три тома⁵ серліа опрепорци ординовъ сѣигурамижъ три тома⁶ полладиева оразсужденіи ординовъ і опротчемъ сѣигурами три томажъ⁷ бароцневыхъ нароссійскомъ языкѣ вполлиста александрійскихъ шесть книгъ⁸, полусдекера три тома⁹ девелнерова оразсужденіи ординовъ и оукрепленіи ѳундаментовъ сѣигурами два тома¹⁰ падреподіи опрошпективе сѣигурами два тома¹¹ Штормовъ сѣигурами одинъ томъ лексиконъ науки архитектурной¹² садовыхъ сѣигурами

ходило по каждому данному случаю спосить съ Сенатской конторой, которая не всегда брала на себя рѣшеніе о прибавкѣ ученику денегъ и запрашивала въ свою очередь Сенатъ. (Тамъ же, л. 7, 106).¹ Ихъ признали гезелями, несмотря на то, что 8 учениковъ были «службою старше», именно—Василій Петрыгинъ, Иванъ Назаровъ, Алексѣй Бекариюковъ, Владиміръ Исаковъ, Степанъ Дудинскій, Степанъ Слонимскій, Иванъ Молодцовъ и Петръ Извольскій. Ухтомскій и Обуховъ заявили, что эти послѣдніе «производства гезельскаго характера ныне быть еще неспособны». (Тамъ же, л. 24).² Тамъ же, л. 27. ³ Тамъ же, л. 42. Раскольническая кантора и типографія, а также помѣщавшаяся тутъ же дворянская школа были переведены въ другія мѣста. ⁴ Тамъ же. ⁵ По всей вѣроятности одно изъ французскихъ изданій Витрувія. ⁶ Такое же французское изданіе извѣстныхъ книгъ объ архитектурѣ Себастьяно Серліо. ⁷ Andrea Palladio. «I quattro libri dell'architettura», тоже, конечно, во французскомъ перекладѣ. ⁸ Jacopo Barozzio da Vignola. «Regola delle cinque ordini d'architettura». Книга Виньола была переведена и на русскій языкъ. ⁹ Paul Decker. «Architectura theoretico-practica», Leipzig, 1722. ¹⁰ Вѣроятно Daviler. «Traité des cinq ordres de Scamozzi», p. 1690. (Переводъ трактата Скамодци). ¹¹ Andrea Pozzo (или padre Pozzi). «A Putei perspectiva pictorum et architectorum», 2 vol., Roma 1693—1700. ¹² Leonard Christoph Sturm. «Prodromus Architecturae Goldmannianae». Augsburg 1714.

Кн. Д. В. Ухтомскій. Проектъ зданія для Архитектурной школы.—1760 г.
(Моск. Архивъ Министерства Юстиціи).

две книги¹ книга древнихъ греческихъ статуи машинныхъ и механическихъ на-
русскомъ языкѣ сѣигурами две книги»².

Витрувій, Серліо, Палладіо, Виньола, Поцци—все это были настольныя книги
каждаго архитектора 18-го вѣка, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Онѣ
во множествѣ издавались во всѣхъ странахъ, при чемъ каждый народъ слегка
приспособлялъ ихъ къ своимъ обычаямъ и вкусамъ, и, на примѣръ, италянская редак-
ція Витрувія значительно отличается отъ французской его переработки Клода Перро,
какъ эта послѣдняя не совсѣмъ совпадаетъ съ «Витрувіями» нѣмецкими и англій-
скими. Въ Россіи были въ ходу больше французскія изданія и, конечно, ихъ именно
просилъ у Сената Ухтомскій. Послѣ долгихъ поисковъ книги были куплены и

¹ Книгъ по садовой архитектурѣ было издано въ 18-мъ вѣкѣ множество. ² Дѣла кн. Ухтомскаго,
вѣзка 12, л. 20, л. 32.

доставлены въ школу ¹. Въ это время у Ухтомскаго, кромѣ четырехъ вновь произведенныхъ гезелей, было 28 учениковъ разнаго возраста ². Одни изъ нихъ проходили только самыя начатки архитектурной грамоты, — учились чертить и рисовать, да занимались ариѳметикой, другіе уже сочиняли незамысловатыя проекты и отъ поры до времени получали отъ патрона легкія порученія по осмотру различныхъ ветхостей, наконецъ третьи, одолѣвъ «теорію», подвизались «на практикѣ», занимаясь всевозможными подѣлками, мелкими перестройками и т. п. Самымъ опытнымъ довѣрялись небольшія самостоятельныя работы, а гезели вели крупныя и отвѣтственныя постройки, иногда вдали отъ Москвы, куда Ухтомскій и не заглядывалъ. Въ такомъ видѣ рисуется по сохранившимся документамъ жизнь этой первой Московской Архитектурной школы.

Гезели постепенно возводились въ ранги «заархитекторовъ», а позже архитекторовъ, и получали чины капитановъ, а затѣмъ и секундъ майоровъ, а ученики повышались въ гезели и становились изъ прапорщиковъ поручиками и капитанами. Понемногу у Ухтомскаго образовалась цѣлая «команда» всякихъ чиновъ, — обширное архитектурное учрежденіе, которое несло множество сложныхъ обязанностей. Всѣ правительственныя учрежденія Москвы, многочисленныя коллегіи, канцеляріи и конторы безпрестанно обращались въ «Архитекторскую контору» Ухтомскаго съ просьбой прислать гезеля для осмотра строительныхъ неисправностей или составить смѣту на перестройку, пристройку, а то и новую постройку. Эта импровизованная, самую жизнью подсказанная строительная контора не имѣла никакого опредѣленнаго устройства и штатовъ, что мѣшало ея правильному функционированію и заставило Ухтомскаго войти въ Сенатъ съ обширной докладной запиской, доказывавшей необходимость основать въ Москвѣ цѣлое новое вѣдомство, аналогичное Петербургской Канцеляріи Строеній. «Понеже архитектура цивиліи соархитектурою милитаріи имеетъ каждая по своему званію равномерное искусство, — говоритъ онъ въ этой запискѣ, — ивтомъ какъ для придворныхъ такъ и ради публичныхъ казенныхъ и приватныхъ строеніевъ находится крайняя надобность чего ради краткому и притому наука ноивпредь вступающему дворянству кообученію подать охоту чрезъ что время отврема архитектура цивиліи яко архитектура милитаріи ксовершенству достигнуть можетъ ідля того кприращенію архитектуры цивиліи

¹ «Изъдѣланіе академіи» не удалось получить всѣхъ этихъ изданій, такъ какъ изъ канцеляріи Академіи дали справку, что «изъ вышеобъявленныхъ книгъ въ продажѣ находятся только полусъ декера ценою три тома шестнадцать рублевъ пятьдесятъ копеекъ... апротчихъ вышеписанныхъ иныхъ книгъ ныне приакадеміи въ продажѣ нетъ». Сенатъ велѣлъ купить Декера въ Академіи, а остальные «сыскать у вольныхъ». (Тамъ же, л. 32 об.). ² Тамъ же, Дѣла Правит. Сен. по Канц. Строеній, кн. 5473, л. 26.

1946
1947
1948

30

24/50

ЛЕНКНИГОТОРГ

Маг. № 1044

Квит. № 3497

Р. 30 к. -

в. 354

